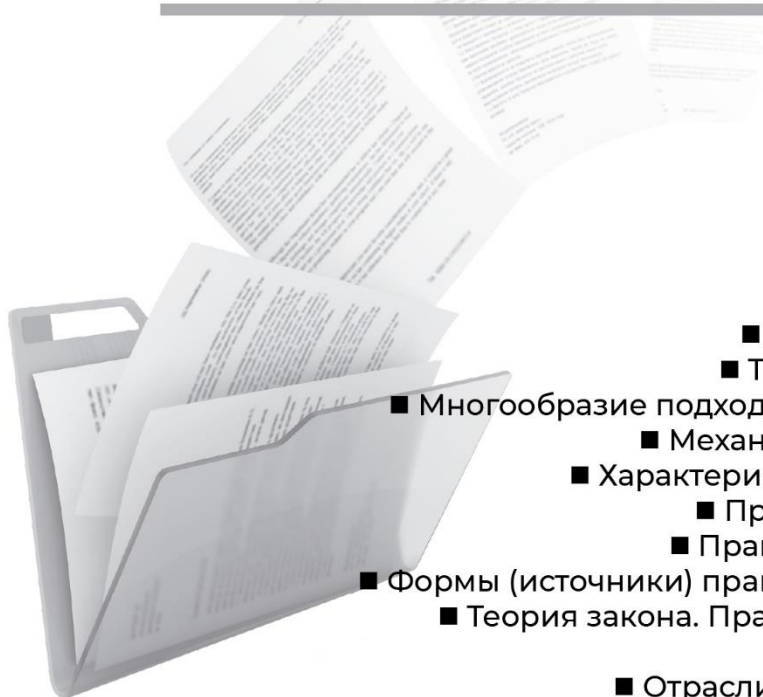

ISSN 2500-3674

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

- Онтология и гносеология права
- Теория обычая и обычного права
- Многообразие подходов к вопросам правопонимания
- Механизмы правового регулирования
- Характеристика моделей правовых систем
- Право в системе социальных норм
- Правосознание и правовая культура
- Формы (источники) права. Нормативные правовые акты
- Теория закона. Права человека как источник права
- Система и структура права
- Отрасли, подотрасли и институты права
- Правотворчество и законодательный процесс
- Применение правовых норм

№6-2024

Журнал «ЮРИДИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ» издается с 2016 года.

В журнале публикуются результаты научных исследований, суть которых состоит в глубоком познании права, государства и других юридических или экономических явлений. Среди авторов журнала российские и зарубежные исследователи (доктора и кандидаты наук, аспиранты и соискатели, студенты), и специалисты-практики (судьи, работники прокуратуры, адвокаты, нотариусы, экономисты, банковские служащие, государственные и муниципальные служащие, историки, философы). Широкая специализация журнала позволяет публиковать на его страницах статьи, обзоры, отзывы, рецензии и другие материалы, содержащие в себе новые теории познания всех отраслей юридической науки, экономической, а также материалы, содержащие результаты междисциплинарных исследований.

Тексты статей, поступающие в редакцию от авторов, проходят научное рецензирование и в обязательном порядке проверяются на наличие недобросовестного научного цитирования, а также самоцитирования в программной среде «Антиплагиат».

Приоритетные задачи издания:

- популяризация научной деятельности в российской высшей школе;
- ознакомление научного сообщества с передовыми результатами исследовательской активности в профильных областях знаний и обмен опытом с зарубежными коллегами и учеными из стран СНГ;
- актуализация современных научных воззрений на проблематику в сфере прикладной и фундаментальной науки, применительно к тематической специализации издания – теория государства и права, правоприменение и правотворчество;
- продвижение перспективных и научно-исследовательских разработок, связанных с предметной областью издания.

Разделы и рубрики журнала:

- теория и история права;
- конституционное право, конституционный судебный процесс;
- муниципальное право;
- актуальные вопросы частного права;
- уголовное право и процесс, уголовно-исполнительное право;
- судебно-экспертная деятельность;

- оперативно-розыскная деятельность и криминалистика;
- административное право, административный процесс;
- адвокатская дело;
- теория и история философии права;
- социальная и политическая философия;
- философия культуры;
- философия науки и техники;
- экономика и управление народным хозяйством;
- основы экономической безопасности;
- экономические преступления и методы их профилактики и противодействия;
- вопросы обеспечения национальной безопасности.

Язык издания: русский, английский.

Количество статей в выпуске: до 25.

Периодичность выхода: 8 выпусков в год.

Международный стандартный сериальный номер (ISSN):
2500-3674.

Настоящее издание включено в Перечень ведущих научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденными приказом Минобрнауки России (дата включения в перечень ВАК – 19.12.2023г.), журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА

Кудинов Владимир Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Винокуров Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах) (Москва)

Денисова Анна Васильевна, доктор юридических наук, доцент, профессор департамента систем судопроизводства и уголовного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

Исаенкова Оксана Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (Саратов)

Калюжный Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, Академия управления МВД России (Москва)

Киреев Михаил Павлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры управления ОВД в особых условиях ЦКШУ Академии управления М В Д России (Москва)

Ключко Ольга Ивановна, доктор философских наук, профессор общеинститутской кафедры психологии образования

Института педагогики и психологии образования, Московского городского педагогического университета. (Москва)

Либанова Светлана Эдуардовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург)

Лукьянчикова Людмила Владимировна, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)

Мухина Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, доцент, эксперт в области экономической безопасности и региональной экономики, почетный работник сферы образования Российской Федерации (Москва)

Назипова Гульчачак Рахимзяновна, профессор кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения, доктор исторических наук, член ИКОМ (Международного Совета музеев) России, член Правления Совета музеев ПФО, член НП АДИТ («Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии»), член НП «Национальный Союз Экспертов», эксперт по культурным ценностям, Заслуженный работник культуры Республики Татарстан, ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры (Казань)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва)

Рудаков Анатолий Валерьевич, доктор политических наук, Главный эксперт научно-исследовательского центра изучения проблем национальной и международной безопасности Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Нижегородского государственного университета им Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Синицын Олег Владимирович, Доктор исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры исторического и обществоведческого образования (на базе Института всеобщей истории РАН), Заслуженный профессор Казанского университета, Заслуженный работник высшей школы Республики Татарстан, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Казань)

Спектор Асия Ахметовна, доктор юридических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, Российский университет транспорта (МИИТ) (Москва)

Субетто Александр Иванович, профессор, кафедры общественных наук, Северо-Западный институт управления СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, профессор кафедры Истории религии и теологии РГПУ им. А.И. Герцена, доктор философских наук, доктор экономических наук, Заслуженный деятель науки РФ

Ульянов Олег Германович, доктор исторических наук, Профессор, Академик Российской Академии Естествознания, Историк, искусствовед, археолог. (Москва)

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД России (Краснодар)

Храмцова Флюра Ибрагимовна, дважды доктор политических наук – России, Белоруссии, профессор политологии, кандидат педагогических наук, профессор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Института государственной службы, главный научный сотрудник НИИ Теории и практики государственного управления той Академии управления

EDITOR-IN-CHIEF OF THE JOURNAL

Kudinov Vladimir Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Organization of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities Department of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Vinokurov Alexander Yuryevich, Doctor of Law, Professor, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of International Cooperation in the Field of Prosecutorial Activity, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and International arbitration courts (arbitrations) (Moscow)

Denisova Anna Vasilyevna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Judicial Systems and Criminal Law Department at the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

Isaenkova Oksana Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Civil Procedure Department, Saratov State Law Academy (Saratov)

Kalyuzhny Yuri Nikolaevich, Doctor of Law, Professor of the Management Department of Public Order Units of the Center for Command and Staff Exercises, Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

Kireev Mikhail Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Internal Affairs Management in Special Conditions Department of the Central Research School of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

Klyuchko Olga Ivanovna, Doctor of Philosophy, Professor of the General Institute Department of Educational Psychology, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City Pedagogical University. (Moscow)

Libanova Svetlana Eduardovna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Constitutional Law Department, Ural State Law University (Yekaterinburg)

Lukyanchikova Lyudmila Vladimirovna, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the State and Legal Disciplines Department of the Higher School of Jurisprudence Department of the Faculty of Public and Municipal Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Mukhina Elena Gennadievna, Doctor of Economics, Associate Professor, expert in the field of economic security and regional economics, Honorary Worker of education of the Russian Federation (Moscow)

Nazipova Gulchachak Rahimzyanovna, Professor of the Museology Department, Cultural Studies and Art History, Doctor of Historical Sciences, member of the ICOM (International Council of Museums) of Russia, member of the Board of the Council of Museums of the Volga Federal District, member of Automation of Museum Activities and Information Technologies, member of National Union of Experts, expert on cultural values, Honored Worker Culture of the Republic of Tatarstan, Kazan State Institute of Culture (Kazan)

Redkous Vladimir Mikhailovich, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher in the Sector of Administrative Law and Administrative Process at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Rudakov Anatoly Valerievich, Doctor of Political Sciences, Chief Expert of the Research Center for the Study of National and International Security Problems at the Institute of International Relations and World History, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod)

Sinitsyn Oleg Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Kazan (Volga Region) Federal University, Professor of the Department of Historical and Social Studies Education (based on the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences), Honored Professor of Kazan University, Honored Worker of Higher Education of the Republic of Tatarstan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Kazan)

Spector Asia Akhmetovna, Doctor of Law, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Russian University of Transport (Moscow)

Subetto Alexander Ivanovich, Professor, Department of Social Sciences, Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of Sciences under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of History of Religion and Theology of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Honored Scientist of the Russian Federation

Ulyanov Oleg Germanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Historian, art historian, archaeologist (Moscow)

Uporov Ivan Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar)

Khramtsova Flura Ibragimovna, twice Doctor of Political Sciences – Russia, Belarus, Professor of Political Science, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor at the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Institute of Public Administration, Chief Researcher at the Research Institute of Theory and Practice of Public Administration of that Academy of Management

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Айткулов Сайт Ахметканович, Мищенко Наталья Юрьевна,
Степанова Марьям Маратовна, Громов Виктор Александрович.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СПОРТЕ 14

Муталимов Абдулмуслим Эмеевич. РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ И ИХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ 25

Паршина Анна Александровна. ОСОБЕННОСТИ ПОЗИТИВНОГО
(ДЕЙСТВУЮЩЕГО) ПРАВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ 32

Паршина Анна Александровна. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО, КАК
ЦЕННОСТНАЯ ОСНОВА РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПОЗИТИВНОГО
(ДЕЙСТВУЮЩЕГО) ПРАВА 42

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бутрим Алина Олеговна. К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ГОДИЧНОГО
СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО ДОГОВОРУ ПЕРЕВОЗКИ И ОБЩЕГО
СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО ИНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ 52

Быкова Марина Владимировна. АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ
ДОКУМЕНТАЦИИ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ И ОТНЕСЕНИЮ ЗЕМЕЛЬ К
ОСОБО ЦЕННЫМ ПРОДУКТИВНЫМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ
УГОДЬЯМ 60

Мананников Дмитрий Юрьевич. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПРОКУРОРСКИХ ПРОВЕРОК
ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОВ В ИНТЕРЕСАХ ЛИЦ, НЕ ДОСТИГШИХ
СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ 67

Новгородов Дмитрий Александрович. ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ СЕТИ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ 84

Пекарева Виктория Владимировна. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К
СОДЕРЖАНИЮ ФЕНОМЕНА ПРАВОСОЗНАНИЯ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ЕГО
ПРИОРИТЕТНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ АНАЛИЗА ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ 92

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Брит Николай Николаевич. О ПРОБЛЕМЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ БАНКОВСКИХ ПЛАТЕЖНЫХ
АГЕНТОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАЦИИ ПЛАТЕЖНЫХ
АГРЕГАТОРОВ 102

Воронов Евгений Николаевич, Дюмина Анастасия Игоревна, Позднякова Виктория Игоревна. ДВОЙНАЯ КАССАЦИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ	112
Клепикова Ольга Геннадьевна. РОЛЬ СУДА В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРИНЦИПОВ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	119
Пшениснов Артем Николаевич. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ В НЕЖИЛЫЕ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ РЕГИОНОВ)	128
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
Карабанов Ростислав Михайлович, Охотина Алина Олеговна. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ	141
Нечаев Владимир Викторович, Теренков Игорь Евгеньевич, Осколков Александр Валерьевич. ПОЛУЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ	149
Нечаев Владимир Викторович, Теренков Игорь Евгеньевич, Черезов Александр Валентинович. СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОИЗВОДСТВА, АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	157
Плешаков Александр Михайлович, Тарасов Максим Юрьевич, Краева Наталья Викторовна. ПРИНЦИП УЧЕТА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВ И ПОТРЕБНОСТЕЙ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ПРОБАЦИИ	165
Пяткова Оксана Владимировна, Горбатова Марина Анатольевна. К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ	173
Черенкова Мария Германовна. ОСОБЕННОСТИ АНАГЕНЕЗА ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА НЕОКАЗАНИЕ, НЕПРАВИЛЬНОЕ ОКАЗАНИЕ ПАЦИЕНТУ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ	188

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Aitkulov Sait Akhmetkanovich, Mishchenko Natalia Yuryevna, Stepanova Maryam Maratovna, Gromov Viktor Alexandrovich. LEGAL REGULATION IN SPORTS **14**

Mutalimov Abdulmuslim Emeevich. SEPARATION OF POWERS AND THEIR INTERACTION **25**

Parshina Anna Alexandrovna. FEATURES OF POSITIVE (CURRENT) LAW IN THE CONTEXT OF MODERN LEGAL REALITY **32**

Parshina Anna Alexandrovna. NATURAL LAW AS A VALUE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF A SYSTEM OF POSITIVE (CURRENT) LAW **42**

PUBLIC LAW SCIENCES

Butrim Alina Olegovna. ON THE ISSUE OF THE RATIO OF THE ONE-YEAR LIMITATION PERIOD UNDER THE CONTRACT OF CARRIAGE AND THE TOTAL LIMITATION PERIOD FOR OTHER OBLIGATIONS **52**

Bykova Marina Vladimirovna. ANALYSIS OF REGULATORY AND LEGAL DOCUMENTATION ON THE REGULATION AND CLASSIFICATION OF LANDS AS ESPECIALLY VALUABLE PRODUCTIVE AGRICULTURAL LAND **60**

Manannikov Dmitry Yuryevich. TOPICAL ISSUES OF ORGANIZING AND CONDUCTING PROSECUTORIAL INSPECTIONS OF LAW ENFORCEMENT IN THE INTERESTS OF PERSONS UNDER THE AGE OF MAJORITY **67**

Novgorodov Dmitry Alexandrovich. INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS AS A MEANS OF COMMITTING ADMINISTRATIVE OFFENSES **84**

Pekareva Victoria Vladimirovna. A CONCEPTUAL APPROACH TO THE CONTENT OF THE PHENOMENON OF LEGAL AWARENESS IN ORDER TO UNDERSTAND ITS PRIORITY THROUGH THE ANALYSIS OF LEGAL DOCTRINE **92**

PRIVATE LAW SCIENCES

Brit Nikolai Nikolaevich. ON THE PROBLEM OF THE APPLICATION OF LIABILITY MEASURES FOR VIOLATIONS OF BANK PAYMENT AGENTS CARRYING OUT TRANSACTIONS OF PAYMENT AGGREGATORS **102**

Voronov Evgeny Nikolaevich, Dyumina Anastasia Igorevna, Pozdnyakova Victoria Igorevna. DOUBLE CASSATION IN CIVIL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION **112**

Klepikova Olga Gennadievna. THE ROLE OF THE COURT IN ARBITRATION PROCEEDINGS THROUGH THE PRISM OF THE PRINCIPLES OF CIVIL PROCEDURE	119
Pshenisnov Artyom Nikolaevich. PROBLEMS OF FORMATION OF PRACTICE OF TRANSFER OF RESIDENTIAL PREMISES TO NON-RESIDENTIAL (COMPARATIVE EXPERIENCE OF REGIONS)	128
CRIMINAL LAW SCIENCES	
Karabanov Rostislav Mikhailovich, Okhotina Alina Olegovna. TOPICAL ISSUES OF ENSURING EXECUTIVE AND POST-PENITENTIARY PROBATION	141
Nechaev Vladimir Viktorovich, Terenkov Igor Evgenievich, Oskolkov Alexander Valeryevich. OBTAINING TESTIMONY IN THE SYSTEM OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITY: PROBLEMS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE	149
Nechaev Vladimir Viktorovich, Terenkov Igor Evgenievich, Cherezov Alexander Valentinovich. INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE SYSTEM OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF PRODUCTION, ACTUALIZATION OF PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT	157
Pleshakov Alexander Mikhailovich, Tarasov Maxim Yurievich, Kraeva Natalia Viktorovna. THE PRINCIPLE OF TAKING INTO ACCOUNT INDIVIDUAL CHARACTERISTICS, CIRCUMSTANCES AND NEEDS IN FEDERAL PROBATION LEGISLATION	165
Pyatkova Oksana Vladimirovna, Gorbatova Marina Anatolyevna. ON THE ISSUE OF CRIME PREVENTION FOR THE ELDERLY	173
Cherenkova Maria Germanovna. FEATURES OF THE ANAGENESIS OF LEGAL NORMS REGULATING THE CRIMINAL PROSECUTION OF PROFESSIONAL MEDICAL WORKERS FOR FAILURE TO PROVIDE MEDICAL CARE TO A PATIENT INCORRECTLY	188

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 342.9

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СПОРТЕ

Айткулов Саит Ахметканович

Доцент, кандидат педагогических наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Южно-Уральский
государственный гуманитарно-педагогический университет»

Мищенко Наталья Юрьевна

Доцент, кандидат педагогических наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Уральский государственный
университет физической культуры»

Степанова Марьям Маратовна

Старший преподаватель, Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный гуманитарно-
педагогический университет»

Громов Виктор Александрович

Доцент, кандидат педагогических наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Южно-Уральский
государственный гуманитарно-педагогический университет»

E-mail: gromovva@cspu.ru

В статье представлена правовая характеристика специально-направленной соревновательной деятельности в спорте. Освещена ответственность субъектов в сфере проведения официальных соревнований, которая наблюдается в различных юридических плоскостях: административной, дисциплинарной, гражданско-правовой, уголовной; и имеет свои особенности. Студенческий спорт

отличается высокой степенью активности и широким диапазоном участия с краткосрочной подготовкой. Представлены результаты экспериментальных исследований формирования правовых знаний в сфере спортивно-соревновательной ответственности. Освещено взаимодействие опорных документов правового регулирования спорта.

Ключевые слова: любительский спорт, соревновательная деятельность, студенческий спорт, правила проведения соревнований, юридическая ответственность.

Современная спортивная деятельность представляет собой сферу отношений с широким спектром социальных воздействий. Влияние спорта на экономические, политические, социальные, образовательные и культурные процессы Российского общества стало очевидным и неоспоримым. Спорт оказывает огромное положительное влияние на молодежь. Однако, присутствуют и негативные издержки, которые устраняются с опорой на правовой аспект. В гуманистическом социальном правовом обществе не приемлем принцип победы любой ценой. Поэтому продолжается и совершенствуется механизм активного противодействия: применению методов и препаратов допинга в спорте; нарушений установленного социально приемлемого правопорядка для всех субъектов; и создания условий для предупреждения спортивного травматизма, мошенничества, спекуляции договорными победами [1]. В целях успешного решения задач, стоящих перед спортом в целом, появляется необходимость постоянного обновления, совершенствования правового механизма, с учётом новых вызовов современности. В упрощенном понимании спорт представляет собой спортивные соревнования и специальную подготовку к ним. С каждым годом просматривается необходимость постоянного обновления не только видов спорта, но и требований к проведению соревнований, в том числе, и к спортивной ответственности к участникам: тренерам, судьям, спортсменам, зрителям, к обслуживающему персоналу, к врачам и к администраторам; которые отражаются в правилах проведения соревнований, инструкциях, договорах и других документах

Цель исследований. Провести анализ специально-направленной правовой работы среди спортсменов университета, которая позволит снизить объём нарушений на студенческих спортивных соревнованиях.

Задачи исследования:

1. Изучить правовые источники регулирования спортивной деятельности в области соревнований и соперничества.
2. Выявить спектр нарушений правил при проведении студенческих соревнований и масштабы привлечения к ответственности участников.
3. Определить причины и экспериментально проверить возможности формирования дисциплинированности при подготовке к соревнованиям.

Организация и методы исследования. Спортивно-соревновательные и юридические аспекты применения ответственности в спорте рассматривались такими учёными как: Прокопец М.А., Гусов К.Н., Амиров И.М., Мищенко Н.Ю. и некоторые другие. Однако, ранее внимание было сосредоточено на отдельных нарушениях правопорядка, в основном касающихся привлечения к юридической ответственности участников спортивного мероприятия, которые предусмотрены Российским федеральным законодательством, или к специальной спортивной ответственности в среде профессиональных, либо любительских клубов. Также, необходимо отметить, что в работах учёных делаются попытки обобщения, соответствия и систематизации. Но когда речь касается участия студенческой молодёжи в спорте, появляется ряд особенностей, анализ которых позволяет аккумулировать и управлять процессом предупреждения правонарушений в специфической образовательной среде в условиях университета. Определены основные черты:

- проходят обучение и воспитание в образовательных учреждениях;
- компактное размещение и повседневная коммуникация;
- участие многих спортсменов в соревнованиях за честь института, факультета, университета реализуется сразу в нескольких разных видах спорта, сходным с профильным секционным;
- отсутствие в спорте коммерческого воздействия.

В 2022-2024 годах в Южно-Уральском государственном гуманитарно-педагогическом университете проведены научные исследования с участием студентов, преподавателей физической культуры и тренеров по спорту. Привлечена группа студентов спортсменов в количестве 64 человек из разных факультетов и курсов обучения, активно участвующих в студенческих соревнованиях и регулярно посещающих спортивные секции в университете. Использовались общеизвестные методы: изучение научной литературы, наблюдение, опрос, анкетирование, анализ протоколов соревнований, тестирование, проведён эксперимент, сравнение, статистическая обработка данных. Выявлена оценка студентам за знание правил проведения соревнований по конкретным видам спорта, в которых спортсмен участвовал. Знания у спортсменов определялись с помощью теоретического тестирования: пять вопросов, с пятью возможными ответами (из которых правильными могли быть 1, 2, 3, 4 и даже 5 правильных ответов). Оценка: зачёт – все ответы правильные. По протоколам проведённых студенческих соревнований установлено количество нарушений в 2018-2023 годах. В последующем в 2023-2024 учебном году проведён эксперимент в течении года. Реализовано порционно-деятельностное дозированное доведение информации до спортсменов по соблюдению требований правил соревнований в процессе тренировок при выполнении конкретного двигательного технического или тактического акта, отработаны критерии соответствия этих действий правилам. То есть, в целях предупреждения возможных нарушений, доведение правил соревнований проводилось

сразу при освоении в деятельностном режиме, на практике. При анализе протоколов учитывались результаты только официальных студенческих соревнований университетского, муниципального, областного уровня в течении учебного года.

Результаты исследований и их обсуждение. В научной литературе ответственность воспринимается, как обязанность нарушителя претерпевать неблагоприятные для него последствия за совершенное нарушение установленных правил, а юридическая ответственность – как мера государственного принуждения за совершенное правонарушение, связанная с привлечением виновного к лишениям личного или имущественного характера [2, 3]. Официальные спортивные соревнования, проводимые по утверждённым правилам федераций конкретного вида спорта, предусматривают ответственность всех участников: спортсменов, тренеров, судей, зрителей, служащих и врачей. Однако, рассматриваемая ответственность не всегда воспринимается как правовая, то есть юридическая. Несмотря на то, что некоторые учёные видят в ней только разновидность общественной ответственности, можно утверждать, что в спортивно-соревновательной ответственности есть и юридические составляющие. Невыполнение обязанностей врача или судьи, как и нарушения самих спортсменов, могут привести к серьёзным последствиям и даже к смерти участника. Тогда возникнет вопрос по конкретной виновности и по расследованию исходных причин. Все прекрасно понимают, что вступает в силу юридическая ответственность каждого соучастника конкретного нарушения. А вот разрабатывает и утверждает содержание правил проведения спортивных мероприятий общественная спортивная организация, точнее федерация по виду спорта [4, 5]. И в первую очередь легитимными становятся правила тех видов спорта, которые включены во Всероссийский реестр видов спорта. Общероссийские спортивные федерации разрабатывают правила проведения соревнований с учётом правил разработанных международными спортивными организациями, которые должны соответствовать нормам и Российского законодательства [6, 7, 8].

В статье рассматривается объём нарушений правил проведения именно студенческих соревнований и привлечение к ответственности. В результате анализа протоколов спортивных соревнований за 2017-2019, 2022, 2023 года с участием студентов спортсменов выявлено значительное количество спортивно-соревновательных нарушений и взысканий, иногда с юридическими последствиями дисциплинарного и гражданско-правового характера. Для сравнения результатов представлен рисунок по учебным годам (Рисунок 1).

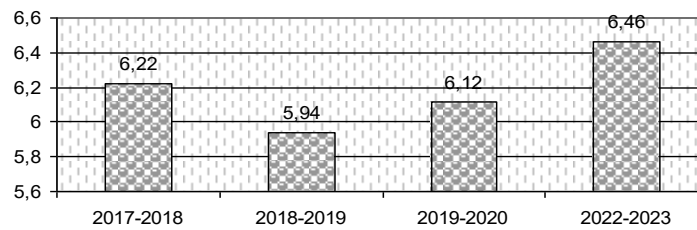

Рисунок 1 – Статистика нарушений правил соревнований 2017-2023 годах

На рисунке 1 видим констатирующие маркеры по нарушениям с привлечением к ответственности. У спортсменов из студенческой среды результаты нарушений правил проведения соревнований с последствиями спортивно-соревновательного общественного характера составляет в виде коэффициента (K): в среднем количество нарушений на одно соревнование за учебный год составили в условных единицах от 5,94 у.е. до 6,46 у.е.. Здесь не освещено количество проведённых соревнований, так как средний коэффициент является более информативным. По рисунку 1 можно определить, что объём ответственности за нарушения вырос в 2022-2023 учебном году значительно. С 2020 по 2021 календарные года в России был ковидный период, соревнования не проводились. Резкий скачок нарушений правил в 2022-2023 учебном году насторожил специалистов. Важным маркером является то, что значительная часть спортсменов к соревнованиям физически готовы, а правила проведения систематически нарушают. Это приводит не только к значительному количеству нарушений и привлечения к спортивно-дисциплинарной ответственности, но и к травмам.

В связи с большим количеством нарушений правил соревнований студентами в 2022-2023 учебных годах, возникла необходимость проверки знаний правил соревнований участниками спортсменами. В конце учебного года проведено тестирование. В течение 2023-2024 учебного года по новой схеме усвоения требований проведён эксперимент по проверке эффективности порционно-деятельностного дозированного доведения информации в процессе освоения двигательных актов. В данном эксперименте учитывались возможности переключения с основного профиля спортсменов на родственные спортивные виды при кратковременном предсоревновательном этапе подготовки, которая встречается только в студенческой среде. По окончании 2023-2024 года проведено тестирование знаний спортсменов в тех видах, в которых принял участие. Результаты теоретической готовности студентов к соревнованиям освещены на рисунке (Рисунок 2).

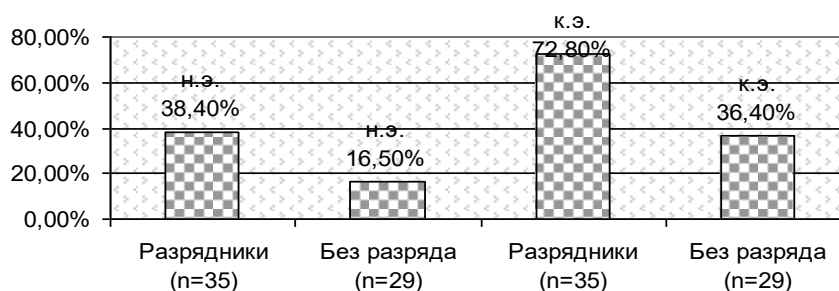

Рисунок 2 – Уровень подготовленности по знаниям правил соревнований

На рисунке 2 отражены знания с учётом категории спортсменов: разрядники и студенты без спортивного разряда. По окончании эксперимента видно, что у разрядников и студентов без спортивных разрядов количество получивших «зачёт» увеличилось: разрядники на 34,4%, а у спортсменов без разряда на 19,9%. По гипотезе экспериментальной работы рассматривается, что улучшение в знаниях правил соревнований, понизит процент нарушений правил и привлечения к ответственности. То, что часть студентов особенно без спортивного разряда, выходят на соперничество на родственные виды спорта со слабой теоретической готовностью в знаниях требований в размере 16,5%, говорит о пробелах при форсировании предсоревновательного этапа спортсменами, где присутствует только физическая подготовка. Положение дел приводит к ошибкам, к санкциям, а также к юридической ответственности.

В некоторых случаях предусматривается участие общественных спортивных организаций в разработке правовых документов по проведению соревнований. Делегирование в разработке юридических документов негосударственным организациям происходит тогда, когда государство законодательно подтверждает свою волю, отражаемую в федеральных документах. В нашем случае статья 132 Конституции России рассматривается как передача санкционированного правотворчества общественным спортивным федерациям по видам спорта, а также утверждаются уже принятые спортивными общественными организациями нормативные акты в виде «правил проведения спортивных соревнований» по конкретному виду спорта. Санкционирование правил проведения соревнований государственными органами предоставляет не только большие права в использовании дисциплинарных воздействий, но и обеспечивает надёжность в управлении самим процессом. Напоминаем, что речь идёт об официальных соревнованиях, вошедших во Всероссийский реестр видов спорта. Расширение числа нормативно-правовых актов разработанных общественными организациями значительно дополняют пробелы и недочёты в законодательстве в организации сферы жизни общества. Это положение связано со спецификой реализации отдельных сторон общественной и политической активности, в которых существуют особенности и сложности в

реализации, и государство не всегда может охватить такой объём регулирования [9, 10].

Определённость позволяет отнести «правила проведения соревнований» по видам спорта к нормативно-правовым документам. Естественно, что и ответственность, которая предусмотрена за нарушение правил, становится юридической. Также стоит отметить Федеральный закон "О физической культуре и спорте в Российской Федерации", опорный для спорта документ в статье 24, где сказано, что утверждаются правила по видам спорта уполномоченным Правительством Российской Федерации, а точнее федеральным органом исполнительной власти, но с учетом международных требований по спортивным организациям. Кроме того указано, что проведение всех официальных спортивных соревнований в России допускается только на основании правил проведения, которые утверждены в соответствии с требованиями статьи 24. Стоит здесь заметить, что существуют и незначительные нарушения, которые останутся в спортивно-соревновательной зоне ответственности, тем более, если связаны с технической стороной выполнения двигательного действия, но которое не представляет собой опасность здоровью и жизни для самого спортсмена и окружающих. В таких случаях применяются технические санкции, которые являются специфическими, спортивными и относятся к сфере неготовности спортсмена [11]. Несмотря на определение как незначительные, технические и другие нарушения в определённых условиях и стечениях обстоятельств могут привести к серьёзным последствиям. Например, техническая неготовность приводит к неудачному падению спортсмена со снаряда и тяжёлой травме и другие. Поэтому качественное доведение требований правил участия в соревнованиях является важным вкладом в предупреждение правонарушений. Проведённый эксперимент по доведению информации в процессе обучения и тренировок порционно-деятельностным дозированным методом показал взаимосвязь между знаниями правил проведения соревнований, привлечением к спортивно-соревновательной ответственности и состоянием травматизма. Более наглядно в цифрах зависимость отражена на рисунке 3 (Рисунок 3).

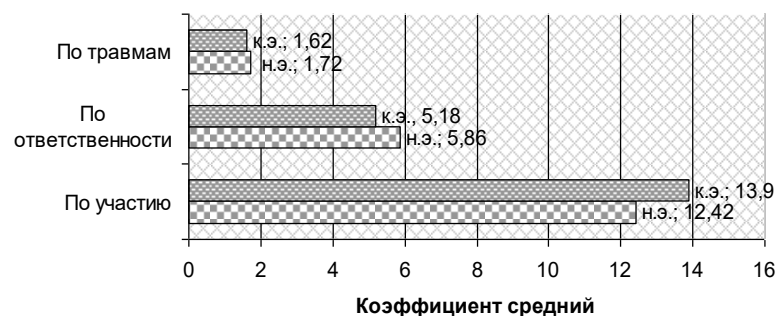

Рисунок 3 – Взаимосвязь сдвигов от показателей дисциплинированности

Коэффициент, используемый в рисунке, представляет собой среднее значение количества участия студентов в соревнованиях, привлечения к спортивной ответственности, количества травм по соотношению к количеству соревнований. Например, за 20 соревнований количество составило 150 травм; это значит, что средний коэффициент за одно соревнование составляет $150:20=7,5$ у.е. (условных единиц). В конце эксперимента увеличился коэффициент не только по знаниям правил проведения соревнований всеми категориями участников на 35,2%, но и уменьшилось количество нарушений на 0,78 у.е., и травм на 0,1 у.е..

Систематический анализ даст возможность сравнивать результативность тренерской работы в области снижения нарушений правил соревнований. Такая работа также повысит успешность выступлений. Общеизвестно, что в спорте возможны назначения штрафных и сдерживающих условий, которые ставят спортсмена или команды в менее выгодное положение. Предоставленное судьями соревновательное преимущество рассматривается как особенность спортивной борьбы (штрафной или свободный удар в футболе; штрафной в баскетболе, желтая или красная карточка в футболе, различные виды удалений с площадки в хоккее и т.п.). Применение таких видов ответственности может иметь смысл только на соревнованиях.

В этой связи стоит обратить внимание на тот факт, что исторически в области спорта образовалась своя система специализированных общественных органов, которые получили право применять дополнительные санкции за нарушение установленных спортивных требований. В первичном звене в применении штрафных санкций, которые предусмотрены спортивно-соревновательной деятельностью, появляется такое должностное лицо как: судья, арбитр, рефери данных соревнований [12]. В обязанности и права судьи входят доступные санкции:

- принимает решения по дисциплинарному воздействию по отношению к виновным в нарушениях;
- карает, предупреждает или удаляет;
- принимает меры к официальным лицам, ведущих себя некорректно;
- может по своему усмотрению удалить с площадки, зоны и другие.

Достаточно детально правовой статус спортивных арбитров закреплен приказом Минспорттуризма Российской Федерации, в «Положении о спортивных судьях» [13]. Но применение санкций, возможно также, за нарушение спортивных правил общественными спортивными организациями такими как: Контрольно-дисциплинарный комитет Российского футбольного союза, Дисциплинарный совет по национальным видам борьбы, Арбитражный комитет Федерации хоккея России, Апелляционное жюри Российской федерации баскетбола и другие. Ещё существуют в применении спортивной ответственности Спортивные арбитражные суды. Такие

общественно-спортивные организации рассматриваются как специализированные третейские суды, которые призваны для бескомпромиссного разрешения, сложных споров, которые возникают в сфере спортивной деятельности [14]. Иногда такие арбитражные суды отменяют решения судей соревнований или изменяют степень привлечения к спортивной ответственности участников.

Однако, необходимо учитывать, что в случае проявления тех видов нарушений, которые привели к неблагоприятным последствиям установленными государством от совершенного деяния, то рассматривается уже в более печальном ракурсе юридической ответственности.

В практике спорта при неблагоприятных последствиях виды юридической ответственности исключаются в случае отсутствия нарушения спортивных правил. Судья не может привлекаться к юридической или спортивно-соревновательной ответственности за травму, полученную спортсменом, официальным лицом или зрителем, в случаях, когда могла бы совершиться вследствие решения, которое принято им, но в соответствии с требованиями правил проведения соревнования по виду спорта. Это положение сохраняется и в отношении других процедур и мероприятий, которые необходимы для организации, проведения, а также регулированием хода соревнований. То есть, даже в случае тяжких последствий, но при соблюдении правил проведения соревнований, презумпция невиновности сохраняется.

А вот в случае, когда есть нарушения правил проведения спортивных соревнований и серьёзные последствия, тогда в практике спорта наступает гражданско-правовая, дисциплинарная, уголовная ответственность. Однако учитывается специфика проведения соревнований по конкретному виду спорта или спортивного мероприятия [15]. Следуя логике вынесенного заключения, можно сделать вывод, что существуют разумные рамки допущения травм, при которых гражданско-правовая или административная ответственность не возникает. Например, «попытка удара по мячу привела к попаданию в пальцы выдвинутых вперёд рук, с получением травмы пальцев»; такое событие следовало бы рассматривать как специфику и допускаемый определённый спортивный риск, на который изначально согласился спортсмен, приняв участие в мероприятии. Но, в противном случае для вынесения наказания в результате разбирательства судья должен прийти к выводу, что соперник данное действие совершил умышленно или нарушил правила проведения.

Заключение. В статье попытались рассмотреть особенности функционирования института юридической ответственности в области официальных студенческих спортивных соревнований и соперничества. Внимание было сосредоточено не только на определении направлений дальнейших исследований по формированию юридической ответственности в сфере спорта, но и в средствах, методах, формах работы по овладению необходимыми знаниями по выполнению правил правопорядка студентами-спортсменами в период учёбы в университете. Дальнейшая разработка условий для реализации

требований правил проведения соревнований в спорте и формирования самосознания участников в необходимости соблюдения дисциплины будет иметь весомое значение в правоприменительной практике в области спортивных баталий и в целом даст толчок к дальнейшему развитию отечественного спорта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мохов А.А. Гражданско-правовые средства реализации антидопинговой политики в Российской Федерации // Ученые записки Казанского университета. 2017. Т. 159. С. 520-527
2. Теория государства и права: учебник / под ред. В.Я. Кикотя, В.В. Лазарева. М., 2008, С. 619
3. Алексеев С.В., Бариев М.М. и др. Правовое поле физической культуры и спорта в образовательном пространстве Российской Федерации // Культура физическая и здоровье. 2018. № 4. С. 6-1.
4. Амиров И.М. Особенности юридической ответственности в сфере спорта: к постановке проблемы / И.М. Агаларов // Общество и право. – 2010. – № 4 (31).
5. Прокопец М.А. Спортивная ответственность и спортивные санкции // Материалы международной научно-практической конференции "Спортивное право: перспективы развития" 29 июня 2007 года, М., С. 131-135.
6. Амиров И.М. Антидопинговый правопорядок в России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3. С. 175-178.
7. пункт 1 статья 24 Федеральный закон от 04 декабря 2007 № 329-ФЗ "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" (в ред. Федеральных законов от 23.07.2008 № 160-ФЗ, от 25.12.2008 № 281-ФЗ, от 07.05.2009 № 82-ФЗ, от 18.07.2009 № 175-ФЗ) // "Российская газета", № 276, 08.12.2007
8. Гусов К.Н., Шевченко О.А. Спортивное право. М.: Проспект, 2011. 95 с.
9. Сырых В. М. Теория государства и права: Учебник для вузов. – 4-е изд., стер. М.: ЗАО Юстицинформ, 2005. С. 703
10. Амиров И.М. Юридическая ответственность в сфере спорта (вопросы теории и практики) / Учебное пособие. Уфа, 2006. С.74
11. Мельник Т.Е. Государственное регулирование и саморегулирование в области физической культуры и спорта // Журнал российского права. – 2012. – № 3. – С. 23-32.
12. Соловьев А.А. Концепция проекта Спортивного кодекса Российской Федерации / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. – М., 2009 С. 104.
13. Приказ Минспорттуризма РФ от 125 27.11.2008 № 56 "Обутверждении Положения о спортивных судьях" (Зарегистрировано в Минюсте РФ 19.01.2009 № 13114).
14. Понкина А.И. Автономность спорта: теоретико-правовое исследование / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов

России, Национальное объединение спортивных юристов Российской Федерации. – М., 2013.

15. Кочедыкова К.М. К вопросу об оспаривании процессуальных актов, принимаемых при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 1. С. 67–69.

LEGAL REGULATION IN SPORTS

Aitkulov S.A., Mishchenko N.Y., Stepanova M.M., Gromov V.A.

The article presents a legal characteristic of specially-controlled competitive activities in sports. The responsibility of subjects in the field of official competitions, which is observed in various legal planes: administrative, disciplinary, civil law, criminal; And has its own characteristics. Student sports are distinguished by a high degree of activity and a wide range of participation with short -term preparation. The results of experimental studies of the formation of legal knowledge in the field of sports and considerative responsibility are presented. The interaction of supporting documents of the right sports regulation is highlighted.

Keywords: amateur sports, competitive activities, student sports, competition rules, legal responsibility.

УДК 34

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Муталимов Абдулмуслим Эмеевич

Доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Махачкала

E-mail: muslim.mutalimov@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению исторических корней зарождения и становления принципа разделения властей, как основы парламентаризма, в зависимости от существующей политико-правовой ситуации в государстве. В данном случае получаем научные возможности **использования** исторического метода, и рассматривать стратификацию властей под углом зрения науки «Политология» в её диалектическом развитии. В ходе **анализа** структуры разделения властей были получены результаты, подтверждающую гипотезу. Полученные **выводы** показывают, что в статье рассматривается принцип разделения властей, как важнейший принцип правового государства, а также ход реализации разделения властей и обнаружившиеся в этой связи противоречия и их взаимодействие.

Ключевые слова: разделение властей, правовое государство, общественная жизнь, свобода выбора, моральная ответственность, высшая добродетель, концентрация и узурпация власти.

Разделение властей – это политико-правовая доктрина и конституционный принцип, лежащий в основе организации власти демократического государства. Принцип разделения властей известен мировому сообществу с античных времен. Древние греки использовали этот принцип для укрепления государственного строя, защищая его от политических потрясений. По утверждению специалистов, разделение властей, как составной части учения о демократическом государстве, связано с революциями эпохи Нового времени, когда Джон Локк и Шарль Монтескье сформулировали этот принцип как гарантию против злоупотребления и концентрации власти в одних руках. Для исключения концентрации власти в одних руках и бесконтрольного пользования ею «единая государственная власть делится на три ветви»: законодательную, исполнительную и судебную. Принцип разделения властей не противостоит единству государственной власти, не отрицает «единство власти», но отрицает «единовластие». Принцип разделения властей не действует автоматически. Он нуждается в средствах

обеспечения правовых гарантий и механизмов, в системе сдержек и противовесов. Таковой остается его суть и поныне.

Теория разделения властей зарождалась в определенных исторических этапах и социально-политических условиях, и в течение веков она подвергалась постоянным корректировкам, изменялась и дополнялась, исходя из социально-политической и правовой реальности, обусловленной обстановкой в конкретных государствах. Мнению многих античных историков и философов, важнейшей задачей любой власти должно быть обеспечение социального блага для всех свободных граждан, посвятивших себя и свою жизнь военной, политической либо научной деятельности [12]

Интересно, что Конфуций противопоставляет регулирование общественной жизни через правовые законы и указы самоорганизации общества с помощью обычаев и ритуалов. Он отмечает, что Законы и указы принимаются конкретными личностями под влиянием обстоятельств и эмоций. Обычаи и ритуалы – это регуляторы жизни, выросшие естественным путем. В отличие от законов и указов, которые защищают чьи-то интересы, обычно интересы меньшинства, обычаи и традиции – более объективные регуляторы, перед которыми в действительности все равны – и землепашец, и император. Обычаи и ритуалы нельзя отменить, их действия нельзя приостановить, поскольку они нигде официально не приняты.

В античной Греции человек изначально понимался как космическое существо. Главными действующими субъектами истории выступают боги Олимпа, из действия которых сплетается ткань истории. Человек вовлекается в космические вихри подобно песчинкам и пылинкам. Он полностью подчинен судьбе и не имеет никакой свободы выбора, поэтому не несет моральной ответственности за свои поступки. Таким образом, мы представляем себе генезис развития и функционирования законов в различных обществах, учитывая временной и территориальный фактор.

Первые мысли о разделении властей содержались в труде Платона «Государство», описывая стратификацию идеального государства «Атлантида». Платон отождествляет государство с человеческой душой, он говорил: «Раз государство подразделяется на три сословия, то и в душе каждого отдельного человека можно различить три начала» [1]. Подобно тому, как в душе есть три начала, так и в государстве должно быть три сословия. Разумному началу души в идеальном государстве соответствуют правители-философы, яростному началу – воины, вожделеющему – земледельцы и ремесленники. Гармоничное сочетание этих начал есть справедливость. Платон проектирует идеальное государство как продукт разума. Это государство основано на принципе справедливости, которая есть высшая добродетель. Справедливость состоит в том, чтобы представители данного сословия занимались своим делом, к которому они имеют склонность от природы, и не вмешивались в сферу деятельности других сословий.

Учение Платона об идеальном государстве продолжил Аристотель. Аристотель в любом государстве делил власть на следующие три части: «законосовещательный» орган (народное собрание), административный или правительственный орган (магистратуры) и судебные органы.

Концепция разделения властей укрепилась, как уже было сказано в XVII-XVIII веках. Основателями этой концепции считаются английский философ Джон Локк и французский просветитель Шарль Луи Монтескье.

По мнению Джона Локка, человек жил в некоем «золотом веке», где не было ни частной собственности, ни законов. С появлением частной собственности, заключением общественного договора изменилась жизнь общества. В последующем договор нарушался самими правителями, тем самым ущемлялись свободы общества. Джон Локк предлагает ограничить власть монарха и разделить государственную власть на ветви, он выделял такие ветви власти как законодательная, исполнительная и федеративная. Эта концепция была закреплена в главном его труде, изданном в 1690 году «Два трактата о правлении».

Однако в своем произведении «Два трактата о правлении» Джон Локк говорит и о судебной власти, некоторые права он относит к естественным, в том числе и право на частную собственность, тем самым допуская организованное сопротивление власти. Во всем учении Джона Локка имеется одно упущение, он недооценивал судебную власть, по концепции Джона Локка, доминировала законодательная власть.

Приблизительно через одно столетие французский просветитель Шарль Луи Монтескье предложил иную концепцию разделения властей. Шарль Луи Монтескье говорит о трех ветвях власти: законодательной, исполнительной и судебной. Он писал об этом в главном своем произведении «О духе законов», в рамках которого он занимался более двадцати лет. Однако автор тут же оговаривается: «судебная власть – это вовсе не власть»[2]. Как и Джон Локк Шарль Луи Монтескье недооценивал судебную власть, он также против равенства всех перед судом. По мнению Монтескье, суды должны быть сословными, то есть равные должны судить равных [4].

Проблема осуществления прав и свобод человека и гражданина, и принцип разделения властей тесно взаимосвязаны. В определенном смысле можно даже говорить об их органическом единстве. Утверждение института прав и свобод человека и гражданина, их гарантированность – это своеобразный механизм формирования гражданского общества. Он бы препятствовал чрезмерной концентрации власти чреватой ее полным сосредоточением ее в руках одного лица или узкого круга лиц, которые бы правили по своему усмотрению, не считаясь не с правовыми предписаниями, ни с правами и свободами человека и гражданина. Ответом на эту потребность в механизме, который бы препятствовал бы узурпации власти, стали концепции и конституционный принцип разделения властей. Поиск наилучших форм организации власти, исследование механизма ее осуществления пронизывают всю историю политической мысли.

Принцип разделения властей, впервые отраженный в конституционных актах Великой французской революции, был использован в конституции США 1787 года. Отцы американской конституции использовали эту концепцию и расширили ее, создав систему «сдержек и противовесов». Кроме того, они разработали идею федерализма вертикального разделения властей. В наше время принцип разделения властей является конституционным принципом осуществления государственной власти, в частности в 10 статье Конституции РФ говорится: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную [3]. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны». В демократическом обществе этот принцип предполагает, что все три власти одинаковы, равновелики по силе, служат противовесами по отношению друг к другу и могут «сдерживать» одна другую, не допуская тем самым доминирования из них. Принцип разделения властей не исключает, а наоборот предполагает сбалансированное взаимодействие властей, единство государственного механизма, системы государственного управления. С помощью разделения властей государство организуется и функционирует правовым способом: 1) государственные органы действуют в рамках своей компетенции, не подменяя друг друга; 2) устанавливается взаимный контроль, сбалансированность, равновесие во взаимоотношениях. Принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную означает, что каждая из властей действует самостоятельно и не вмешивается в полномочия другой. Система «сдержек и противовесов» [7] устраняет всякую почву для узурпации полномочий одной власти другой и обеспечивает нормальное функционирование органов государства.

Можно говорить о нескольких значениях «разделении властей» или разных сторонах данного понятия. Зародившись в античности как идея, она выросла как особое учение о государстве. Монтескье писал, что «все погибло, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, из дворян или простых людей, были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть претворять в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить тяжбы частных лиц» [13].

Различают еще два аспекта разделения властей: юридический и политический. Первый предполагает его формально – юридическое закрепление, второй – фактическое «разделение властей». Между ними нередко образуется разрыв, который нетрудно обнаружить в конституциональном законодательстве многих государств [14]. Юридический смысл разделения властей состоит в признании в признании за законодательной властью, за представительными органами права издавать основные для общества нормативные акты – законы [15]. В теории государства и права все еще остается неразрешенным противоречие самого существенного характера. С одной стороны, долгое время господствует теория разделения властей, а с другой – признаются за источник права судебные решения.

Теория разделения властей, задуманная ее основателями как практический политический постулат, предназначенный для того, чтобы ограничить, сдержать и разделить государственную власть в целях защиты свободы граждан, подверглась затем существенным воздействиям со стороны тех представителей политической и юридической науки, которые пытались дать определения видам государственной деятельности, логически относящимся функциям отдельных носителей власти: законодательным, исполнительным и судебным органам [16].

На сегодняшний день принцип разделения властей является одним из основных принципов осуществления государственной власти в большинстве демократических государствах земного шара. Можно сказать, что принцип разделения властей является доминирующим принципом осуществления государственной власти. Разделение властей, как отмечалось выше, не допускает узурпации государственной власти в руках одного лица или узкого круга лиц, тем самым, не допуская произвола или превышения должностных полномочий, органами или должностными лицами одной из ветвей власти.

Все три ветви государственной власти обеспечивают единство функционирования государства, не заменяют и не вытесняют друг друга. Все три ветви государственной власти при осуществлении своей компетенции взаимодействуют между собой, в разных сферах, в частности: законодательная власть разрабатывает, принимает и издает законы для того, чтобы были урегулированы все возможные отношения, возникающие в обществе. Если законы не исполняются, ненадлежащим образом исполняются или преступаются, в действие вступают системы, существующие для принуждения к исполнению законов, изданных от имени большинства народа. Порой и, чиновники, принуждающие к исполнению законов, бывают неправы. Руководитель государства призван обеспечивать согласованное функционирование этих органов власти в интересах единой властной воли народа и достижения общегосударственных целей. В современных государствах глава государства, по общему правилу, является единоличным. Тогда дело может дойти до судебной защиты. Следует учитывать, что соотношение между полномочиями органов всех ветвей государственной власти устанавливаются в конституциях и иных основных законах каждого государства в соответствии с господствующим в нем пониманием сущности демократии и народовластия [17].

Компетенция зависит от формы правления, формы государственного устройства, исторических условий, степени демократичности страны, соотношения в ней политических сил и ряда факторов. Так, в парламентских республиках парламенты не принимают участия в формировании правительства, ограничен их контроль за деятельностью исполнительной власти. В федеральных государствах компетенция представленных органов поделена между федерацией и ее субъектами. В государствах с тоталитарным режимом конституции могут закреплять за парламентом значительные права, но на практике большинство их полномочий оказывается фиктивным. Во многих

странах компетенция парламента недостаточно четко регламентируется конституционными актами [18].

Влияние и сила исполнительной власти зависит от того, является президент главой исполнительной власти. В свою очередь, место президента в организации государственной власти, объем его полномочий зависит от модели республики: президентской, полупрезидентской или парламентской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права: учебник/ Л. А. Морозова.-5-е издание, переработанное и дополненное.-М. Норма: ИНФРА-М, 2016.-464с.
2. МонтескьеШ. О духе законов//Избранные произведения. М., 1955. С. 202.
3. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993г.
4. Агабеков Г. Б. Концепция разделения властей: история и современность. Науч.-аналит. обзор. – М.: ИНИОН, 1992. – 54 с.
5. Баренбойм П. Д. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера: Учеб.пособие. – М.: РОССПЭН, 2003. – 285 с. – ISBN 5-8243-0452-1
6. Баренбойм П. Д. Дух Конституции России и восточное происхождение «западной» доктрины разделения властей / «Правовая реформа. Судебная реформа. Конституционная экономика», сборник статей, М., 2004 – ISBN 5-89194-171-6
7. Барнашов А. М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение / Под ред. А. И. Кима. – Томск: Изд-во Том.гос. ун-та им. В. В. Куйбышева, 1988. – 100 с.
8. Бельский К. С. Разделение властей и ответственность в государственном управлении (Политологические аспекты): Учеб.пособие. – М.: Всесоюз. юрид. заоч. ин-т, 1990. – 167 с.
9. Козырев А. А. Принцип разделения и взаимодействия властей в субъектах Российской Федерации. – М.: Российская академия социальных наук, 2001. – 45 с. – ISBN 5-9421-001-10
10. Лузин В. В. Принцип разделения властей как основа конституционализма: Сравнительное исследование на примере США, Великобритании и Франции. – Н. Новгород, 1997. – 178 с.
11. Мишин А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. – М.: Наука, 1984. – 190 с.
12. Поляков Е.Н. Образ Вселенной в культовом зодчестве Древнего мира/Е.Н. Поляков.-Томск: Изд-во Том. Гос. Архит.-строит ун-та, 2009.-431 с.
13. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1995. С. 290-291.
14. Мишин А.А. Государственное право США. М., 1976. С. 125.
15. Шувалов И.И. Юридический аспект теории разделения властей//Конституциональное и муниципальное право. 2005. № 3.

16. См.: Судебная практика как источник права. М., 1997; Судебная практика как источник права. М., 2000. Марченко М.Н. Является судебная практика источником российского права? //Журнал российского права 2000. № 12. С. 11-21.

17. Крылов Б.С. Разделение власти: система сдержек и противовесов//Журнал российского права. № 6. 1998.

18. См.: Здоровцева А.А. Принцип разделения властей: понятие и реализация. Хабаровск. 2011 (Фондовая лекция).

SEPARATION OF POWERS AND THEIR INTERACTION SUMMARY

Mutalimov A.E.

The article is devoted to the consideration of the historical roots of the origin and formation of the principle of separation of powers, as the basis of parliamentarism, depending on the existing political and legal situation in the state. In this case, we get the scientific possibilities of using the historical method, and consider the stratification of the authorities from the perspective of science "Political Science" in its dialectical development. During the analysis of the structure of the separation of powers, results were obtained that confirm the hypothesis. The findings show that the article considers the principle of separation of powers as the most important principle of the rule of law, as well as the implementation of the separation of powers and the contradictions and their interaction that have emerged in this regard.

Keywords: separation of powers, rule of law, public life, freedom of choice, moral responsibility, supreme virtue, concentration and usurpation of power.

УДК 340

ОСОБЕННОСТИ ПОЗИТИВНОГО (ДЕЙСТВУЮЩЕГО) ПРАВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Паршина Анна Александровна
Кандидат юридических наук,
Ростовский институт защиты предпринимателя,
Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: rektorat@rizp.ru

В статье анализируются особенности позитивного (действующего) права как особого регулятивного явления, производного исключительно от государства, но претерпевающего значительные позитивные изменения в условиях совершенной демократии, функционирования гражданского общества, становления основ правовой государственности. Подчеркивается значение внедрения в систему права идей и принципов естественного права и других ценностей права, которые реально содействуют становлению личности, ее прав и свобод действительной высшей ценностью. Делается вывод о необходимости формирования таких общественных и государственных условий, которые бы стимулировали усиление ценностного потенциала действующего права.

Автор изучает специфику регулирования различных вопросов в контексте позитивного права с учетом особенностей российской законодательной системы и понимания возможности реализации необходимых прав и свобод в условиях гражданского общества. В работе изучаются основы формирования правосознания и в соответствии с ними построение моделей законопослушного поведения.

Естественное право рассматривается в качестве социального регулятора общественных отношений, который помогает контролировать поступки и поведение людей, определяет границы дозволенного и выступает гарантом прав и свобод.

Ключевые слова: позитивное право, естественное право, действующее право, ценности права, система законодательства,

общество, государство, права и свободы человека, общественные отношения.

Интерес к вопросам соотношения естественного и позитивного (действующего) права имеет длительную историю, но он сохранил свою актуальность и в современных условиях. Это обусловлено в первую очередь стремлением большинства членов общества добиваться реализации своих естественных и неотчуждаемых прав и свобод. Практически достигать этого возможно лишь посредством потенциала системы позитивного права. Но вне влияния ценностей естественного права юридические регуляторы не в состоянии обеспечить достойное существование каждого заинтересованного в этом человека. При этом несомненным является то, что только позитивное право в состоянии вносить реальную упорядоченность в общественные отношения, составляющие предмет правового регулирования.

Осмысление особенностей позитивного (действующего) права является основным аспектом правопонимания, которое представляет собой научную концепцию, отражающую процесс и результат особой мыслительной деятельности, целенаправленно включающей в себя познание права, его оценку и отношение к нему как к ценностному регулятору общественных отношений [1, с. 57].

Идеи и принципы естественного права вносят при наличии требуемых условий определенные коррективы в систему действующего законодательства, что придает позитивному праву ценностный характер. Поэтому мощный регулятивный феномен позитивного (действующего) права сохраняет свою научно-практическую значимость, что обусловлено постоянным совершенствованием и развитием системы действующего законодательства адекватно требованиям жизнедеятельности гражданского общества и функционирования правовой государственности.

Будучи самым автономным и действенным регулятором наиболее значимых общественных отношений, постепенно складывающееся (специфическими способами в различных исторических условиях) действующее право (система законодательства) становится неперенным фактором общественной и государственной жизни. Этот жизненно важный общественный феномен не могло не привлекать внимание мыслителей самых различных направлений.

Исходя из вышесказанного, нами определена цель работы: исследовать специфику позитивного (действующего) права в условиях современной правовой действительности. Данной цели нам помогут достичь следующие задачи:

1. Выявление сущности естественного права в контексте регулирования общественных отношений;
2. Определение эффективности естественного права в качестве инструмента формирования правосознания граждан;
3. Конкретизация перспектив применения и развития естественного права в современном обществе.

В качестве основного метода нашего исследования мы использовали теоретико- методологический анализ источников по данной тематике. В качестве основных статей, которые мы включили в список источников, необходимо отметить публикации Ю. Г. Изотова, Е. В. Нуискова, посвященные общей методологии естественного права, исследования Г. С. Працко, М. Н. Марченко, Л. В. Карнаушенко, отражающие специфику регулирования общественных отношений и иные источники по данной тематике.

Сущность естественного права в контексте регулирования общественных отношений.

Право, как регулятор общественных отношений – явление многогранное, не всегда предсказуемое и нередко отрицаемое в силу различных обстоятельств. Исследователи рассматривали право в объективном и субъективном смысле. В объективном значении право представляет собой систему охраняемых государством юридических установлений и инструментов по поддержанию законного порядка в обществе. С субъективных позиций действующее право представляется в виде абстрактных правил поведения, которыми должна руководствоваться личность в определенных жизненных обстоятельствах. Следовательно, в понимании действующего права с этих позиций сохранялась некоторая неопределенность, поскольку установления государства могли неоднозначно восприниматься членами общества, сказываться непредсказуемо на их поведенческих акциях.

Относительно действующего права учеными подчеркивалось разночтение самого термина «право», в том числе в теории права. Уже в начале познания феномена права возникает множество противоречивых школ и теоретических направлений, ставящих в противоречивое состояние осмысление понятия и сущности данного общественного явления. Все последующие научные дискуссии и публикации, касающиеся данной проблемы, вносили и продолжают вносить, с одной стороны, ясность в ее разрешение, а с другой – подчеркивают актуальность дальнейших исследований. Это важно, как для развития теории права, так и повышения эффективности многогранной юридической практики.

Степень эффективности функционирования действующего права, качество системы законодательства непосредственно обуславливают режим подлинной правовой законности, должное состояние правового порядка, что в современных условиях в первую очередь обеспечивает процессы реализации естественных и неотчуждаемых прав и свобод значительной части членов гражданского общества.

Приближенность потенциала действующего права к жизненным потребностям человека привлекала внимание уже античных мыслителей и проходила красной нитью во все исторические эпохи. Актуальность познания соотношения права и жизнедеятельности людей усиливалась по мере развития основ общества и государства, усложнения многочисленных общественных отношений. В современных условиях интерес к позитивному праву, исходящему от государства,

приобретает повышенное значение, поскольку все более актуальным становится вопрос о повышении ценностного содержания системы законодательства и действующего права в целом. В связи с этим тщательному анализу подвергается сложившийся на протяжении столетий мощный научный пласт, касающийся многогранного соотношения позитивного и естественного права. Трансформируемые в систему законодательства соответствующие правовые ценности придают особую силу действующему (позитивному) праву, повышают его эффективность и приближают к приоритетным жизненным потребностям человека.

Следует, однако, отметить, что и в настоящее время ни абстрактно-метафизические, ни узко прагматические подходы к осмыслению системы действующего права не дают достаточно полного представления о его сущностном потенциале и практическом предназначении [4, с.4]. Это обусловлено тем, что в рамках общественной и государственной жизни протекают глубокие, мощные, не всегда предсказуемые процессы, вносящие заметные изменения в систему основополагающих общественных отношений и практически в жизнедеятельность каждого человека. Абстрактные представления о несомненных ценностях права еще не дают основания однозначно утверждать о качественном состоянии действующего права как эффективного регулятора наиболее значимых общественных отношений.

Система действующего права призвана быть адекватной многогранной правовой действительности. Но определение и установление такой гармонии весьма проблематично. Решающая роль в этом процессе отводится потенциалу действующего права, его способности оперативно и целенаправленно обретать необходимые регулятивно -охранительные параметры, способы, приемы, средства. При этом необходимо учитывать, что позитивные результаты упорядочения основополагающих общественных отношений в решающей степени связаны с уровнем правового сознания, правовой культуры, юридического опыта значительной части членов общества как субъектов разрешаемых жизненных обстоятельств.

Эффективность естественного права в качестве инструмента формирования правосознания граждан.

Особенности функционирования, совершенствования, развития системы действующего права находят свое проявление в соответствующих сферах режима правовой законности и структурах правового порядка, что находит свое практическое выражение в реальном состоянии прав и свобод членов общества. Все концепции, теории, взгляды относительно сущностной роли позитивного (действующего) права подтверждаются или опровергаются соответствующей юридической практикой, степенью упорядочения основополагающих общественных отношений, содержанием правового статуса личности. Поэтому и разнообразные воззрения относительно характеристики позитивного права находятся в состоянии постоянного движения, изменения и, следовательно, далеки от идеала. Такое

положение наглядно проявляет себя в условиях развития жизнедеятельности гражданского общества, утверждения основ правовой государственности [9, с. 145].

При всей сложности оценки потенциала и служебного назначения позитивного права, исходящего от государства, несомненным является то обстоятельство, что это право носит объективный, жизненно необходимый характер, поскольку только на его основе представляется возможным успешно разрешать самые сложные жизненные ситуации, придавать общественным отношениям позитивно необходимое направление.

Следует также иметь в виду, что при любом подходе к пониманию и оценке позитивного права необходимо учитывать его многомерные свойства, которые позволяют находить наиболее рациональные способы разрешения самых сложных жизненных проблем и в целом предвидеть последствия конкретного правового регулирования. Именно многогранный характер позитивного права, вносящий некоторую неоднозначность в его понимание, позволяет конструировать регулятивно – охранительные механизмы, осуществляющие требуемые функции в системе многочисленных общественных отношений. Следовательно, позитивное (действующее) право является той реальностью, вне рамок которой государство было бы не в состоянии определять требуемые параметры общественной жизни и должным образом упорядочивать состояние наиболее существенных общественных отношений.

Как сложное общественное явление, отражающее политическую, идеологическую, экономическую, социальную, культурно-образовательную действительность, позитивное право обусловлено многочисленными жизненными факторами объективного и субъективного свойства, соответствующим образом связанные с этапом исторического развития, менталитетом народа, сложившимися традициями и обычаями и т.п. Безусловно, решающее воздействие на содержание и целевую направленность позитивного права оказывает наличие и состояние соответствующего государственно-политического режима. Ведь только в условиях совершенной демократии действующее право открыто для трансформации тех неоспоримых ценностей, которые и позволяют каждому заинтересованному человеку добиваться реализации своих приоритетных прав и свобод.

Существенным моментом, характеризующим особенности позитивного права, является вопрос о соотношении этого нормативного регулятора и закона. Если государство отдает приоритет только тем законам, которые в первую очередь и в основном отражают интересы государства и отдалены от коренных интересов подавляющей части населения, то ни о какой открытости действующего права подлинным правовым ценностям не может быть и речи. При такой законодательной основе позитивное право, как показывает мировая практика, практически отвергает идеи и принципы естественного права, другие ценности права. Следовательно, характеристика действующего права в решающей степени обусловлена той законодательной базой, которую

исповедует конкретное государство на соответствующем историческом этапе развития. Только подлинно правовые законы могут придавать позитивному праву реальный ценностный потенциал. Это становится действительно возможным только в условиях совершенной демократии и ориентации государства к истинным правовым параметрам.

Адекватно особенностям развития общества, характеру возникающих проблем государство вносит оперативные коррективы в соответствующие общественные отношения посредством принимаемых законов. В итоге это далеко не всегда осуществляется с учетом ценностей права и интересов членов общества, что и обосновывает представление о действующем праве как сугубо государственно явлении, отвергающем значимые для каждого человека жизненные приоритеты, Этим в значительной степени и обусловлено многообразие подходов к пониманию права как регулятора сущностных общественных отношений.

Поскольку общественная жизнь многогранна и неоднозначна, то и реакция государства на происходящие изменения не может быть одномерной, а это не может не сказываться на качестве системы законодательства и практическом назначении самого действующего права. Этим во многом и продиктовано многообразие подходов к пониманию сущности и практических возможностей позитивного права, являющегося самым мощным и эффективным инструментом в арсенале государства, позволяющим с учетом государственных задач и интересов вносить необходимые коррективы в состояние политической, экономической, социальной, правовой действительности.

Политические и идеологические устремления государства, в конечном счете, определяют сущность и служебное назначение права, степень его приближенности к жизненным интересам конкретного человека. Только при более или менее гармоничном соотношении интересов гражданского общества и правового государства потенциал действующего права ориентирован на сущностные интересы каждой личности, что позволяет судить об открытости позитивного права тем ценностям, которые являются приоритетными для значительной части членов общества. Такое состояние действующего права дает возможность практически каждой личности при ее социальной и правовой активности пользоваться приоритетными правами и свободами, обретать параметры достойного существования.

Только при наличии солидной ценностной основы, обусловленной, прежде всего, правовыми законами, действующее право в состоянии осуществлять свое сущностное назначение – служить интересам подавляющей части членов гражданского общества, оперативно реагировать на существенные изменения в системе разнообразных общественных отношений, влияющие на состояние политической, экономической, социальной, правовой действительности, жизнедеятельность каждого человека.

Таким образом, позитивное право выступает в двух ипостасях: либо выражает и отстаивает сугубо государственные интересы и во многом противостоит интересам общества, либо трансформирует в себя

те ценности, которые позволяют каждой личности добиваться реализации своих жизненно важных прав и свобод, обретать достойное существование. Проявление указанных свойств позитивного права предопределяется конкретикой государства, историческими условиями его функционирования, наличием соответствующего государственно-политического режима, менталитетом и культурой нации и другими объективными и субъективными факторами, которые постоянно воздействуют на жизнедеятельность того или иного общества, государственные устои. Поэтому только при оценке всех значимых обстоятельств можно более или менее уверенно судить о том, в какой степени данное государство, действующее право, система законодательства отстаивают общественные интересы, защищают социальный и правовой статус личности и какие при этом возникают проблемы, регулятивно – охранительные потребности.

С позиций современной демократической социально-правовой действительности действующее право как самое надежное и эффективное системно-функциональное регулятивное явление следует характеризовать с учетом тех ценностей, которые призваны проявлять свой потенциал при упорядочении тех общественных отношений, которые непосредственно связаны с приоритетными жизненными интересами значительной части членов общества. Вне таких ценностей позитивное право остается придатком государства, влияющим на ущемление соответствующих прав и свобод человека.

Перспективы применения и развития естественного права в современном обществе.

В практическом плане оценка сущностной роли действующего права субъективно осуществляется самими членами общества как участниками регулируемых общественных отношений. Такая оценка в решающей степени производна от уровня правового мышления, правового сознания, правовой культуры, правовой активности соответствующих субъектов права. При правовой пассивности, правовом конформизме, пренебрежении к ценностям права определенной части членов общества позитивное право пренебрегает значимыми жизненными интересами личности, ее правами и свободами, расходится с принципами естественного права, отдаляется от правового идеала. Поэтому внедрение правовых знаний в жизнедеятельность личности, осуществление целенаправленного правового воспитания, ознакомление с юридической практикой являются значимыми факторами, обуславливающими правовую активность и правомерное поведение значительной части членов общества, что благотворно влияет и на совершенствование действующего права, ценностное развитие системы законодательства.

Многогранные процессы правового развития личности, повышения уровня ее правового сознания и правовой культуры во многом связаны с особенностями тех политических и идеологических концепций, которые обуславливают потенциал действующего права и содержание принимаемых законов. В современных условиях сугубо позитивными становятся те идеи и политические установки, которые

исходят из формирования и функционирования гражданского общества и правовой государственности. В таких условиях личность приобретает устойчивый политический, социальный, правовой статус и уверенно входит в мир правовой действительности, понимая, что только на основе правомерных акций она в состоянии добиться реализации приоритетных жизненных интересов, соответствующих прав и свобод.

При осуществлении обществом и государством рациональной политики и идеологии, признающих приоритет личности, ее прав и свобод как высшей ценности существенно меняется и характер самого позитивного права, которое во все большей степени становится ценностным регулятивно – охранительным инструментом, позволяющим соответствующим структурам государства упорядочивать должным образом самые сложные общественные отношения.

На указанной основе повышается эффективность функционирования гражданского общества и улучшается качество жизнедеятельности его членов. Осуществление взвешенной и целенаправленной политики, взаимосвязанной с выверенными идеологическими установками, вносит позитивные коррективы во все ведущие сферы социальной и правовой действительности. Тем самым обуславливаются благоприятные условия для расширения сферы внедрения в систему законодательства подлинно правовых законов. Наличие таких законов не только содействует улучшению качества жизнедеятельности значительной части членов гражданского общества, но и в решающей степени обуславливает процессы движения потенциала позитивного права к подлинным правовым ценностям [5, с. 90].

Для того, чтобы действующее право обогащалось соответствующим ценностным потенциалом необходимы заинтересованность самого государства и властных структур в этом процессе и благоприятные общественные условия. Право в любом своем сущностном состоянии всегда производно от государства, отражает в первую очередь его приоритетные интересы и цели. Все демократические общественные факторы и действующие институты в состоянии лишь активно влиять на государственную власть относительно наполнения системы права должными правовыми ценностями. В этом смысле право было и остается позитивным правом. Приближенность или отдаленность действующего права к общественным и личностным интересам обусловлены различными жизненными факторами, но при решающей роли соответствующих государственных акций, которые могут иметь неоднозначный характер.

В своем однозначном, первостепенном и практически значимом понимании позитивное (действующее) право представляет многогранную систему нормативно-правовых актов, конкретных юридических норм, которые предназначены для упорядочения своего рода общественных отношений. Такая весьма обоснованная концепция понимания действующего права и в современных условиях занимает важное место в системе разнообразных воззрений относительно данной проблемы. Однако следует иметь в виду, что сущностные особенности

позитивного права могут искажаться и деформироваться в силу законодательства, отвергающего принципы свободы, социального равенства, справедливости, гуманизма и др.

Только восприятие действующей системой права ценностных начал, отстаивающих интересы общества и личности, придают регулятивно – охранительным юридическим механизмам необходимую направленность, силу и эффективность. На ценностной основе действующее право становится эффективным средством воздействия на сознание и поведение членов общества как субъектов тех общественных отношений, которые подлежат правовому регулированию. Ценностный потенциал действующего права уточняет, «что должно, что можно, чего нельзя в плане человеческих желаний и возможностей» [2, с. 7].

Чем больше ценностей, отражающих жизненно приоритетные интересы личности, внедряет система действующего права, тем более качественным становится его содержание и повышается эффективность упорядочения общественных отношений. В условиях позитивных экономических, социальных, культурно-образовательных преобразований, усиления функционирования гражданского общества, его институтов и учреждений, признания личности, ее прав и свобод высшей ценностью право, как средство производное от государства, не может успешно развиваться и функционировать вне подлинных правовых ценностей. Переход системы права к реальным качественным жизненным рубежам является требованием современной демократической действительности, параметрам которой призвана соответствовать и многогранная правовая действительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изотов Ю. Г. Естественные свободы человека как основа правового регулирования // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. №2 (16). С. 57-66.
2. Ильин И.А. Большевизм и кризис современного правосознания // Собрание соч. в 10 томах. Т. 7. –М., 1998.
3. Карнаушенко Л. В. Соотношение теории естественного права и теории позитивного права // Философия права. 2021. №1 (96). С. 7-11.
4. Марченко М.Н. Источники права. –М.: ТК Велби, Проспект, 2010.
5. Маякунов А. Э. О мировоззренческом значении доктрины естественного права в общей теории права // Право и государство: теория и практика. 2023. №11 (227). С. 89-91.
6. Нуисков Е. В. Механизм законной защиты человеческого достоинства, деловой репутации и чести каждого гражданина в России // Юридическая гносеология. – 2024. № 1. С. 71-80.
7. Працко Г. С. Естественное право как ценностная природа позитивного права // Философия права. 2020. №2 (93). С. 29-34.
8. Теория государства и права: учебник для юрид. Вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. – М.: НОРМА, ИРФРА-М., 1998.

9. Упоров И.В. сущность и признаки естественных прав человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №7-3 (94). С. 144-148.

10. Шахбазов К.А. Естественно-правовая школа: теоретико-методологические особенности // Вопросы права. 2023. №1. С. 9-11.

FEATURES OF POSITIVE (CURRENT) LAW IN THE CONDITIONS OF MODERN LEGAL REALITY

Parshina A.A.

The article analyzes the features of positive (current) law as a special regulatory phenomenon derived exclusively from the state, but undergoing significant positive changes in conditions of perfect democracy, the functioning of civil society, and the formation of the foundations of legal statehood. The importance of introducing the ideas and principles of natural law and other values of law into the legal system, which really contribute to the formation of an individual, his rights and freedoms as a valid supreme value, is emphasized. It is concluded that it is necessary to create such social and state conditions that would stimulate the strengthening of the value potential of the current law.

The author studies the specifics of regulating various issues in the context of positive law, taking into account the peculiarities of the Russian legislative system and understanding the possibility of realizing the necessary rights and freedoms in a civil society environment.

The work examines the basics of the formation of legal awareness and, in accordance with them, the construction of models of law-abiding behavior.

Natural law is considered as a social regulator of public relations, which helps to control the actions and behavior of people, defines the boundaries of what is permissible and acts as a guarantor of rights and freedoms.

Keywords: positive law, natural law, current law, values of law, system of legislation, society, state, human rights and freedoms, public relations.

УДК 340

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО, КАК ЦЕННОСТНАЯ ОСНОВА РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПОЗИТИВНОГО (ДЕЙСТВУЮЩЕГО) ПРАВА

Паршина Анна Александровна
Кандидат юридических наук,
Ростовский институт защиты предпринимателя,
Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: rektorat@rizp.ru

В статье анализируются особенности трансформации ценностей естественного права в систему позитивного (действующего) права в условиях современной политической, экономической, социальной, правовой действительности, соотносимой с режимом совершенной демократии, обуславливающей становление и функционирование институтов гражданского общества и правового государства. Подчеркивается значение ценностного потенциала естественного права, воспринятого системой законодательства в виде правовых законов, применительно к процессам реализации естественных и неотчуждаемых прав и свобод личности. Делается вывод об усилении в условиях современной правовой действительности взаимосвязи естественного и позитивного (действующего) права.

Автор рассуждает о становлении системы естественного права в контексте развития общественных отношений, анализируя основные этапы. При этом достаточно важным представляется изучение истории становления данного инструмента регулирования отношений в гражданском обществе, а также эффективности конструктивного нормирования тех отношений, которые исторически выстраиваются в различных обществах.

Целью исследования мы определили изучение процесса становления естественного права в качестве ценностной основы действующего нормативного регулирования отношений.

Ключевые слова: естественное право, позитивное право, ценности права, правовые законы, система законодательства, гражданское общество, правовое государство, естественные и неотчуждаемые права и свободы человека, правовая действительность.

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что по своей изначальной природе, сущности, назначению право понимается как естественное право [4, с. 39]. Мыслители всех времен проявляли живейший интерес к особенностям, так называемого, природного права и на его фоне оценивали реальное воздействие права, исходящего от государства, на жизнедеятельность общества и его членов. Этот интерес не утратил своего значения и в современных условиях, когда возникла реальная возможность трансформировать идеи и принципы естественного права в систему действующего законодательства и тем самым обеспечивать реальный доступ членов общества к приоритетным естественным и неотчуждаемым правам и свободам.

Идеи и представления о естественном праве выводились многочисленными мыслителями из природы и бытия самого человека, всегда стремящегося улучшить свою жизнедеятельность, упрочить свое положение в системе взаимоотношений с другими людьми, разрешить всякого рода неурядицы в свою пользу. С позиций позитивного (действующего) права эти значимые возможности и устремления человека рассматривались как весьма ограниченные. Надежды возлагались на природное (естественное) право, которое исходило из необходимости предоставления заинтересованному человеку реальных возможностей для решения своих жизненных проблем, что устраняло возникающие перед устремлениями человека барьеры, к которым позитивное право было инертно, либо само их предусматривало.

Естественное право представлялось в качестве правового идеала, поскольку всегда было направлено на отстаивание приоритетных жизненных интересов человека. Позитивное же право по своей сущности было отдалено от этих интересов, выражая в первую очередь волю и устремления государства. Объективный водораздел между естественным правом и правом, творцом которого является государство, всегда был в центре научных поисков. Это обусловлено тем, что позитивное право было и остается реальным государственным регулятором сущностных общественных отношений, в то время как естественное право продолжает рассматриваться в качестве правового идеала, оно не содержит в себе конкретные нормы, подобно нормам действующего права, которые направлены на разрешение реальных жизненных ситуаций.

Таким образом, представления о естественном праве акцентировались на его ценностных идеях и принципах, приближенных к правовому идеалу. Становилось очевидным, что такие ценностные начала было бы желательным внедрять в систему действующего права, конкретные нормы поведения. Ценностная природа естественного права всегда привлекала, сохраняла и усиливала тягу к себе как особому общественному явлению, оставляющему членам общества надежды на улучшение их жизненных устоев. Тем самым объективно был поставлен вопрос о соотношении естественного и позитивного права, обогащении системы действующего права соответствующими ценностями, исходящими из достойного существования человека. Этим и объясняется то обстоятельство, что на протяжении длительной истории

и в современных условиях проблемы соотношения естественного и позитивного (действующего) права не утрачивают своей актуальности и практической значимости.

С учетом выше обозначенных фактов мы конкретизировали цель исследования: изучение процесса становления естественного права в качестве ценностной основы действующего нормативного регулирования отношений. Данная цель будет достигнута при помощи решения следующих задач:

1. Выявление специфики значения естественного права в истории человечества;
2. Определение наиболее значимых моментов развития естественного права;
3. Изучение важности интеграции естественного права в юридическую практику.

Объектом работы мы определили исторические этапы развития цивилизации, предметом – естественное право.

Методы и методология

Основной метод нашей работы – контент-анализ источников, которые были нами определены в качестве приоритетных и наиболее интересных по теме. Мы изучили публикации, посвященные общим вопросам развития естественного права (Е.А. Баженова, Н.И. Малышева), особенностям правоприменения подобных норм в юридической практике (А. Н. Фионов), а также особенностям российского опыта в данной сфере (Р. Ф. Степаненко, Г. Н. Степаненко).

Специфика значения естественного права в истории человечества.

Особое значение естественного права состоит в том, что оно характеризуется с позиций правового идеала, который сопряжен с условиями достойного человеческого существования, находится в контексте естественных и неотчуждаемых прав и свобод личности, является своеобразным ориентиром совершенствования и развития системы действующего законодательства. Такое сочетание ценностей естественного права с началами правового идеала становится возможным только в условиях совершенной демократии, иницирующей успешное становление и функционирование учреждений гражданского общества и структур правовой государственности. Такое состояние правовой действительности всецело соответствует жизненным интересам и устремлениям значительной части членов гражданского общества, которые прямо или косвенно сочетают свою правовую активность, осознанное правомерное поведение с ценностной привлекательностью действующей системы права.

Ценностный потенциал естественного права заключен не просто в формальном признании личности, ее прав и свобод в качестве высшей ценности, а в отстаивании принципов свободы, справедливости, гуманизма, то есть всех тех идеалов, которые определяют духовное, культурно-образовательное развитие человека, создают предпосылки для достойного существования подавляющей части членов

гражданского общества. Это становится возможным при преломлении соответствующих ценностей естественного права в системе позитивного права, действующих законах, конкретных нормах права.

Внедрение ценностей естественного права в потенциал действующего права сопряжено с решением многих проблем политико-идеологического, социально-экономического, духовно-нравственного, культурно-образовательного, воспитательного и иного свойства, что и создает необходимые благоприятные условия и предпосылки, содействующие совершенствованию и развитию системы законодательства на ценностных началах естественного права. Такими условиями, в частности, иницируется ставка на расширение сферы действия правовых законов, которые в приоритетном порядке ориентированы правам и свободам значительной части членов общества. Внедрять ценности естественного права в систему позитивного права сугубо волевыми акциями не представляется возможным. Для этого необходимы определенные общественные и государственные предпосылки, готовность самих членов общества посредством правовой активности и приверженности правомерному поведению стремиться к реализации своих насущных интересов, приоритетных прав и свобод.

Не обладая конкретными нормами права, способными регулировать реальные общественные отношения, эстетическое право представляется некоей абстракцией. Но его ценностно-практическая сущность заключается в том, что оно присущими ему идеями, принципами, рекомендациями как бы предваряет содержание и регулятивную направленность тех нормативно-правовых актов и конкретных норм права, которые предстоит ввести в систему действующего права. Это означает, что идеи и принципы естественного права постоянно находятся в своеобразном дежурном состоянии и проявляют готовность позитивным образом воздействовать на процессы правотворчества, правоприменительную деятельность, правовое сознание и правовую культуру субъектов права. Тем самым ценности естественного права оказывают активное влияние на все ведущие сферы политической, экономической, социальной, культурно-образовательной, правовой действительности. В конечном счете, указанные ценности благотворно сказываются на жизнедеятельности членов гражданского общества.

С позиций естественного права оценке подлежит вопрос о соотношении системы позитивного (действующего) права и закона. Осмысление указанного соотношения может иметь место с позиций аксиологии и сущности.

С понятийных позиций любой закон, включенный в систему позитивного права, является действующим и предназначен для регулирования своего вида общественных отношений. При этом внимание особо не акцентируется на его эффективности, степени восприятия членами общества. Здесь закон не подлежит оценке с позиций естественного права.

Если же действующий закон подлежит оценке с позиций его сущности, отражения интересов общества и личности, то это возможно осуществить посредством потенциала естественного права, то есть констатацией того, насколько приближен или отдален данный закон от жизненных интересов, приоритетных прав и свобод подавляющей части членов гражданского общества. Ценностная сторона естественного права проявляется, прежде всего, в том, чтобы инициировать правовые законы как преобладающую часть в системе действующего законодательства.

Приоритет правовых законов определяется тем, что они отражают принципы свободы, справедливости, гуманизма, социального равенства, оправданной целесообразности, в полной степени отстаивают приоритетные жизненные интересы каждого человека, его естественные и неотчуждаемые права и свободы. Тем самым правовые законы привносят значимые ценности естественного права в потенциал действующего (позитивного) права. Естественное право по своей ценностной сущности изначально отдает приоритет первостепенным жизненным интересам человека. Поэтому и закон признается правовым только тогда, когда он следует сущности естественного права, трансформирует в себя ведущие ценности этого права. Позитивное право, обогащенное правовыми законами, приближает свою сущность к жизненным запросам каждого человека, стремящегося обрести достойное существование [7].

Ценности естественного права являются практически значимыми в силу того, что имеют высокую социальную направленность, влияют на ведущие сферы жизнедеятельности людей. Формализм позитивного права применительно к повседневному бытию людей компенсируется требованиями естественного права относительно того, что права на жизнь, здоровье, социальную обеспеченность, свободу рода деятельности и места жительства являются изначально и первостепенными. Поэтому весьма существенно, чтобы приоритетные права и свободы признавались таковыми и с позиций позитивного права, действующих законов и норм права. В этом и состоит главный смысл внедрения соответствующих ценностей естественного права в содержание правовых законов и систему законодательства в целом [4]. Только на такой основе действующее право обретает определенные ценностные начала.

Опираясь на ценностные аспекты действующего права, человек определяет свои жизненные устремления и исходит из того, что только посредством правовой активности и мотивированного правомерного поведения можно добиться поставленных целей. На базе этого поступательно повышается уровень правового сознания и правовой культуры членов общества, что дает им возможность более осознанно и целесообразно оценивать состояние системы законодательства, отдельных законов и норм права с тем, чтобы найти наиболее перспективные правовые варианты для разрешения своих жизненных проблем. В этом смысле естественное право выступает, в конечном счете, «идеей разума» [1, с.27]. При функционировании позитивного

права, отдаленного от жизненно значимых ценностей, субъекты права вынуждены беспрекословно подчиняться любым юридическим предписаниям и требованиям несмотря на то, что они могут существенно противостоять жизненным интересам и потребностям соответствующих членов общества.

В современных условиях зрелой демократии естественное право рассматривается в качестве ценностного явления, благотворно влияющего на социальную жизнь людей, их повседневное бытие. Тем самым возникает своеобразный процесс инициирования правотворческих структур к приданию системе законодательства таких свойств содержания, сущности и регулятивной направленности, которые бы признавались и одобрялись большинством членов гражданского общества как реальных и потенциальных субъектов права.

Значимые идеи и компоненты развития естественного права.

Идеи и принципы естественного права могут находить воплощение в тех общественных отношениях, которые подлежат упорядочению посредством норм права, воспринявших в той или иной мере определенные правовые ценности. Воспринятые позитивным правом ценностные правовые компоненты придают социальной и правовой действительности ту благоприятную атмосферу, благодаря которой члены общества не только добиваются реализации своих приоритетных естественных и неотчуждаемых прав и свобод, но и мотивируют и осуществляют осознанное и стабильное правомерное поведение.

Такое состояние правовой действительности обуславливает укрепление режима правовой законности и наличие должного правового порядка, что стимулирует развитие гражданского общества и правовой государственности. Следовательно, восприятие ценностей естественного права системой действующего права в практическом плане привносит позитивные качественные изменения во все ведущие сферы политической, экономической, социальной, правовой действительности, что позволяет каждому члену общества достигать тех значимых целей, которые и обуславливают его достойный образ жизни. Чем более устойчивым и надежным становится социальный и правовой статус большинства членов общества, тем более интенсивно и эффективно осуществляется укрепление структур правовой законности и правового порядка, что в порядке обратной связи создает более благоприятные условия для реализации членами общества своих насущных прав и свобод.

Необходимо учитывать то обстоятельство, что ценности естественного права вовсе не ограничиваются социально-правовым благополучием людей и их пассивным созерцанием других сфер правовой действительности. Напротив, действующее право, обогащенное указанными ценностями, стимулирует у членов общества правовую активность, повышает степень озабоченности состоянием общественной и государственной жизни, поднимает на новый уровень мотивацию осознанного правомерного поведения, возлагает

повышенную юридическую и нравственную ответственность за противоправные и неблагоприятные поведенческие акции.

Ценности естественного и действующего права в практическом плане всецело находятся на стороне человека, стремящегося удовлетворить свои приоритетные жизненные запросы и цели. Но это не освобождает его от соответствующей ответственности при совершении противоправных акций. Так, безусловным является правовое требование, согласно которому человек при реализации своих естественных прав и свобод никоим образом не должен посягать на права и свободы других людей, интересы общества и государства. Широкий набор ценностей права, возможность пользоваться полным кругом естественных и неотчуждаемых прав и свобод вовсе не означают вседозволенность, произвол. Речь идет о четком правовом порядке, адекватно которому необходимо следовать каждому субъекту права при достижении своих значимых интересов и потребностей, реализации соответствующих прав и свобод. Только с учетом этого ценности естественного права, преломленные в действующем праве, обретают свое практическое назначение, переходят из сферы абстракции в реальную правовую действительность.

Ценности права, которые проявляют свой потенциал в процессе регулирования соответствующих общественных отношений, представляют собой правовое состояние идеального, желательного для большинства членов общества свойства, граничащего с нравственными ценностями. Поэтому ценности права должным образом могут воспринимать те субъекты права, которые являются носителями не только высокого уровня правового сознания и правовой культуры, но и естественно отдающие предпочтение принципам и нормам нравственности (морали).

Такого рода подход к ценностям права является дополнительной гарантией того, что субъект права, совершающий правомерные акции параллельно с нравственными поступками, усиливает свою приближенность к процессам реализации приоритетных интересов, прав и свобод. Благодаря ценностям права, отраженным в системе действующего права, в процессе регулирования соответствующих общественных отношений конкретные нормы права нередко соотносятся, пересекаются, взаимодействуют с нормами нравственности, поскольку взаимно отстаивают идеалы справедливости, гуманизма, человеческого достоинства и т.д.

Субъект права, ведущий себя уверенно, активно, правомерно в соответствующих сферах социальной и правовой действительности, отдает предпочтение, в своеобразном автоматическом режиме, как ценностям права, так и нравственности. Вот почему важно внедрять различные формы правовых знаний в соответствующие группы населения, осуществлять целенаправленное правовое воспитание с учетом не только ценностей права, но и ценностей нравственности. Человек, отдающий предпочтение принципам и нормам морали (нравственности), как правило, проявляет склонность к осуществлению

осознанного правомерного поведения даже в самых сложных и непредсказуемых жизненных обстоятельствах.

Нравственная жизненная подготовка личности облегчает ей доступ в соответствующие сферы правовой действительности, поиск необходимых ценностей права. Пренебрежение нравственными устоями жизни является своеобразным сигналом отторжения определенными членами общества и правовых ценностей, что может обуславливать осуществление противоправных акций. Следовательно, ценности нравственности и права в их совокупности стимулируют должное отношение членов общества к действующим законам и нормам права, опосредуют мотивацию и осуществление конкретными субъектами права осознанного правомерного поведения как способа достижения определенных жизненных целей, потребностей, прав и свобод.

Ценности естественного права, становящиеся практически значимым идеалом позитивного права, распространяются на жизнедеятельность каждого человека. Однако не каждый человек способен воспринимать указанные ценности должным образом в связи с различными причинами. В частности, люди в силу своих природных качеств могут следовать ложной справедливости, а не той, которая существует в идеале. Если человек ищет только личные выгоды, не задумываясь насколько это справедливо в отношении других людей, то он поступает, по крайней мере, безнравственно. Признание естественного права понуждает личность «критически относиться ко всему исторически существующему, рассматривать всякую норму позитивного права с точки зрения возможных улучшений и оценивать право с точки зрения правды» [8, с. 75].

Значимость интеграции естественного права в юридическую практику.

Ценности права, преломленные через личностный эгоизм, дефицит нравственности, низкий уровень образования и культуры, могут утрачивать свое значение в соответствующих поведенческих акциях данного человека, да и он сам не способен обнаруживать эти ценности, ограничиваясь конформистским или маргинальным правомерным поведением, лишенным всякой правовой активности. Для восприятия ценностей права в практическом плане личность как субъект права должна обладать достаточно высоким уровнем правовых знаний, правового сознания и правовой культуры. Вне этого человек в условиях сложной правовой действительности может совершать правовые акции по интуиции, руководствуясь в основном целью – не допускать противоправных действий.

Приоритетом естественного права являются личность, ее права и свободы, рассматриваемые в качестве высшей ценности. А в какой степени реальный человек сможет воспринять ценности права зависит от него самого и от общественных и государственных условий, которые сопутствуют намерениям конкретного субъекта права. По крайней мере, разительной является степень реализации естественных и неотчуждаемых прав и свобод лицами с активным правовым поведением и лицами, инертно использующими ценностные правовые

возможности. В этой связи весомое значение имеет усиление активности институтов и организаций гражданского общества, вовлекающих в сферы своего функционирования все большее число граждан, что в определенной мере сказывается и на повышении их правовой активности, приверженности правомерному поведению, в рамках которого только и можно реализовать свои жизненно важные права и свободы.

Естественные и неотчуждаемые права и свободы являются ценностным достоянием всех членов гражданского общества. Но как реализуются практически указанные правовые возможности, зависит от намерений конкретных лиц. При этом реализация данных прав и свобод в решающей степени обусловлена потенциалом и качеством действующего законодательства, уровнем эффективности функционирования правоприменительных органов, наличием должного профессионализма, развитого правового сознания и совершенной правовой культуры определенных должностных лиц и другими факторами. Следовательно, процесс реализации жизненно важных интересов, потребностей, прав и свобод человека строится на ценностно-правовой основе, но требует активных организационно-правовых усилий и самой заинтересованной личности, и других субъектов права.

Ценности естественного права адресованы важнейшим сферам жизнедеятельности членов общества, поэтому они существенно влияют на всю правовую действительность, где переплетаются интересы и потребности и каждого человека, и общества, и государства, что и должно находить необходимое отражение в действующем законодательстве, открытом для восприятия соответствующих ценностей права. Чем выше ценностный потенциал действующей системы права, тем более эффективным становится функционирование гражданского общества и укрепление правовой государственности, что улучшает качество жизнедеятельности каждого человека, приближая его к уровню достойного существования. Поэтому соотношение естественного и позитивного (действующего) права в условиях современной социальной и правовой действительности не только не утрачивает своей теоретической актуальности, но усиливает свое значение с позиций правовой практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. –М.: Статут, 1999.2
2. Баженова Е.А. Субъективные права, естественные права, права человека: к дискуссии об истории понятий // Вестник ННГУ. 2021. №4. С. 104-109.
3. Малышева Н. И. Естественное право: справедливость versus определенность? // Государственно-правовые исследования. 2021. №4. С. 191-194

4. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. Учебник для вузов. –М.: Норма, 1999.
5. Рудакова О. Н. Соотношение концепции естественных прав гражданина и правового регулирования национальной безопасности // Академическая мысль. 2023. №3 (24). С. 51-54.
6. Самуэль Фон Пуфендорф О происхождении и прогрессе науки естественного права // Этическая мысль. 2017. №1. С. 136-149.
7. Степаненко Р. Ф., Степаненко Г. Н. Гуманистическая концепция правовой политики России // Право и государство: теория и практика. 2022. №8 (212). С. 6-8.
8. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. –СПб., 1998.
9. Фионов А. Н. К вопросу о ценностном измерении права и правовой культуры // Юридическая гносеология. 2023. № 6. С. 12-22.
10. Чернявский А. Г. Историческая школа и естественное право // Вестник Академии права и управления. 2021. №1 (62). С. 51-59.

NATURAL LAW AS A VALUE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF A SYSTEM OF POSITIVE (CURRENT) LAW

Parshina A.A.

The article analyzes the peculiarities of the transformation of the values of natural law into a system of positive (acting) law in the conditions of modern political, economic, social, and legal reality, correlated with the regime of perfect democracy, which determines the formation and functioning of institutions of civil society and the rule of law. The importance of the value potential of natural law, perceived by the legislative system in the form of legal laws, in relation to the processes of realization of natural and inalienable rights and freedoms of the individual, is emphasized. The conclusion is made about the strengthening of the relationship between natural and positive (current) law in the conditions of modern legal reality.

The author discusses the formation of the natural law system in the context of the development of public relations, analyzing the main stages. At the same time, it is quite important to study the history of the formation of this instrument for regulating relations in civil society, as well as the effectiveness of constructive normalization of those relations that have historically been built in various societies.

The purpose of the study was to study the process of formation of natural law as the value basis of the current regulatory regulation of relations.

Keywords: natural law, positive law, values of law, legal laws, legislative system, civil society, rule of law, natural and inalienable human rights and freedoms, legal reality.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

347.463

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ГОДИЧНОГО СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО ДОГОВОРУ ПЕРЕВОЗКИ И ОБЩЕГО СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО ИНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ

Бутрим Алина Олеговна

Студент, Университет имени Бригама Янга

E-mail: a.butrim4122@gmail.com

В статье анализируется подход судов к применению сокращенного срока исковой давности в тех случаях, когда отношения сторон вытекают из договора перевозки грузов. Несмотря на наличие нормы права, на практике бывает сложно разграничить, когда отношения сторон основаны на договоре перевозки грузов, а когда отношения сторон основаны на другом виде договора, несмотря на включение обязательств в договор, поименованный как договор перевозки, но в реальности являющийся комплексным договором, регулирующим в том числе обязательства сторон, связанные с перевозкой грузов. Ограничение ответственности перевозчика связано с тем, что он в большинстве случаев перевозит груз, стоимость которого (а значит и потенциальный размер ответственности) гораздо выше стоимости его услуг. Без установления ограничений по размеру ответственности и по срокам, оказание услуг по перевозке в долгосрочном периоде было бы просто невыгодным. При этом, однако, перевозчик не должен ставиться в более привилегированное положение в том случае, когда он выступает подрядчиком и выполняет иные работы в интересах своих контрагентов.

Ключевые слова: ответственность перевозчика, договор перевозки, сокращенный срок исковой давности, разграничение договора перевозки и подряда.

Исковой давностью согласно ст. 195 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Предназначение института исковой давности состоит в установлении правовой определенности в правоотношениях участников гражданского оборота с целью обеспечения стабильности их правового положения и реализации принципов справедливости, равенства и соразмерности (пропорциональности).

Введение в закон такого ограничения необходимо, прежде всего, в интересах самих частных лиц, которые должны прогнозировать свое поведение и последствия совершения или не совершения тех или иных юридически значимых действий, на что ранее уже неоднократно обращал внимание Конституционный суд РФ в своей правоприменительной практике (Постановление Конституционного суда РФ от 20.07.2011 г. № 20-П).

В основе установления сроков исковой давности и сроков давности привлечения к ответственности лежит положение о том, что никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком длительный срок; наличие сроков, в течение которых для лица во взаимоотношениях с государством могут наступать неблагоприятные последствия, представляет собой необходимое условие применения этих последствий (Постановления Конституционного суда РФ от 24.06.2009 г. № 11-П, 27.04.2001 г. № 7-П и от 20.07.1999 г. № 12-П).

Дискреция федерального законодателя при осуществлении регулирования исковой давности может выражаться также во введении специальных сроков исковой давности – как сокращенных, так и более длительных по сравнению с общим сроком (п. 1 ст. 197 ГК РФ). Участники гражданского оборота должны учитывать соответствующие ограничения в своей практике с целью своевременной реализации принадлежащих им гражданских прав.

Одним из таких случаев является установление сокращенного срока исковой давности применительно к правоотношениям, возникающим из договора перевозки грузов: в силу п. 3 ст. 797 ГК РФ срок исковой давности по требованиям, вытекающим из перевозки груза, устанавливается в один год с момента, определяемого в соответствии с транспортными уставами и кодексами.

Данное условие – не какая-то особенность российской правовой системы. Так, например, срок исковой давности по договорам перевозки в немецком праве согласно §439 Торгового уложения Германии (HGB) составляет один год, а общее правило, предусмотренное §195 Гражданского уложения Германии (BGB) предусматривает стандартный срок исковой давности в три года.

Общий срок исковой давности в США варьируется в зависимости от штата и может составлять до 6 лет. В отношении транспортных перевозок действуют специальные правила, установленные федеральным законодательством, прежде всего Carmack Amendment 1906 года. Срок исковой давности составляет 9 месяцев для подачи

претензии и 2 года для подачи иска в суд после отказа в удовлетворении претензии или отсутствии ответа от перевозчика.

В российском праве по договорам перевозки или фрахтования автомобильного транспорта сокращенный срок исчисляется со дня наступления события, послужившего основанием для предъявления претензии или иска, например, при возмещении ущерба, причиненного недостатками, повреждением (порчей) багажа, груза, – со дня выдачи багажа, груза (ст. 42 Федерального закона от 08.11.2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта»).

Течение срока исковой давности по требованиям, вытекающим из договора воздушной перевозки и связанным с утратой, недостатком или повреждением (порчей) багажа, груза и почты, а также с просрочкой их доставки начинается со дня, когда воздушное судно, на котором осуществлялась перевозка багажа, груза или почты, должно было прибыть в пункт назначения в соответствии с договором воздушной перевозки пассажира, договором воздушной перевозки груза или договором воздушной перевозки почты (ст. 128 Воздушного кодекса РФ).

Поскольку годичный срок для реализации исковых требований по договору перевозки не устраивает клиентов, недовольных качеством предоставленного им перевозчиком сервиса, они нередко пытаются его различными способами обойти, чтобы преодолеть негативные последствия, связанные с пропуском сокращенного срока исковой давности.

При разрешении таких споров суды по правилам ст. 431 ГК РФ осуществляют толкование условий договора с целью его верной юридической квалификации и определения круга правовых норм, подлежащих применению к спорным правоотношениям.

Так, в п. 19 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 26.06.2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» разъяснено, что в силу п. 1 ст. 785 ГК РФ договор перевозки груза – это договор, по которому перевозчик обязуется переместить груз в пространстве в конкретное место, обеспечить сохранность груза и выдать его управомоченному на получение груза лицу.

Если основная обязанность должника состоит не в сохранности при транспортировке груза, к данному договору не могут применяться положения ГК РФ и Устава о перевозке груза.

Иными словами, если требования участников гражданского оборота касаются своевременной и надлежащей доставки грузов, соблюдения температурного режима и иных параметров исполнения заказа, то такие требования связаны с договором перевозки, к отношениям по которому применяются правила о годичном сроке исковой давности.

К таким выводам пришел в одном деле суд, рассматривая требование конкурсного кредитора о взыскании провозной платы за выполнение заказа по договору перевозки. Суд отметил, что в данном

случае основной задачей перевозчика по спорному договору являлась перевозка груза при обеспечении его сохранности в ходе транспортировки, в связи с чем к заявленным требованиям подлежал применению сокращенный срок исковой давности, который был пропущен кредитором.

Суд отклонил его доводы о том, что заключенный гражданско-правовой договор являлся смешанным и включал в себя элементы договора возмездного оказания услуг, поскольку из буквального содержания условий спорной сделки прямо следовало, что он регулировал отношения, связанные с перевозкой грузов.

В п. 15 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29.09.2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» разъяснено, что истечение срока исковой давности является самостоятельным основанием для отказа в иске (абз. 2 п. 2 ст. 199 ГК РФ).

Если будет установлено, что сторона по делу пропустила срок исковой давности, то при наличии заявления надлежащего лица об истечении срока исковой давности суд вправе отказать в удовлетворении требования только по этим мотивам, без исследования иных обстоятельств дела. В этом случае принудительная (судебная) защита прав независимо от того, имело ли место в действительности такое нарушение, невозможна, в связи с чем, исследование иных обстоятельств дела не может повлиять на характер вынесенного судебного решения (Определение Конституционного суда РФ от 19.06.2007 г. № 452-О-О).

В рассматриваемом случае кредитор при обращении в суд с требованиями, вытекающими из заключенного с должником договора перевозки, пропустил годичный срок исковой давности, о чем было заявлено должником. Наличие такого заявления со стороны должника являлось самостоятельным и безусловным основанием для отказа в удовлетворении требования (Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.04.2024 г. № 13АП-5075/2024).

Иным образом будет обстоять дело в случае, если характер условий спорной сделки не предполагает ее квалификацию в качестве договора перевозки или договора транспортной экспедиции. В такой ситуации к спорным материальным правоотношениям сторон подлежит применению общий 3-летний срок исковой давности, установленный ст. 196 ГК РФ.

В одном деле суд удовлетворил иск о взыскании убытков, вытекающих из договора об оказании услуг в сфере транспортной деятельности, посчитав, что спорный договор, заключенный между участниками спора, по своей правовой природе нельзя отнести к договорам перевозки или транспортной экспедиции.

Суд исходил из того, что порядок осуществления транспортно-экспедиционной деятельности определяется Федеральным законом от 30.06.2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»,

а также Правилами транспортно-экспедиционной деятельности, утв. Постановлением Правительства РФ от 08.09.2006 г. № 554.

Так, Федеральным законом от 30.06.2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» предусмотрена обязанность экспедитора при приеме груза выдать клиенту экспедиторский документ (ст. 4), а также ответственность экспедитора перед клиентом за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза (ст. 7).

Перечень экспедиторских документов установлен Правилами транспортно-экспедиционной деятельности, утв. Постановлением Правительства РФ от 08.09.2006 г. № 554. К ним относятся: поручение экспедитору, экспедиторская расписка, складская расписка. Указанные документы составляются в письменной форме и являются неотъемлемой частью договора транспортной экспедиции.

Кроме того, государственными стандартами России (ГОСТ Р 51133-98 и ГОСТ Р 52298-2004) установлены общие требования, предъявляемые к экспедиторским услугам на железнодорожном транспорте: оформление документов, сдача и получение груза: завоз-вывоз грузов; погрузочно-разгрузочные и складские работы; информационные услуги; услуги по страхованию грузов; платежно-финансовые услуги; услуги по таможенному оформлению грузов.

Между тем ни одна из вышеперечисленных услуг не была предусмотрена сторонами в спорном договоре. Так, по условиям договора исполнитель не должен был выдавать экспедиторские документы, сдавать и получать груз, осуществлять завоз-вывоз груза, осуществлять погрузочно-разгрузочные и складские операции, осуществлять страхование груза и совершать иные действия, предусмотренные названными нормативными актами в области транспортной экспедиции.

Также договором не предусмотрена и ответственность исполнителя за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза. Напротив, по спорному договору истец обязался подавать ответчику по его заявке вагоны под погрузку, осуществлять диспетчерский контроль за продвижением вагонов, то есть оказывать услуги, определяющие условия предоставления и пользования вагонами, что не связано непосредственно с доставкой самого груза.

Таким образом, спорный договор, по мнению суда, не содержал в себе элементов транспортной экспедиции, соответственно, к правоотношениям сторон не подлежал применению специальный срок исковой давности, установленный ст. 797 ГК РФ, ст. 13 Федерального закона от 30.06.2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности».

Согласно правовой позиции, изложенной в Определении Верховного суда РФ от 26.02.2019 г. № 305-ЭС18-12293, правоотношения сторон по оказанию услуг по предоставлению подвижного состава регулируются положениями гл. 39 ГК РФ к указанным правоотношениям применяется общий трехгодичный срок исковой давности.

По общему правилу п. 1 ст. 200 ГК РФ – Срок исковой давности исчисляется со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (нарушении ответчиком договорной обязанности) и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (Постановление Президиума ВАС РФ от 21.10.2003 г. № 6290/03).

Ввиду того, что в рассматриваемом случае общий, 3-летний срок исковой давности истцом пропущен не был, суд пришел к выводу об удовлетворении требования о взыскании убытков, вызванных начислением штрафов за искажение сведений в транспортных накладных.

Такие меры ответственности к самому истцу применил перевозчик по заключенному с ним договору, поэтому истец на основании ст. ст. 15 и 393 ГК РФ перевыставил свои расходы в качестве убытков контрагенту, с которым у него был заключен договор возмездного оказания услуг (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2024 г. № 09АП-37202/2024-ГК).

Аналогичным образом и в другом деле суд, удовлетворяя иск о взыскании задолженности по договору об оказании услуг по доставке материалов, исходил из того, что данный договор, исходя из характера выраженных в нем обязательств нельзя рассматривать в качестве договора перевозки.

По смыслу ст. 785 ГК РФ в обязанности перевозчика по договору перевозки входит принятие груза у клиента с целью его перемещения тем или иным видом транспорта в пункт назначения с обеспечением его сохранности в процессе такой транспортировки.

В отличие от договора перевозки, по договору возмездного оказания услуг исполнитель совершает определенные действия или осуществляет определенную деятельность за плату по поручению заказчика, а тот обязуется принять и оплатить такие услуги в порядке и на условиях, предусмотренных договором (ст. 779 ГК РФ).

Из материалов дела следовало, что предметом договора являлось оказание исполнителем заказчику услуг по организации и выполнению перевозок грузов любым видом транспорта, а также иных сопутствующих услуг, связанных с перевозкой груза.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что исполнителем на протяжении длительного времени заказчику оказывались услуги по доставке инертных материалов, используемых последним в своей хозяйственной деятельности при строительстве автодороги.

При таких обстоятельствах суд пришел к выводу о том, что спорным материальным правоотношениям подлежал применению общий 3-летний срок исковой давности в соответствии со ст. 196 ГК РФ (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 08.07.2024 г. № Ф01-2043/2024).

Таким образом, во всех случаях, когда правоотношения сторон возникли не из договора перевозки или договора транспортной экспедиции, а из любой иной гражданско-правовой сделки,

сокращенный срок исковой давности не подлежит применению, а действует общий, 3-летний срок (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.07.2024 г. № Ф06-5933/2024).

Отметим также, что сама конструкция договора возмездного оказания услуг по предмету значительно шире остальных договорных моделей и может вмещать в себя различные обязательственные правоотношения. Учитывая отсутствие сокращенных сроков исковой давности и иных ограничений прав участников гражданского оборота, предприниматели, занятые в сфере транспортной деятельности, с учетом своих экономических потребностей могут использовать именно данную договорную конструкцию, однако, и здесь нужны учитывать определенные нюансы.

Отметим, что при регулировании отношений по договору возмездного оказания услуг предусмотрено субсидиарное применение правил о договоре подряда, которые, в том числе устанавливают возможность использования сокращенного срока исковой давности.

Данное правило может применяться к договору возмездного оказания услуг только в части требований, касающихся качества оказания услуг, что можно увидеть на примере споров отправителей посылок с почтовым оператором. Так, отношения в области оказания услуг почтовой связи не имеют никакой специфики, это обычные правоотношения по оказанию услуг, регулируемые гл. 39 ГК РФ и Федеральным законом от 17.07.1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи».

В соответствии с п. 6 ст. 2 Федерального закона от 17.07.1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» услуги почтовой связи – это действия или деятельность по приему, обработке, перевозке, доставке (вручению) почтовых отправлений, а также по осуществлению почтовых переводов денежных средств.

В силу ст. 783 ГК РФ общие положения о подряде (ст. ст. 702 – 729 ГК РФ) и положения о бытовом подряде (ст. ст. 730 – 739 ГК РФ) применяются к договору возмездного оказания услуг, если это не противоречит ст. ст. 779 – 782 ГК РФ, а также особенностям предмета договора возмездного оказания услуг.

Согласно п. 1 ст. 725 ГК РФ срок исковой давности для требований, предъявляемых в связи с ненадлежащим качеством работы, *выполненной* по договору подряда, составляет один год, а в отношении зданий и сооружений определяется по правилам ст. 196 ГК РФ.

Ненадлежащее качество почтовой услуги по смыслу п. 6 ст. 2 Федерального закона от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи» может выразиться в ненадлежащем выполнении действий или деятельности по приему, обработке, перевозке, доставке (вручению) почтовых отправлений, а также по осуществлению почтовых переводов денежных средств.

Из системного толкования взаимосвязанных нормативных положений п. 1 ст. 725 и ст. 783 ГК РФ следует, что годичный срок исковой давности применяется только для требований, предъявляемых в связи с ненадлежащим качеством почтовой услуги, оказанной по договору об оказании услуг почтовой связи.

Если же почтовый оператор утратил или повредил посылки или иные почтовые отправления, то он будет отвечать по иску о возмещении убытков, и сама почтовая услуга в таком случае в принципе не считается оказанной, поскольку посылки не вручаются получателю.

Речь о ненадлежащем качестве услуги можно вести только в том случае, когда она была фактически предоставлена, но исполнителем нарушены стандарты ее оказания. Данный вывод подтверждается сложившейся судебной практикой (Определение Верховного Суда РФ от 02.09.2020 г. № 301-ЭС20-11709, Постановление Девятого арбитражного суда по делу от 17.08.2021 г. № А40-155421/2020 и др.).

ON THE ISSUE OF THE RATIO OF THE ONE-YEAR LIMITATION PERIOD UNDER THE CONTRACT OF CARRIAGE AND THE TOTAL LIMITATION PERIOD FOR OTHER OBLIGATIONS

Butrim A.O.

The article analyzes the approach of the courts to the application of the reduced limitation period in cases where the relations of the parties arise from the contract of carriage of goods. Despite the existence of a rule of law, in practice it can be difficult to distinguish between when the relations of the parties are based on a contract for the carriage of goods, and when the relations of the parties are based on another type of contract, despite the inclusion of obligations in the contract, named as a contract of carriage, but in reality it is a complex contract regulating, among other things, the obligations of the parties related to transportation cargo. The limitation of the carrier's liability is caused by the fact that in most cases he carries cargo, the cost of which is much higher than the cost of his services (and the amount of its liability, too). Without setting limits on the amount of liability and on time, the provision of transportation services in the long-term period would simply be unprofitable. At the same time, however, the carrier should not be placed in a more privileged position when he acts as a contractor and performs other work in the interests of its clients.

Keywords: carrier's liability, transportation services contract, statute of limitations, differentiation of the contract of carriage and the contractor contract.

УДК 349.41

АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ И ОТНЕСЕНИЮ ЗЕМЕЛЬ К ОСОБО ЦЕННЫМ ПРОДУКТИВНЫМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ УГОДЬЯМ

Быкова Марина Владимировна

Старший преподаватель кафедры геодезии

Кубанский государственный аграрный университет

им. И.Т. Трубилина

Е-mail: rbljiko8@mail.ru

Представлен анализ нормативно-правовой базы в вопросах регулирования, использования и отнесения земель к особо ценным продуктивным сельскохозяйственным угодьям. В частности, изучаются материалы законодательства, регулирующие правоотношения в этой области. Рассматриваются нормативно-правовые акты в сфере определения состава особо ценных угодий на федеральном уровне, в состав которых входит Конституция РФ, земельный кодекс и Федеральные законы. Выявлены неточности формулировки отнесения земель к особо ценным продуктивным сельскохозяйственным угодьям. Приведен анализ нормативно-правовой документации по регулированию ценных угодий в различных субъектах РФ. Рассмотрены особенности использования плодородных земель каждого региона. Проведен обзорный анализ документации по Томской области, Краснодарскому краю и Волгоградской области. По итогу исследования был сделан вывод об отсутствии единого подхода при выделении особо ценных угодий. Были выявлены несоответствия в формах предоставления информационных материалов, которые рассматривались на примере правовой документации по перечням ценных продуктивных земель Волгоградской, Ивановской, Саратовской и Воронежской областей. Учитывая выявленные недостатки в

нормативно-правовом аспекте регулирования отнесения земель к особо ценным продуктивным угодьям, даны рекомендации по устранению несоответствий.

Ключевые слова: особо ценные угодья, нормативно-правовая область, кадастровая стоимость, продуктивность, регион, земельный участок.

Качественные земельные ресурсы, обладающие благоприятными почвенными характеристиками, являются основой развития сельского хозяйства в регионах и экономики страны в целом. Высокопродуктивные и плодородные земли для выращивания продукции сельского хозяйства [1] относятся к особо ценным продуктивным сельскохозяйственным угодьям (ОЦПСХУ). Площади территорий с ОЦПСХУ постоянно уменьшаются, а, соответственно, и происходит сокращение плодородных земель [3], что влечет снижение урожайности сельскохозяйственных культур и понижение экономических показателей.

Процесс сокращения ценных продуктивных угодий является следствием несоответствия в нормативно-правовой базе вопросов по регулированию отношений в области обоснования отнесения земель к ОЦПСХУ.

По нормам действующего законодательства, правоотношения в сфере определения, охраны и использования ОЦПСХУ регулируются комплексно федеральными и региональными нормативно-правовыми актами [6].

Состав нормативно-правовых документов на федеральном уровне по регулированию ценных угодий включает:

- конституцию РФ;
- земельный кодекс (п 4, статья 79);
- ФЗ №101 от 16.07.1998 «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения»;
- ФЗ № 172 от 21.12.2004 «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую».

Составляя анализ данных из п. 4 статьи 79 Земельного кодекса, можно отметить, что к ОЦПСХУ относят:

- территории учебно-опытных подразделений образовательных организаций высшего образования;
- угодья, кадастровая стоимость которых превышает средний уровень кадастровой стоимости по городскому округу (муниципальному району) [11].

Отнесение к ценным плодородным землям угодий опытно-производственных и учебно-производственных подразделений вызывает сомнение при признании их особо ценными, т. к. отсутствует информация о высоком уровне плодородия [4], которым должны быть наделены такие земли. Соответственно встает вопрос об их

продуктивности и целесообразности использования даже в учебных целях в качестве особо ценных продуктивных угодий [2].

Дальнейшее использование таких земель на региональном уровне регулируется нормативно-правовыми актами субъектов РФ, которые содержат значительные различия по регионам.

В Краснодарском крае, например, отнесение земель к особо ценным решаются соответственно данным закона от 5.11.2002 № 532 «Об основах регулирования земельных отношений в Краснодарском крае», а также закона Краснодарского края от 30 декабря 2022 г. № 4834-кз "О внесении изменений в статью 18 закона Краснодарского края "Об основах регулирования земельных отношений в Краснодарском крае".

По указанному нормативно-правовому документу, к ОЦПСХУ в Краснодарском крае [9] относят земли, указанные на рисунке 1.

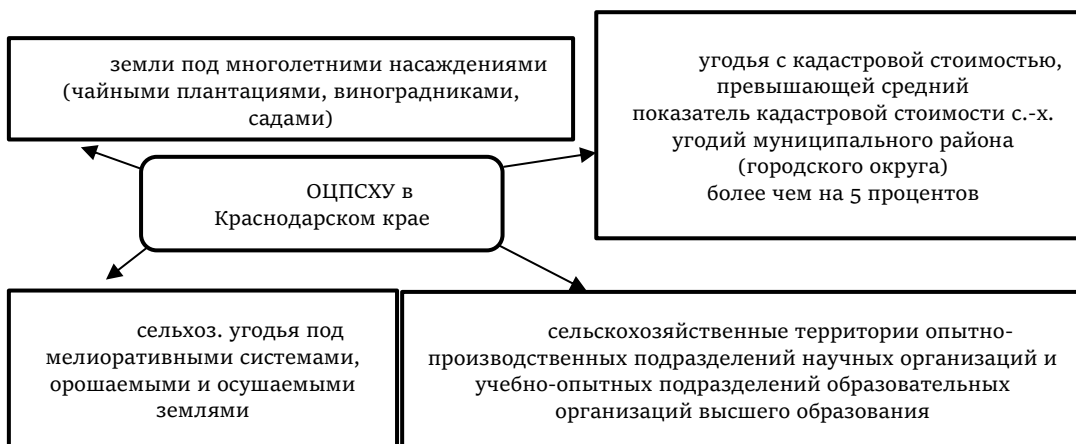

Рисунок 1 – Состав ОЦПСХУ в Краснодарском крае

В Волгоградской области к ценным сельскохозяйственным угодьям относятся:

- земли, которые используются учебно-опытными подразделениями профессиональных образовательных организаций;
- участки, где произрастают многолетние насаждения;
- территории, чья кадастровая стоимость превышает средний уровень кадастровой стоимости по муниципальному району (городскому округу) на 50 и более %.

Рассматривая продуктивные угодья Ставропольского края, можно выделить земли, указанные на рисунке 2.

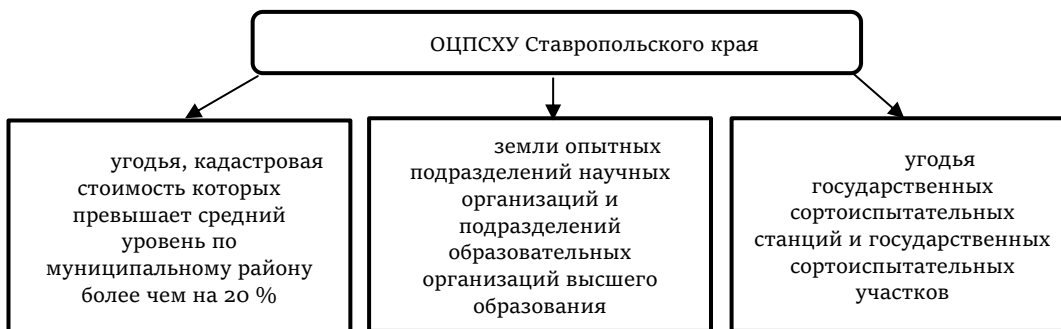

Рисунок 2 – Ценные угодья Ставропольского края

В Томской области к особо ценным угодьям относят:

- орошаемые и осушаемые земли;
- территории высокоплодородных земель, применяемые для исследовательских и опытных целей, испытания сортов растений;
- территории школ интернатов для детей, оставшихся без попечения родителей и детей-сирот, домов престарелых;
- земельные участки специализированных отраслевых сельскохозяйственных предприятий;
- земли, чья кадастровая стоимость превышает на 50 и более процентов средний показатель кадастровой стоимости муниципального района (городского округа) [10].

По данным актов субъектов РФ заметно отсутствие единого подхода к отнесению земель к плодородным ценным угодьям [5]. Прослеживаются региональные различия в связи с направленностью сельскохозяйственной деятельности региона. Соответственно, перечни состава ОЦПСХУ будут отличаться информативностью и также иметь различия в каждом отдельном регионе [7].

Например, перечень ОЦПСХУ в Воронежской и Волгоградской областях включает в себя данные, показанные на рисунке 3.

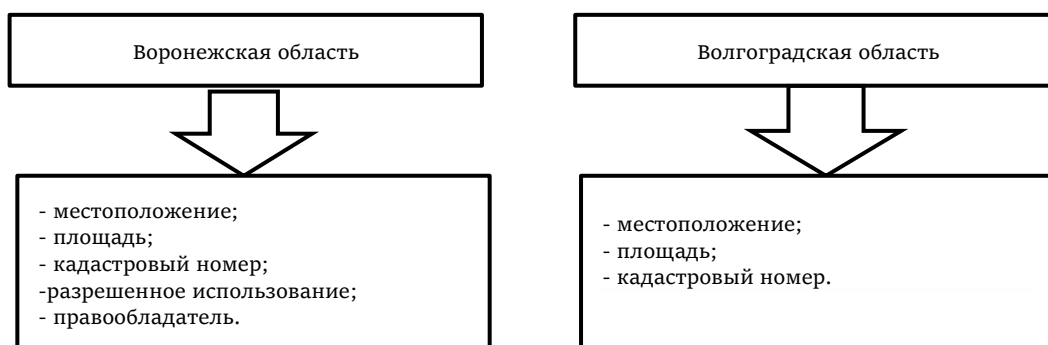

Рисунок 3 – Данные из перечня ОЦПСХУ в Воронежской и Волгоградской областях

Перечень ОЦПСХУ Саратовской области информирует о следующих показателях земельных участков:

- адрес;

- площадь;
- номер участка кадастровой базы;
- кадастровая стоимость.

В рассматриваемом документе прослеживается отсутствие информации о категории земель, о разрешенном использовании, которая и определяет ценность сельскохозяйственных угодий.

Список продуктивных угодий по Ивановской области содержит сведения только о месте расположения и площади особо ценных продуктивных с.-х. угодий [8]. Но в приложении документа публикуется графическая часть, где изображаются ОЦПСХУ, что является важным информационным ресурсом.

Учитывая такое различие в информационных материалах перечня ОЦПСХУ различных субъектов можно отметить отсутствие общего принципа составления документации нормативно-правового регулирования в области ценных сельскохозяйственных угодий.

Учитывая выявленные недостатки при анализе документации по регулированию выделения ОЦПСХУ, которые порождают существенные различия в этой области по регионам, появляется необходимость комплексного нормативно-правового подхода при решении этого вопроса.

В земельном законодательстве при решении вопросов рационального использования ценных угодий и их защиты от перевода рекомендуется отрегулировать проведение постоянного контроля за использованием таких земель, путем внесения поправок в уже существующую нормативную базу [6].

При проведении разработки этапов и очередности работ по выделению ОЦПСХУ необходимо планирование отдельно по каждому из рассматриваемых регионов. При разработке практических рекомендаций по выявлению ценных угодий, рекомендуется оказывать значительное внимание специализации, состоянию почвенного покрова и видам наиболее выращиваемых культур в регионе.

Чтобы установить актуальную ценность рассматриваемых земель, необходимо подтвердить высокий уровень плодородия почв, а соответственно провести почвенное обследование интересующей территории.

Для совершенствования области использования сельхоз. угодий, информация, представленная в списках и перечнях земель ОЦПСХУ, должна быть оформлена в единой или однообразной форме, установленной на федеральном уровне с указанием основания данных о землях, входящих в этот перечень с графическим изображением для наглядности.

ЛИТЕРАТУРА

1 Быкова М. В. Зарубежный опыт использования с.-х. земель с учетом почвенных характеристик / М. В. Быкова // МИРОВАЯ НАУКА: НОВЫЕ ВЕКТОРЫ и ОРИЕНТИРЫ: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 30 сентября 2022

года. Том Часть 2. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт", 2022. – С. 36-38.

2 Быкова М. В. Критерии отнесения земель к виноградопригодным на примере почв Темрюкского района Краснодарского края / М. В. Быкова // Агрехимический вестник. – 2023. – № 1. – С. 80-86. – DOI 10.24412/1029-2551-2023-1-013.

3 Быкова М. В. Нормативно-правовой аспект и регулирование порядка отнесения земель (почв) к виноградопригодным в Анапо-Таманской зоне Краснодарского края / М. В. Быкова, В. П. Власенко // Современные проблемы и перспективы развития земельно-имущественных отношений: Сборник статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 20 апреля 2023 года / Отв. за выпуск Е.В. Яроцкая. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2023. – С. 97-102.

4 Власенко В. П. Динамика структуры почвенного покрова, состава и свойств виноградопригодных почв Анапо-Таманской зоны Краснодарского края / В. П. Власенко // Плодородие. – 2023. – № 2(131). – С. 20-24. – DOI 10.25680/S19948603.2023.131.05.

5 Власенко В. П. Исследование динамики структуры почвенного покрова, состава и свойств почв курортов Анапы и Геленджик в целях определения их виноградопригодности / В. П. Власенко // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2023. – № 104. – С. 59-65. – DOI 10.21515/1999-1703-104-59-65.

6 Власенко В. П. К вопросу выделения особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий в России / В. П. Власенко, С. К. Пшидаток // International Agricultural Journal. – 2022. – Т. 65, № 1. – DOI 10.55186/25876740-2022-6-1-27

7 Власенко В. П. Методология оценки виноградопригодности почв (земель) и способы отображения их в градостроительной документации на примере земель Анапо-Таманской зоны Краснодарского края / В. П. Власенко, М. В. Быкова // Московский экономический журнал. – 2022. – Т. 7, № 9. – DOI 10.55186/2413046X_2022_7_9_553.

8 Закон Ивановской области от 31.12.2002 N 110-03 "Об отнесении земель сельскохозяйственного назначения к особо ценным продуктивным сельскохозяйственным угодьям"

9 Закон Краснодарского края от 5 ноября 2002 года N 532-КЗ «Об основах регулирования земельных отношений в Краснодарском крае»

10 Закон Томской области от 04.04.2008 N 57-03 «Об особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодьях Томской области»

11 Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 №136-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/

ANALYSIS OF NORMATIVE-LEGAL DOCUMENTATION ON REGULATION AND ATTRIBUTION OF LANDS TO ESPECIALLY VALUABLE PRODUCTIVE AGRICULTURAL LANDS

Bykova M.V.

The article analyzes the regulatory and legal framework in the issues of regulation, use and attribution of lands to especially valuable productive agricultural lands. In particular, the materials of legislation regulating legal relations in this area are studied. Regulatory legal acts in the sphere of determining the composition of especially valuable lands at the federal level, which include the Constitution of the Russian Federation, the Land Code and Federal Laws, are considered. Inaccuracies in the wording of the formulation of attribution of lands to especially valuable productive agricultural lands are revealed. The analysis of normative-legal documentation on regulation of valuable lands in different subjects of the Russian Federation is given. The peculiarities of utilization of fertile lands of each region are considered. A review analysis of documentation on the Tomsk region, Krasnodar Krai and Volgograd region was carried out. The study concluded that there is no unified approach to the allocation of especially valuable lands. Inconsistencies were identified in the forms of providing information materials, which were considered on the example of legal documentation on the lists of valuable productive lands in Volgograd, Ivanovo, Saratov and Voronezh oblasts. Taking into account the identified shortcomings in the normative-legal aspect of regulating the attribution of lands to especially valuable productive lands, recommendations to eliminate inconsistencies were given.

Keywords: especially valuable lands, regulatory-legal area, cadastral value, productivity, region, land plot.

УДК 347.963

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПРОКУРОРСКИХ ПРОВЕРОК ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОВ В ИНТЕРЕСАХ ЛИЦ, НЕ ДОСТИГШИХ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ

Мананников Дмитрий Юрьевич

Доцент кафедры «Правосудие» Пензенского государственного университета, кандидат юридических наук,
г. Пенза, Россия

E-mail: manannikovjr@rambler.ru

SPIN-код: 4660-9264;

Author ID – 1052832

Научный редактор: Кудинов Владимир Владимирович,
профессор кафедры организации судебной и прокурорско-
следственной деятельности Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина
доктор юридических наук, доцент.

Москва, Россия

E-mail: kudinov45@mail.ru

В статье проанализированы актуальные вопросы организации и проведения прокурорских проверок исполнения законов в интересах лиц, не достигших совершеннолетия. Автором уделено основное внимание направлениям деятельности прокуратуры в ходе осуществления надзора за соблюдением прав и свобод несовершеннолетних, отражается роль прокуратуры в системе государственно-правового управления, её значение как действенно организованного инструмента. Указывается, что ключом к успеху обеспечения результативности мер прокурорского реагирования в сфере

исполнения законов о несовершеннолетних также является укрепление их профилактической ориентированности. Чтобы достичь надлежащей эффективности надзора за соблюдением прав детей, автор предлагает закрепить на подзаконном уровне обязанность прокуроров по привлечению к проведению проверочных мероприятий специалистов и представителей коллегиальных органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Кроме того, в процессе проверки зачастую может возникнуть необходимость в непосредственном общении с детьми, в этом случае прокурору имеет смысл привлекать к надзорным мероприятиям психолога-педагога.

Ключевые слова: прокуратура, прокурор, защита, несовершеннолетние, дети, надзор, проверка, права, интересы, профилактика.

На заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ от 26.03.2023 глава государства – Президент России В.В. Путин отмечал: «Ещё один безусловный приоритет ... – это наше молодое поколение, его воспитание и становление ... важно серьёзно усилить работу по защите прав несовершеннолетних. Сделать всё, чтобы оградить детей и подростков от преступных посягательств, от рисков втягивания в криминальную и экстремистскую среду. И конечно, прямая обязанность прокуроров регулярно и тщательно проверять соблюдение требований безопасности в образовательных учреждениях, в местах детского отдыха» [1, с. 1-2].

Действительно, органами прокуратуры ежегодно выявляются около полумиллиона нарушений, касающихся прав и интересов несовершеннолетних россиян. Мерами прокурорского надзора пресекаются нарушения в области жилищных, трудовых и иных прав несовершеннолетних граждан, не допускаются отступления от законов об образовании относительно обеспечения в образовательных учреждениях безопасности детей, приемлемости (доступности) дошкольного образования, фактической реализации права детьми из труднодоступных и отдаленных территорий на общее образование, адаптации общего образования к возрастной специфике детей; в области предупреждения правонарушений несовершеннолетних и профилактики безнадзорности; о социальной поддержке детей-сирот и оставшихся без попечения родителей детей; об охране жизни и здоровья в сфере противодействия пропаганды среди детей криминальной субкультуры, соблюдение санитарно-эпидемиологического законодательства в части организации питания несовершеннолетних, в сфере проведения закупок продуктов питания для несовершеннолетних и др.

О важности данного направления надзора свидетельствует и тот факт, что в 2023 году прокурорами проведены проверки по 97,9 тыс. заявлений о нарушениях прав и интересов несовершеннолетних

(84,9 тыс., +15,3 %), при этом удовлетворена каждая третья жалоба [2, с. 5-6].

Прокурорский надзор за исполнением законов о защите прав лиц, не достигших совершеннолетия, относится к вспомогательному элементу надзора за исполнением законов [3, с. 621-622].

Следует отметить понятийный аппарат, имеющий отношение к рассматриваемой проблеме. Законодатель разграничивает такие социальные группы как малолетние дети, несовершеннолетние лица, устанавливая определённые критерии отнесения граждан к указанным категориям. Действительно, с точки зрения действующего гражданского и семейного законодательства, в зависимости от категории, являются ли они малолетними или несовершеннолетними, детям и их родителям предусмотрены различные права и степени дееспособности, в связи с этим следует заключить о нетождественности упомянутых дефиниций.

В то же время все эти перечисленные категории граждан – лица, не достигшие 18 лет, поэтому с целью единого понимания смысла используемых в настоящей статье дефиниций, не погружаясь в проблему соотношения этих юридических терминов, представляется разумным унифицировать и объединить их в общую группу – «лица, не достигшие совершеннолетия».

Необходимо указать, что состояние законности в данной области прокурорского надзора остаётся проблемным. Как свидетельствуют результаты проверочных мероприятий и сложившейся правоприменительной практики, на её состояние отрицательное влияние оказывают распространённые случаи бездействия органов государственной власти субъектов РФ (органов местного самоуправления), не принимающих надлежащие и оперативные меры по вопросам защиты прав несовершеннолетних, организации доступности и должного уровня качества оказываемой несовершеннолетним медицинской помощи, лекарственного обеспечения, профилактики и своевременного обнаружения заболеваний, развитию сети дошкольных образовательных организаций. Чрезвычайно отрицательно на состояние законности воздействует неорганизованное взаимодействие между органами (организациями и учреждениями) системы профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Проанализировав практику прокурорского надзора, можно резюмировать, что до сих пор в нашей стране актуальны проблемы, касающиеся формирования оптимальных и комфортных условий для жизни подрастающего поколения.

Как известно, демографический кризис в России, вызванный низкой рождаемостью как в 90-е годы прошлого столетия, так и в настоящее время, обусловил необходимость выработки государством срочных системных мер, нацеленных на защиту детства и материнства, оптимизацию жизни граждан, имеющих детей, формирование стимулов для увеличения рождаемости. Но, несмотря на все усилия со стороны государства, пока эти меры не приносят ожидаемых результатов.

Усугубляет положение еще и то, что до сих пор в указанной сфере распространены законодательные нарушения.

В частности, нередко адресная поддержка не доходит до нуждающихся категорий семей, а льготы и компенсации, предусмотренные на уровне законодательства субъектов РФ, зачастую имеют декларативный характер. Права на бесплатную медицинскую помощь и образование также нередко нарушаются, поскольку безвозмездные услуги в данных областях подменяются платными. Большую проблему представляют, помимо прочего, нарушения прав детей-сирот и детей-инвалидов, как наиболее уязвимых категорий россиян.

Разительный масштаб проблем, обусловленных реализацией прав детей, привёл к необходимости развития государственной политики в области защиты несовершеннолетних.

Возраст – основной фактор, влияющий на особенности правового обеспечения безопасности несовершеннолетнего лица [4, с. 17-18]. Правозащитный механизм – универсальное правовое явление, которое распространяется на всех лиц без исключения. Ребенок является тем субъектом правовых отношений, который по причине возраста и неразвитости своих психологических и умственных характеристик не в полной мере может знать свои права, не способен самостоятельно оценивать с правовой точки зрения сложившуюся ситуацию. Кроме того, он значительно ограничен в способах защиты своих прав. Доступ к правовой помощи ребенка усугубляется недостаточным жизненным опытом, зависимостью от родителей (законных представителей), в связи с чем ребенок не имеет возможности обеспечить защиту своих прав путём использования административных (судебных) процедур наравне со взрослыми гражданами [5, с. 77-78].

Прокуроры организуют свою надзорную деятельность в тесном взаимодействии с Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребенка и уполномоченными по правам ребенка в субъектах РФ. На внедрение в правовую практику института уполномоченного по правам ребенка ориентирует мировое сообщество.

Уполномоченный по правам ребенка является одним из основных институтов внесудебной защиты прав ребенка [6, с. 24-25]. Основой для действия указанного института выступает Федеральный закон от 17.12.2018 № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» и Указ Президента РФ от 01.09.2009 № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка».

С целью обеспечения дополнительных гарантий надлежащего функционирования системы соблюдения и защиты прав (законных интересов) детей в соответствии со ст. 13, 14 Федерального закона от **17.12.2018** № **501-ФЗ** «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» законом субъекта РФ может создаваться должность уполномоченного по правам ребенка в субъекте РФ.

Институт уполномоченных по правам ребенка, несмотря на относительно недавнее учреждение, занял устойчивое место в системе

государственных органов, трансформировался в эффективный механизм комплексной защиты прав (законных интересов) детей, а также средство самостоятельного государственного контроля за соблюдением прав (интересов) ребенка.

Правовое регулирование надзорной работы в рассматриваемом направлении характеризуется большим количеством нормативных документов, поскольку необходимо учитывать права несовершеннолетних в самых разных областях. Среди этих актов:

- документы международного уровня: Конвенция о правах ребенка, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») и др. (по общему правилу, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью правовой системы РФ. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотрены российским законом, то применяются правила международного договора);

- Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, Семейный кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ, Жилищный кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ), Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ);

- Федеральные законы «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ, «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ, «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ, «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 № 159-ФЗ, «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 28.06.1995 № 98-ФЗ, «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ, «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ, «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ, «О пособии детям военнослужащих, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальное звание полиции, и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, погибших (умерших, объявленных умершими, признанных безвестно отсутствующими) при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей), и детям лиц, умерших вследствие военной травмы после увольнения с военной службы (службы в войсках, органах и учреждениях)» от 04.06.2011 № 128-ФЗ, а также другие акты, регулирующие вопросы защиты прав

лиц, не достигших совершеннолетия, в различных сферах жизнедеятельности.

Защита прав и свобод имеет прямое закрепление в основополагающих актах правового регулирования деятельности прокурорского надзора. Участие прокуратуры в системе обеспечения безопасности несовершеннолетних регламентируется Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов».

Названный выше приказ предписывает органам прокуратуры, в том числе:

- проводить проверку соблюдения законодательных требований, касающихся охраны жизни и здоровья лиц, не достигших 18 лет, обеспечения прав данной категории граждан на оптимальное, незамедлительное, безвозмездное предоставление медицинской помощи, а равно необходимых лекарств и медицинских приспособлений;

- обеспечивать проведение комплексного надзора за выполнением норм, касающихся защиты несовершеннолетних от сведений, способных нанести вред их нормальному развитию (психическому, физическому). Целесообразно сосредоточить внимание на противодействии распространению информации, склоняющей рассматриваемых лиц к осуществлению действий, несущих прямую опасность для их здоровья и жизни, в том числе самоубийств, оправдывающей неправомерное поведение, отрицающей традиционные семейные ценности, а также использование возможностей средств массовой информации (далее – СМИ), различных мессенджеров, социальных сетей, прочих коммуникационных каналов в противоправной деятельности, в целях заманивания психически незрелых подростков в антисоциальные структуры, травли и прочих способов психического насилия, половой эксплуатации и реализации прочих криминальных актов несовершеннолетними либо в отношении их [7, с. 7-8];

- усилить надзор за соблюдением прав несовершеннолетних на получение образования, в частности, в период их нахождения в специальных учебно-воспитательных организациях открытого и закрытого типа;

- регулярно проводить проверки вопросов соблюдения прав несовершеннолетних на творческое развитие;

- не допускать случаев допуска детей к работе при отсутствии надлежаще оформленных документов в сфере трудовых отношений, невыполнения запрета на привлечение их к тем или иным работам, невыплаты им заработной платы, обеспечивая безотлагательного устранения нарушений и привлечения виновных должностных (юридических) лиц к предусмотренной законом ответственности;

- организовать эффективный надзор за соблюдением жилищных, иных имущественных прав несовершеннолетних, акцентируя внимание на обеспечение особого режима сделок с

имуществом (в том числе, с жильем), принадлежащим несовершеннолетнему. На периодической основе следует проводить анализ соблюдения прав детей при реализации материнского (семейного) капитала, а также осуществлять надзорные мероприятия в территориальных органах Федеральной службы судебных приставов (ФССП) относительно полноты действий по принудительному взысканию в интересах несовершеннолетних алиментов (пенсий, пособий);

- осуществлять надзор за соблюдением прав несовершеннолетних на свободу совести и вероисповеданий, руководствуясь национальными, культурными и иными характерными особенностями регионов;

- обеспечить законное исполнение уполномоченными органами функций по выявлению, учету и устройству оставшихся без попечения родителей детей, а также неукоснительное соблюдение процедуры отобрания ребенка у родителей, освобождения и отстранения опекуна (попечителя) от исполнения возложенных на них обязанностей;

- реализовать оптимальный надзор за соблюдением прав (законных интересов) детей, которые подлежали усыновлению иностранными гражданами (лицами без гражданства);

- систематически осуществлять проверки, касающиеся различных аспектов соблюдения прав детей-сирот (детей, оставшихся без попечения родителей), а также их интересов в жилищной сфере [8, с. 15-16];

- своевременно реагировать на информацию, связанную с жестоким обращением с детьми в социальных учреждениях;

- организовывать систематический надзор за законностью при содержании несовершеннолетних в учреждениях уголовно-исполнительной системы;

- ежедневно обзирать сводки о происшествиях с участием несовершеннолетних для профилактики принятия неправомερных решений по итогам рассмотрения сообщений о преступлениях, ставить на контроль проведение по ним процессуальных проверок.

Следует особо внимательно относиться к рассмотрению сообщений о смерти несовершеннолетних, о безвестном исчезновении, о сексуальной эксплуатации детей (подростков), о торговле ими, об иных посягательствах, получивших широкий общественный резонанс.

Для эффективной оценки собираемой информации необходимо следить за ее актуальностью и проводить структурированный анализ. Рекомендуется вести учет в специально организованных нарядах, в рамках которых предусмотреть сведения о несовершеннолетних гражданах и учреждениях всех типов, работающих с детьми. Весьма эффективно при этом использовать папки-накопители, содержащие соответствующие отчеты, акты, отражающие состояние законности, копии актов прокурорского реагирования и прочие необходимые документы.

Важно вести специальный журнал, где записываются все данные о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Этот журнал

может содержать информацию о видах преступлений, характеристиках правонарушителей, причинах и мерах, предпринятых прокурором в ответ на совершенные преступления [9, с. 14-15]. Безусловно, аналитическая деятельность прокурора должна основываться на различных источниках информации, включая статистические данные, отчеты органов и организаций, аналитические справки, судебную и иную правоприменительную практику.

Перед тем, как начать проверку, прокурор проводит тщательный анализ имеющейся информации. Анализ позволяет ему получить наиболее полное представление о том, соблюдается ли закон в различных областях правоотношений, особенно в отношении прав несовершеннолетних лиц. Такой подход позволяет выявить типичные нарушения, определить тенденции и разработать эффективные тактики для планирования контрольно-надзорных мероприятий [10, с. 26-27].

При оценке ситуации прокурор ориентируется на системный подход, что позволяет учесть все аспекты проблемы и разработать комплексные меры для ее решения [11, с. 7-8].

Проверки органов прокуратуры могут различаться по масштабу, характеру вопросов, охвату объектов, временным рамкам, сложности выявления нарушений и их последствий. Надзорные действия фокусируются на изучении деятельности конкретного органа (организации) или групп предприятий (учреждений) и могут затрагивать отдельные аспекты их работы либо даже деятельность в целом.

Прокурорские проверки неоднобразны и по своему объему, и набору актуальных вопросов, и исследуемым объектам. Важным надзорным инструментом выступает целевая проверка, суть которой состоит в контроле за выполнением законодательных требований, включая требования по охране здоровья детей. Также может быть организовано проведение комплексной проверки, охватывающей различные стороны деятельности органа. Распространена в прокурорской деятельности контрольная проверка, которая помогает получить объективную информацию о выполнении предыдущих указаний.

Контролируя соблюдение законов, прокурор проверяет правомерность приема учащихся в образовательные организации различных профилей и уровней. Надзорные меры здесь могут касаться и конкретных этапов, и всей работы учебного заведения. Как правило, надзор затрагивает выполнение главных функций организаций сферы образования.

Дальнейшее развитие нашего государства невозможно без качественного образования и продвижения талантливой молодёжи. В этой связи прокурорам необходимо стремиться ликвидировать все преграды и нарушения. Следует проводить надзор за сроками возведения новых образовательных учреждений, за их современным оснащением, за прозрачностью Всероссийской олимпиады школьников и Единого государственного экзамена (ЕГЭ).

Еще одна актуальная проблема для современного общества –

безнадзорность несовершеннолетних. Безусловно, она охватывается не только компетенцией комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, но и организациями социальной защиты, специальными подразделениями в органах внутренних дел. В процессе проведения проверок анализируются текущие аспекты проблемы в зависимости от предоставленных данных.

Планирование проверок представляет собой важный аспект оценки соблюдения законности в различных организациях и учреждениях, оно включает в себя определение объектов проверки, постановку целей и задач надзорных мероприятий.

Перед началом проверки проводятся встречи с руководством соответствующей организации для получения актуальных сведений о реальном положении дел, о работе, проделанной для ликвидации ранее выявленных нарушений. Если необходимо, прокурор вправе потребовать подготовку информации для последующей проверки.

Для работы по надзору за соблюдением законодательства о лицах, не достигших совершеннолетия, привлекаются наиболее опытные сотрудники, чья работа организовывается с четким распределением обязанностей и координацией действий.

В целях эффективного осуществления надзорных мероприятий часто требуется вовлечение в проверочный процесс специалистов. Иногда для получения сообщений от граждан целесообразно предварительно информировать общественность о предстоящей проверке через СМИ с одновременной организацией работы «горячей линии».

Для всесторонней оценки ситуации в большинстве случаев рекомендуется начинать проверку с непосредственного посещения объекта и осмотра его территории. Должностные лица сопровождают этот процесс и должны быть готовы предоставить пояснения по всем возникающим вопросам. Для помощи прокурору в анализе большого объема информации часто истребуется служебная документация, а также журналы, папки, наряды и иные доступные в каждом органе или организации материалы.

Во время проведения проверочных мероприятий необходимо тщательно изучить указанные документы, так как они содержат всю информацию о деятельности, осуществляемой органами или организациями. В ходе проверки, несомненно, прокурору необходимо удостовериться в достоверности предоставленной информации. Это можно осуществить путем сопоставления данных из различных источников. У соответствующего органа или учреждения запрашиваются необходимые документы, если подобные проверки уже были проведены ранее.

Прокурор, чтобы составить полную картину, может обратиться к различным источникам. Он активно собирает информацию. Надзирающий прокурор исследует дифференцированные области, связанные с законодательством о несовершеннолетних.

Сотрудник прокуратуры активно взаимодействует с различными органами и учреждениями для обеспечения правопорядка и защиты

интересов несовершеннолетних. Это включает в себя сотрудничество с правоохранительными органами, комиссиями по делам несовершеннолетних и учреждениями социальной защиты населения.

В тактическом плане имеет смысл запрашивать и анализировать документы и материалы, содержащие максимально полную информацию по интересующим аспектам. Такие действия всецело помогут ему выявить факты неправомерного поведения, дать законную оценку тем или иным противоправным действиям [12, с. 212-213].

В период надзорного сопровождения прокурор определяет, соответствует ли устав и требования местного характера действующему законодательству об образовании. Он должен убедиться, что соглашения, заключенные между дошкольным учреждением и законными представителями (родителями), не нарушают прав родителей, в частности, при непосредственном осуществлении ими спонсорской (благотворительной) помощи. Одним из актуальных вопросов является процесс сбора добровольных пожертвований со стороны родителей, их использование и предоставление отчетности при соответствующей необходимости. Стоит удостовериться, что сборы средств за образовательные услуги осуществляются исключительным образом на законных основаниях с соблюдением принципов добровольности и альтернативности. Иными словами, прокурору следует уделить внимание законности ежемесячных платежей, которые взимаются должностными лицами дошкольных образовательных учреждений с родителей или законных представителей за содержание детей.

Необходимо убедиться, имеет ли образовательное учреждение лицензию на предоставление платных услуг необходимого типа. Это гарантирует, что учреждение работает в рамках закона и обладает должными квалификациями для предоставления услуг. При проверке учитывается, получено ли согласие от учредителя учреждения на предоставление дополнительных платных услуг, которые не входят в его уставную деятельность. В результате обеспечивается прозрачность и юридическая легитимность деятельности учреждения [13, с. 184-185].

Рационально проверить наличие трехсторонних соглашений о совместной деятельности между детскими дошкольными учреждениями, организациями, оказывающими коммерческие услуги, и родителями, а также их соответствие действующему законодательству. При этом рассматриваются и непосредственно исследуются конкретные условия трудовых договоров с предоставляющими платные услуги работниками.

Необходимо оценить, соответствует ли количество детей в группах учреждения установленным законодательным нормам. Учреждение должно создавать условия для поддержания и укрепления здоровья детей. Прокурором проводится проверка нарушений в области здравоохранения, образования и воспитания, а также в сфере трудовых отношений и предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних. Следует убедиться в соблюдении законных процедур управления недвижимым имуществом, находящимся в

оперативном управлении образовательного учреждения, и при сдаче ключевых объектов в аренду.

При надзоре за соблюдением законодательства, касающегося прав несовершеннолетних, применяются межотраслевые тактики и методики, поскольку в данной сфере функционируют различные органы, наделенные разнородной компетенцией. В свою очередь, это включает в себя применение дифференцированных подходов к реализации надзора в отношении конкретного органа. В этом случае прокурор принимает во внимание наличие особенностей каждого из них, а также документов, регламентирующих деятельность соответствующих органов в сфере защиты прав несовершеннолетних. Кроме того, существуют различные приказы (распоряжения) Генерального прокурора РФ и подзаконные акты, которые определяют особенности прокурорской деятельности во всевозможных областях.

Различные органы имеют свои уникальные обязанности и цели, они заботятся не только о защите прав детей, но и о предотвращении их участия в преступных действиях. Учитывается структурная специфика органов по работе с детьми для эффективной работы.

В комплексе задач органов, занимающихся предотвращением правонарушений среди подростков, можно обособить ряд направлений. Важным из них видится недопущение антисоциального поведения и беспризорности, что охватывает обнаружение и ликвидацию причин, вызвавших такие негативные проявления.

Прокурорские проверки в определённой степени гарантируют защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, создавая условия для их нормального развития и интеграции в общество. Деятельность прокурора должна включать и социально-педагогическую поддержку подростков, оказавшихся в трудном положении, поскольку лишь это будет способствовать возврату последних на правильный путь.

При обнаружении фактов привлечения подростков к антисоциальным действиям, прокурору необходимо принять все возможные меры для предотвращения этого в дальнейшем. Прокурорские проверки, как представляется, не только защищают будущее несовершеннолетних, но и предотвращают угрозу для общества.

Опыт прокурорской работы показывает, что повторные преступления среди несовершеннолетних часто совершаются из-за недостаточной работы органов, занимающихся предотвращением беспризорности и безнадзорности [14, с. 44-45]. Поэтому необходимо тщательно проверять возложенные функции органов при организации профилактической работы с подростками [15, с. 136-137].

Особенно проверке подлежат полномочия подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, предусмотренные подп. 1, 7, 8 п. 1 ст. 21 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». К ним относятся: проведение индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, осужденными условно, несовершеннолетними, осужденными к обязательным

работам, исправительным работам или иным мерам наказания, не связанным с лишением свободы; внесение в уголовно-исполнительную инспекцию предложений о применении к несовершеннолетним, контроль за поведением которых осуществляют указанные учреждения, мер воздействия; информирование о совершении ими правонарушений и антиобщественных действий, о причинах и об условиях, этому способствующих. Законность указанной деятельности полиции проверяется прокурором не только путем изучения личных дел осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, но и в обязательном порядке путем изучения соответствующих документов и материалов, имеющих в органах внутренних дел у должностных лиц, осуществляющих эту деятельность.

Прокурор, осуществив надзорную проверку, формирует соответствующий отчет, где характеризует обнаруженные нарушения закона, описывает факторы, их вызвавшие, а также принятые меры.

В Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» указаны разнообразные меры реагирования прокурора. При выборе способов реагирования необходимо учитывать нормы закона, распоряжения и приказы Генерального прокурора РФ, а также руководствоваться спецификой обнаруженных нарушений, их масштабностью и наличием методики их ликвидации.

Прокурор должен оперативно и настойчиво реагировать на все случаи нарушений прав несовершеннолетних, применяя широкий спектр мер по их восстановлению. Судебная защита в рамках гражданского судопроизводства является эффективной мерой защиты прав детей прокурором.

Статья ст. 45 ГПК РФ определяет полномочия и порядок действий прокурора при его участии в судебном процессе. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве может быть двух видов: с одной стороны, по его инициативе, когда он сам обращается в суд с иском для защиты прав других лиц; с другой стороны, когда он присоединяется к уже начатому процессу после решения суда о необходимости его участия в деле [16, с. 15-16]. В первом случае участие прокурора в судебном процессе осуществляется путем предъявления иска (заявления).

Прокуратура организует разрешение обращений и приём граждан, которым самим потребовалась помощь либо оповещающих о несоблюдении прав детей. Безусловно, общество должно быть нацелено на решение проблем подрастающего поколения, на предоставление несовершеннолетним всего объема средств юридической защиты.

Граждане имеют право обращаться к прокурору для защиты своих нарушенных прав по различным вопросам. Сюда, в том числе, включается и обеспечение оптимальной окружающей среды, доступного образования, охрана семьи, материнства, отцовства и детства, социальная защита, обеспечение жильем и др. Прокурор, в свою очередь, имеет право выступать в защиту прав граждан, если последние не могут обратиться в суд самостоятельно по разным причинам, например, из-за своего состояния здоровья или возраста. На практике часто возникают ситуации, требующие обращения в суд для

установления фактов, имеющих юридическое значение. Дела, рассматриваемые с участием прокурора, в том числе в рамках особого производства, охватывают широкий спектр вопросов, затрагивающих интересы общества в целом.

Особое внимание уделяется защите прав несовершеннолетних граждан, которые не могут обратиться в суд самостоятельно. Прокуроры активно защищают права детей-инвалидов в публично-правовых отношениях, включая заявление административного иска в суд, исходя из ст. 39 КАС РФ.

Физические и юридические лица, в пределах этого процесса, могут осуществлять обжалование актов и решений государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц либо иных госслужащих. Обжалование может включать в себя оспаривание нормативных правовых актов или конкретных действий указанных органов или их структурных подразделений [17, с. 57-58].

Бесспорно, на протяжении последних лет осуществляется комплекс значимых мероприятий, нацеленных на обеспечение поддержки и помощи детям с ограниченными возможностями здоровья и сиротам. В частности, детям, имеющим сахарный диабет, в настоящее время бесплатно предоставляются системы постоянного контроля за содержанием глюкозы, инсулиновые помпы, а также другие расходные материалы. Следует осуществлять постоянный контроль за предоставлением и освоением финансирования территориальных программ, принимая во внимание существующую потребность несовершеннолетних в медикаментах и медицинских изделиях.

Поэтапная деятельность, реализуемая прокурорами в этой сфере, во многом способствует ускорению финансирования. Благодаря прокурорскому реагированию публичные органы могут принуждаться к освоению бесхозного жилищного фонда, а, соответственно, обеспечивать интересы таких лиц. Необходимо строго учитывать целевое применение выделяемого жилья, а также его качество, осуществлять надзор за всеми видами помощи, предоставляемой детям-сиротам, поскольку лишь в этом случае они будут адаптированы в социуме.

Итоги надзорной работы в 2023 году свидетельствуют о масштабных нарушениях прав детей-инвалидов и сирот, в том числе на обеспечение жильем, жизненно необходимыми лекарственными препаратами, средствами реабилитации. Для наглядности следует привести несколько положительных примеров, указывающих на значимую правозащитную роль прокурора.

Так, прокуратура Пензенской области добилась восстановления прав 292 детей с инвалидностью на получение компенсаций за самостоятельно приобретенные технические средства реабилитации, а также увеличения бюджетного финансирования на эти цели на 207,1 млн. рублей.

Прокуратурой Орловской области в 6 учреждениях образования выявлены факты задолженности по компенсации за питание перед детьми с ограниченными возможностями здоровья, обучающимися на

дому. Директорам школ, главам муниципальных образований внесены представления, по итогам рассмотрения которых нарушения устранены, восстановлены права 37 детей.

Прокуратура г. Севастополя по результатам разрешения обращения Катыхиной И.В. добилась обеспечения ее ребенка-инвалида Тюрина Н.А. дорогостоящим льготным лекарственным препаратом [18, с. 5-6].

Прокуратурой г. Москвы проведена проверка по факту нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних детей-инвалидов на денежное содержание. Установлено, что распоряжениями отдела социальной защиты населения района Царицыно г. Москвы выплаты опекунам на содержание подопечных прекращены необоснованно. По результатам рассмотрения представления названные распоряжения отменены, выплаты на содержание детей возобновлены.

Восстановлены права ребенка-инвалида по результатам рассмотрения принятого прокурором Архангельской области на личном приеме в пос. Плесецк обращения Бортник Е.М. По представлению прокуратуры Плесецкого района устранены нарушения прав ребенка-инвалида на получение медицинской помощи и льготное обеспечение необходимым после операции по трансплантации сердца лекарственным препаратом. Судом удовлетворен иск прокурора района о возмещении понесенных родителем ребенка расходов на лечение в размере 43 тыс. рублей [19, с. 4-5].

На личном тематическом приеме, приуроченном к Дню защиты детей, к прокурору Красноярского края с заявлением о нарушении права на дополнительную жилую площадь, неисполнении судебного решения администрацией г. Красноярска обратилась Попова Е.В., которая одна воспитывает ребенка-инвалида. После принятия мер прокурорского реагирования по факту нарушения закона семье заявителя в установленном порядке предоставлено благоустроенное жилье.

Как и прежде, прокурорами пристальное внимание уделяется такому важному направлению, как защита прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В частности, прокурором Республики Калмыкия на выездном приеме в военном госпитале принят участник специальной военной операции Угаров А.С., относящийся к категории лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, который сообщил о неисполнении судебного решения о предоставлении ему жилья. В результате принятых мер прокурорского реагирования Угаров А.С. обеспечен благоустроенным жилым помещением [20, с. 2-3].

В ходе выездного приема к прокурору Пермского края обратился Шихов И.Г., относящийся к указанной выше категории граждан, сообщивший о необоснованном отказе в обеспечении его жилым помещением. При содействии прокуратуры г. Краснокамска права заявителя были восстановлены в судебном порядке [21, с. 2-3].

В любой конкретной ситуации прокурор может применить то средство, которое окажется более эффективным, обеспечит укрепление законности в той или иной области, касающейся прав

несовершеннолетних и молодого поколения. Применение конкретного акта реагирования обуславливается, в том числе, оперативностью обнаружения правовых нарушений, особенностью их причин и детерминирующих факторов, наступившими последствиями и др.

Несовершеннолетние в силу возраста, отсутствия необходимого жизненного опыта чаще всего не в состоянии обеспечить полноценную защиту своих прав и законных интересов. Особенно сложная ситуация складывается тогда, когда требуется защита их прав от лиц, которые в первую очередь были бы обязаны обеспечить такую защиту – от родителей, опекунов и т.д. В указанных случаях деятельность прокурора по защите прав несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации, проживающих в семьях, находящихся в социально опасном положении, обладает особым значением.

Учитывая исключительную важность защиты благополучия и безопасности детей, роль прокуроров в надзоре за этой специфической областью права становится существенно более значимой. Прокурорская надзорная работа ведется сегодня во всех сферах жизнедеятельности несовершеннолетних. Среди них: медицинское и социальное обслуживание, область спорта и культуры, образование и труд, профилактика правонарушений и др.

Защита лиц, не достигших совершеннолетия, обеспечение их прав и благополучия являются важнейшим условием развития справедливого и правового общества. Для успешной работы в этом направлении необходима четкая координация и тесное взаимодействие органов прокуратуры с правоохранительными, контрольно-ревизионными органами и институтами гражданского общества. Ключом к успеху обеспечения результативности мер прокурорского реагирования в этой сфере также является укрепление их профилактической ориентированности. Профилактические цели включают в себя выявление и устранение факторов, способствовавших социальной дезадаптации и правонарушениям среди молодого поколения. Правозащитный потенциал прокуратуры в области охраны прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних гарантирует ей статус незаменимого звена государственно-правовой системы обеспечения безопасности детей.

Однако, к сожалению, как показывает опыт, результаты прокурорских проверок порой не всегда отличаются эффективностью, что требует дополнительных доктринальных разработок по данной проблематике с целью совершенствования правоприменения [22, с. 7-8].

Как представляется, для обеспечения продуктивной надзорной деятельности прокуроры должны на систематической основе организовать всеобъемлющий обмен информацией с заинтересованными организациями. Чтобы достичь надлежащей эффективности надзора за соблюдением прав детей, представляется целесообразным закрепить на подзаконном уровне обязанность прокуроров по привлечению к проведению проверочных мероприятий специалистов и представителей коллегиальных органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений

несовершеннолетних. Кроме того, в ходе проверки зачастую может возникнуть необходимость в непосредственном общении с детьми, установлении индивидуального подхода, в этом случае прокурору имеет смысл привлекать к надзорным мероприятиям психолога-педагога.

Участие в этом процессе квалифицированных сотрудников из соответствующей профильной службы относится к факторам, влияющим на повышение результативности прокурорских проверок [23, с. 57-58]. Реализация упомянутой меры, думается, будет также способствовать своевременному выявлению надзорным органом нарушений закона и обеспечению в последующем условий, исключающих аналогичные нарушения в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Речь Президента РФ В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ от 26.03.2024 // Официальный сайт Администрации Президента России URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73735> (дата обращения: 01.07.2024). С. 1-2.
2. Обзор Генеральной прокуратуры РФ состояния работы по рассмотрению обращений в органах прокуратуры Российской Федерации в 2023 году от 15.03.2024 № 25-08-2024. С. 5-6.
3. Винокуров А. Ю. К вопросу об участии органов прокуратуры в профилактике правонарушений в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 621-622.
4. Воронцова М. А. Конституционно-правовые основы личной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. Наук. СПб. – 2018. – С. 17-18.
5. Фомин А. А. Правовое образование, правосознание и юридическая безопасность: проблемы взаимообусловленности в современном обществе // Право и образование. – 2005. – №3. – С. 77-78.
6. Акульшина С. Е. Институт уполномоченных по правам человека как один из способов внесудебной защиты прав ребёнка // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2010. – № 28. – С. 24-25.
7. Капинус О. С. Деятельность прокуратуры по обеспечению защиты несовершеннолетних от насилия и суицида: правовые основы и механизмы осуществления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2017. – № 5. – С. 7-8.
8. Черепанова И. В. Прокурорский надзор за соблюдением жилищных прав граждан: материалы к семинару. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – С. 15-16.
9. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних / Рук. авт. кол. Н. П. Дудин. СПб. – 2009. – С. 14-15.
10. Организация работы городской (районной) прокуратуры: Методическое пособие / Под ред. С. И. Герасимова. М. – 2001. – С. 26-27.
11. Прокурорский надзор за исполнением законов о

несовершеннолетних / Т. А. Васильева, Т. Г. Воеводина, О. Б. Качанова, М. Г. Ковалева, Т. Г. Николаева, В. И. Рохлин, И. К. Севастьяник; под общ. ред. В. И. Рохлина. 2-е изд., испр. СПб. – 2005. – С. 7-8.

12. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних / Рук. авт. кол. Н. П. Дудин. – 2009. – С. 212-213.

13. Настольная книга прокурора / Под общ. ред. С. Г. Кехлерова, О. С. Капинус; Науч. ред. А. Ю. Винокуров. М. – 2013. – С. 184-185.

14. Гришин А. В. Деятельность прокурора по защите прав несовершеннолетних, проживающих в семьях, находящихся в социально опасном положении: монография. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ. – 2014. – С. 44-45.

15. Гришин А. В. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних: монография. М.: Университет прокуратуры РФ. – 2018. – С. 136-137.

16. Васильчикова Н. А. Участие прокурора в гражданском процессе по отдельным категориям дел: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2015. – С. 15-16.

17. Гришин А. В. Защита прокурором в гражданском процессе прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних: монография. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ. – 2017. – С. 57-58.

18. Обзор Генеральной прокуратуры РФ состояния работы по рассмотрению обращений в органах прокуратуры Российской Федерации в 2023 году от 15.03.2024 № 25-08-2024. С. 5-6.

19. Обзор Генеральной прокуратуры РФ практики организации личного приёма граждан в органах прокуратуры Российской Федерации в 2023 году от 15.03.2024 № 24-03-2024/Иф4606-24. С. 4-5.

20. Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ об организации личного приема в органах прокуратуры РФ граждан, принимающих участие в специальной военной операции, а также членов их семей от 04.06.2024 № 24-03-2024/Иф8586-24. С. 2-3.

21. Обзор Генеральной прокуратуры РФ о практике организации личного приёма граждан в органах прокуратуры Российской Федерации в первом полугодии 2023 г. от 22.09.2023 № 24-03-2023/Ип29759-23. С. 2-3.

22. Права человека: учебное пособие / Н. Н. Карпов, Ю. В. Нечипас, А. А. Опалева [и др.]; под ред. И. В. Гончарова; Университет прокуратуры Российской Федерации. М.: Проспект. – 2024. – С. 7-8.

23. Субанова Н. В. Прокурорский надзор за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы: проблемы теории и практики: монография. М.: Проспект. – 2023. – С. 57-58.

УДК 342.9

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ СЕТИ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Новгородов Дмитрий Александрович

Старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности полиции,
Московский областной филиал Московского университета МВД
России имени В.Я. Кикотя,
г. Руза, Россия

E-mail: 7431131@mail.ru

SPIN-код: 5332-3872

Предметом представленного исследования являются: нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которые устанавливают административную ответственность за деяния, совершенные с использованием, применением или посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»; труды отечественных исследователей, изучающие проблемы использования информационно-коммуникационных сетей при совершении административных правонарушений и преступлений; материалы судебной практики.

Объектом исследования выступают общественные отношения складывающиеся по поводу привлечения к административной ответственности лиц, размещающих в сети «Интернет» информацию, запрещенную к распространению на территории Российской Федерации.

Автор рассматривает такие элементы объективной стороны административного правонарушения, как способ и средство совершения деяния. Автор обращает внимание на то, что использование информационно-коммуникационных сетей является средством совершения правонарушения.

Новизна исследований заключается в том, что ИТС является средством коммуникации, которое может использоваться для различных целей, включая законные и незаконные. В зависимости от контекста, сеть может рассматриваться как средство совершения

правонарушений, если используется для распространения запрещенной информации, и совершения других противоправных действий. Однако сами по себе ИТС не будут являться объектом или предметом правонарушения.

Основной вывод, который сделан по итогам исследования, состоит в том, что в соответствии с действующим административным законодательством для некоторых составов административных правонарушений информационно-телекоммуникационная сеть, в том числе сеть «Интернет» может являться обязательным квалифицирующим признаком, а в других просто элементом объективной стороны административного правонарушения, однако во всех случаях выступает исключительно средством совершения административного правонарушения.

Ключевые слова: средство, способ, ответственность, правонарушение, преступление, сеть Интернет, информационно-телекоммуникационная сеть, объект, объективная сторона, информация.

К настоящему моменту информационно-телекоммуникационные сети (далее – ИТС), в том числе сеть «Интернет» проникли во все сферы жизнедеятельности общества и государства. Так согласно данным отраслевого доклада Минцифры РФ [1, с. 23] пользователями ИТС в нашей стране являются более 100 млн человек, причем ежедневно выходят в сеть 98,3 млн, что составляет 81% от общей численности населения страны. Пользователи тратят ежедневно около 4 часов на поиск информации, общение, развлечения и совершения покупок онлайн [1, с. 23].

Уже сейчас информационно-коммуникационные сети стали неотъемлемой частью нашей жизни, но вместе с тем они представляют собой мощное орудие для совершения административных правонарушений. Борьба с этим явлением требует комплексного подхода, включающего в себя образование, совершенствование законодательства и внедрение новых технических средств защиты. Только совместные усилия государства, общества и бизнеса смогут эффективно противостоять правонарушениям и создать безопасную информационную среду.

Руководство нашей страны намерено повышать вовлеченность населения по использованию ИТС, так в соответствии с Указом президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» планируется в целях обеспечения устойчивого экономического и социального развития страны, укрепления государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, повышения уровня жизни граждан обеспечить доступ к ИТС до 97% населения к 2030 году и до 99% к 2036 году, кроме этого доля государственных услуг, предоставляемых в электронной форме должна достигнуть 99%.

Таким образом мы видим, что вовлеченность населения нашей страны в использование ИТС достаточно высока и ближайшие годы будет только увеличиваться. В этой связи государство уже сейчас предпринимает необходимые меры по защите граждан от противоправных посягательств в информационной сфере. В уголовное и административное законодательство добавляются новые составы преступлений и административных правонарушений.

Так если обратиться к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), то мы увидим, что только в 2023 и 2024 годах в Особенную часть КоАП РФ было внесено 8 изменений, устанавливающих или повышающих административную ответственность за правонарушения, связанные с использованием ИТС.

В нашем исследовании мы не будем подробно останавливаться на исследовании аппаратно-программных и технических особенностей функционирования ИТС, в том числе сети «Интернет», так как этому вопросу посвящено достаточно много исследований, как с юридической, так и технической стороны. Согласимся с М.А. Ефремовой, которая указывает, что ИТС могут быть глобальными, локальными, корпоративными, ведомственными, а сеть «Интернет» в свою очередь, является одной из разновидностей ИТС [2, с. 102]. Кроме этого, ИТС по мнению некоторых исследователей может выступать в двух аспектах: в качестве способа совершения преступления и в качестве места совершения противоправных деяний [3, с. 130], однако, по нашему мнению, это не совсем верно и сеть «Интернет» не может быть местом совершения противоправного деяния, так не имеет конкретного географического положения, и является международной.

Следует отметить, что в нашей стране противоправные деяния совершаются посредством ИТС уже достаточно давно, однако к настоящему времени ни в административной, ни в уголовной науке не выработана единая терминология. Так в уголовном праве преступления, совершенные посредством ИТС называют «компьютерными преступлениями», «киберпреступлениями», «цифровыми преступлениями» [2, с. 102]. Аналогичная ситуация и в административном праве, правонарушения, совершенные посредством ИТС называют «цифровые правонарушения» [4, с. 493], «правонарушения в области оборота информации» [5, с. 200].

Необходимо учитывать, что рассматриваемые нами противоправные деяния содержатся в разных главах КоАП РФ, следовательно, они имеют различные объекты посягательств, например, в ч. 2 ст. 5.61 объектом является честь и достоинство; в ч.1.1 ст. 6.13 – здоровье населения; ч. 3 ст. 6.21 – общественная нравственность; ст. 20.3.1 – общественный порядок и безопасность. В этой связи объединить и систематизировать такие правонарушения по объекту посягательства не представляется возможным. Стоит добавить, что указанные правонарушения могут быть совершены различными способами, такими как оставление лайка или реакции, репоста, комментария, размещение на интернет-платформах видеофайлов или фотографий [6, с. 350], то есть путем распространения информации в

ИТС, следовательно, они будут иметь дополнительный объект, так как одновременно происходит нарушение общественных отношений в области создания, использования и распространения информации. Таким образом административные правонарушения, совершаемые посредством ИТС будут двух объектными, и иметь основной объект, которому непосредственно причиняется вред в результате противоправного деяния, и дополнительный объект – информация [7, с. 30].

Наша позиция также подтверждается в исследовании К.А. Шуликова, который указывает, что нормы, закрепляющие административную ответственность за распространение в ИТС «Интернет» противоправной информации, включает в себя более 40 составов административных деликтов, содержащихся в разных главах КоАП РФ (5, 6, 8, 13-15, 17, 19, 20). Он указывает, что предметом исследуемой группы правонарушений является информационно-психологическая безопасность населения, психическое и физическое здоровье пользователей сети «Интернет» [8, с. 65].

Также справедливо отмечают А.В. Куракин, Д.В. Карпухин, З.А. Саидов, что введение в Особенную часть КоАП РФ новых административных деликтов, объектом которых выступают отношения в сфере использования «Интернета», реализуют охранительную функцию права, направленную на обеспечение информационной безопасности личности в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий [9, с. 24].

В целях правильной квалификации административного правонарушения требуется установить необходимые юридически значимые обстоятельства, которые образуют состав административного правонарушения, одним из ключевых элементов которого является объективная сторона правонарушения. Так объективная сторона любого противоправного деяния (будь то уголовное преступление или административный проступок) выражается в непосредственном деянии виновного лица (действии или бездействии), которое причиняет вред юридическим правоотношениям в определенной сфере, а также наступившие вредные последствия и взаимосвязь между противоправным действием и этими последствиями. Непосредственное деяние виновного лица образует «костяк» объективной стороны любого правонарушения. Кроме того, в объективную сторону правонарушения помимо деяния включаются факультативные признаки: место, время, а также средства и способ совершения правонарушения [10, с. 132].

Согласимся А.С. Никитиным, который утверждает, что в «чистом» виде выражение «способ совершения правонарушения» существует только как родовое понятие, в частности, в теории административного либо уголовного права. Он предлагает под способом понимать законодательно закреплённую прямо или косвенно индивидуальную форму выражения противоправного деяния (действия – бездействия), реализуемую определённым субъектом административной ответственности при посягательстве на отношения, охраняемые административными нормами [11, с. 22]. Т.е. он считает, что способ

должен быть указан непосредственно в норме административно-деликтного законодательства.

Кроме это, Е.О. Бондарь, указывает, что способ совершения правонарушения – это форма проявления противоправного деяния во вне, используемые нарушителем приемы и методы для совершения административного правонарушения [12, с. 547]. Следовательно, использование ИТС при совершении административно наказуемого деяния не будет являться способом совершения деликта.

Обратимся к понятию «средство совершения правонарушения». В русском языке термин «средство» используются в двух вариациях: во-первых, как, прием или способ действий для достижения чего-нибудь, во-вторых, предмет, приспособление (или совокупность их), необходимое для осуществления какой-либо деятельности [13, с. 993]. Также под средством понимают процессы, при помощи которых лицо совершает административное правонарушение. При помощи средств совершения правонарушения оказывается противоправное воздействие на общественные отношения, охраняемые административным правом [12, с. 548].

Таким образом средство совершения правонарушения может представлять собой предмет или орудие, используемое при совершении деликта, а также действия, направленные на данный предмет или орудие правонарушителем. Например, использование компьютерной техники с доступом к сети для совершения противоправного деяния.

Наши слова находят подтверждения в позиции законодателя, который закрепил в диспозициях административных норм Особенной части КоАП РФ следующие выражения: с использованием ИТС (ст. 5.61; 6.13; 13.15), с применением ИТС (ст. 6.21), посредством ИТС (ст. 6.13.1; 6.17), распространение в ИТС (ст. 20.1)». Стоит отметить, что в Особенной части КоАП РФ существуют составы административных правонарушений, которые возможно совершить в ИТС, в том числе сети «Интернет», однако об этом в положениях диспозиции статьи не указано (ст. 20.3; 20.3.1; 20.3.3; 20.29), в связи с чем могут возникнуть у правоприменителя сложности при квалификации правонарушений по данным составам.

Анализ дел об административных правонарушениях по рассматриваемой категории показал, что не во всех случаях правоприменители дают объективную оценку использования ИТС при совершении деликтов и не учитывают все особенности.

Так М.В. Старичков считает, что ключевым моментом для вменения использования информационно-телекоммуникационных сетей как квалифицирующего признака, очевидно, следует считать их использование в качестве средства для распространения информации неопределенному кругу лиц [14, с. 496].

Например, в материалах дел об административных правонарушениях № 7-12755/2024 Кузьминского районного суда г. Москвы, № 5-0716/2024 Тверского районного суда г. Москвы, № 5-0012/2024 Хамовнического районного суда г. Москвы судьи отмечают, что правонарушения были совершены посредством ИТС

«Интернет», и материалы размещались в открытом доступе в социальных сетях «Telegram» и «ВКонтакте» для неограниченного круга лиц, открытом публичном доступе для русскоязычных пользователей сети «Интернет» [15].

Однако в административном деле по ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ №5-1649/2023 Тверского районного суда г. Москвы [15] указано, что лицо совершило публичные противоправные действия, а именно разместило в ИТС «Интернет» в открытом доступе информационный пост тематического содержания, в социальной сети «Инстаграмм» (признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации).

Следует отметить, что указанная социальная сеть 21 марта 2022 г. внесена в реестр информационных ресурсов, содержащих информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено и, следовательно, доступ к ней ограничен на территории нашей страны Роскомнадзором. Таким образом, пользователи ИТС «Интернет» проживающие в России не имеют возможности без специализированного программного обеспечения ознакомиться с данным постом. Следовательно, пользователи российского сегмента сети «Интернет» не могли видеть данную информацию, и возможность причинения вреда национальным интересам России остается под вопросом.

Таким образом ИТС является средством коммуникации, которое может использоваться для различных целей, включая законные и незаконные. В зависимости от контекста, сеть может рассматриваться как средство совершения правонарушений, если используется для распространения запрещенной информации, и совершения других противоправных действий. Однако сам по себе ИТС не будет являться объектом или предметом правонарушения. Таким образом способ совершения правонарушения посредством ИТС определяется характером деяния и конкретными действиями, предпринятыми для достижения противоправной цели.

Подводя итоги нашего исследования, мы приходим к выводу, что для некоторых составов административных правонарушений информационно-телекоммуникационная сеть, в том числе сеть «Интернет» может являться обязательным квалифицирующим признаком, а в других просто элементом объективной стороны административного правонарушения, однако во всех случаях выступает исключительно средством совершения административного правонарушения, и при квалификации деяний необходимо учитывать ресурс размещения противоправного контента, каким общественным отношениям причиняется вред и на какую аудиторию направлено противоправное действие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интернет в России // – М.: Дизайн-студия RE-FORM, 2023. – 207с. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/internet-v-rossii-v-2022-2023-godah.pdf> (дата обращения 21.09.2024).

2. Ефремова М.А. Информационно-телекоммуникационные сети как средство совершения преступлений // Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. Казань, 2023. С. 98-102.
3. Карчаева К.А. Актуальные проблемы противодействия преступлениям, совершаемым в сети «Интернет» в условиях глобализации // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 5. С. 129-132.
4. Банакас С.Э., Петров Д.А., Попондопуло В.Ф., Силина Е.В. Цифровые отношения как предмет правового исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. №2. С. 492-509.
5. Зиборов О.В., Джафарова Н.Т. Некоторые особенности привлечения к административной ответственности за правонарушения в области оборота информации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 200-202.
6. Филичкина В.А., Ухолова А.О. Информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» как средство совершения преступлений экстремистской направленности // Актуальные проблемы публичного права. Сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых». Владимир, 2022. С. 347-350.
7. Стащенко С.П., Константинов А.В. К вопросу об информации как элементе состава административных правонарушений // Криминологический журнал. 2022. № 3. С. 29-32.
8. Шуликов К.А. Административная ответственность как средство противодействия распространению противоправного контента в сети Интернет // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2024. № 1. С. 62-78.
9. Куракин А.В., Карпухин Д.В., Саидов З.А. Проблемы модификации административно-деликтного права: фактор цифровых технологий // Административное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 20-27.
10. Лохбаум В.А. Административная ответственность за правонарушения в виртуальной среде в парадигме юридической ответственности // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. 2021. № 3. С. 131-133.
11. Никитин А.С. Сущность и признаки понятия способ совершения административного правонарушения // Государство и право. 2012. № 7. С. 22-30.
12. Боголюбова В.С., Бондарь Е.О. Зависимость наличия объективной стороны административного правонарушения от времени, места, способа и средства совершения деяния // Правопорядок в России: проблемы совершенствования. Сборник научных статей Всероссийской конференции. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 2017. С. 546-549.
13. Толковый словарь русского языка / сост. Г. О. Винокур [и др.] ; под ред. Д.Н. Ушакова.-Москва : Советская энциклопедия, 1935-1940. – 1502 стб.

14. Старичков М.В. Использование информационно-телекоммуникационных сетей как квалифицирующий признак преступления // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 5-1. С. 493-498.

15. Информация по делам об административных правонарушениях первой инстанции // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения 25.09.2024).

INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS AS A MEANS OF COMMITTING ADMINISTRATIVE OFFENSES

Novgorodov D.A.

The subject of the presented research is: the norms of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, which establish administrative liability for acts committed with the use, application or through information and telecommunications networks, including the Internet; works of domestic researchers studying the problems of using information and communication networks in committing administrative offenses and crimes.

The object of the study is public relations developing regarding the administrative liability of persons posting information on the Internet that is prohibited for distribution on the territory of the Russian Federation.

The author considers such elements of the objective side of an administrative offense as the method and means of committing an act. The author draws attention to the fact that the use of information and communication networks is a means of committing an offense.

The novelty of the research lies in the fact that ITS is a means of communication that can be used for various purposes, including legal and illegal. Depending on the context, the network can be considered as a means of committing offenses if it is used to disseminate prohibited information and commit other illegal acts. However, the ITS itself will not be the object or subject of the offense.

The main conclusion made based on the results of the study is that, in accordance with the current administrative legislation, for some types of administrative offenses, the information and telecommunications network, including the Internet, may be a mandatory qualifying feature, and in others, simply an element of the objective side of the administrative offense, but in all cases it acts exclusively as a means of committing an administrative offense.

Keywords: means, method, responsibility, offense, crime, Internet, information and telecommunications network, object, objective side, information.

УДК 340.114.5

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К СОДЕРЖАНИЮ ФЕНОМЕНА ПРАВОСОЗНАНИЯ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ЕГО ПРИОРИТЕТНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ АНАЛИЗА ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ

Пекарева Виктория Владимировна

Студент юридического факультета,

Академия права и управления ФСИН России, г. Рязань

E-mail: viktoria.pekareva@yandex.ru

SPIN-код: 8863-0598

Научный руководитель: Полищук Николай Иванович,

Профессор кафедры теории государства и права,

международного и европейского права Академии ФСИН

доктор юридических наук, профессор,

России г. Рязань

E-mail: nik-polishchuk@yandex.ru

SPIN-код: 9798-6025

Содержание статьи складывается из рассмотрения дилемм в ретроспективных, аксиологических и гносеологических аспектах правопонимания. Автор подвергается анализу представления различных исследователей о феномене правосознания, связанные с ним вопросы юридической и социальной природы. В контексте специфики формы общественного сознания выделяются такие разногласия как: 1) повышение распространенности среди индивидов таких отрицательных проявлений правосознания как нигилизм, идеализм, безответственность и инфантилизм, которые могут вызвать значительные негативные последствия для взаимодействия в обществе, правовой системы и государства в целом; 2) популярное некорректное мнение о правопонимании как об неэффективном механизме по нивелированию количеств преступных посягательств различного характера в смысле излишне абсолютизированной идеализированной модели, другими словами, проявление недоверия к повышению

правовой осведомленности, отсутствие интереса также тождественно не повышению уровня правосознания; 3) тесная связь с цифровой модернизацией, которая служит основой для трансформации традиционного взгляда на общественные отношения сквозь призму права. Тем самым обосновывается релевантность данной статьи.

Ключевые слова: правосознание, правовая реальность, справедливость, закон, история, концепции сознания и права.

Правосознание представляет собой один из ключевых векторов личности в общественной жизни в пользу формирования ценностей на основе уважения к закону, правопорядку и справедливости, тем самым осуществляется осознание значимости норм как персонализировано к самому себе, так и для социума в целом. И.А.Ильин в своей книге «О сущности правосознания» утверждал о безукоризненной значимости правосознания с позиции того, что им обладают все, просто на просто в разной степени. Он писал, что «человеку невозможно не иметь правосознания; его имеет каждый, кто сознает, что кроме него на свете есть другие люди, имеет правосознание независимо от того, знает об этом или не знает, дорожит этим достоянием или относится к нему с пренебрежением»[1]. Люди с развитым правопониманием и проецированием этого на обычные сферы своей жизнедеятельности более ответственно относятся к своим юридическим обязанностям, субъективным правам и процессу их реализации, что способствует устойчивому развитию общества, обеспечению соблюдения законов на подсознательном уровне и созданию условий для устойчивого социального развития.

Этимологическое представление следует проиллюстрировать двумя базовыми категориями, формирующими одну из самых очевидных и распространенных концепций к подходу семантики правосознания, от которой мы будем исходить и сравнивать иные воззрения, существующие как в научных изысканиях правоведов, так и в общественных отношениях, поскольку идея в какой-либо работе берется не просто так, а на основе распространенного мнения, часто встречающихся тенденций в социуме. Первая составляющая — психология права, то есть оценка действительности, а также места, роли, процесса осуществления стоящих задач конкретными субъектами — органами государственной власти, иными институтами и, в частности, самого себя через призму чувств, субъективных оценок, эмоционального уровня восприятия, знаний, взглядов, а также личного опыта взаимодействия с правовой системой. Так называемая психологическая сторона констатирует сознательно-волевой аспект в правопонимании, это субъективное, в каких-то местах даже эмоциональное, осознание своих прав, обязанностей, места в правовой системе. Другой категорией нужно считать установку — «фильтр» описанных поведенческих качеств и мыслительных процессов у личности через призму правовой реальности, так называемый второй

структурный элемент правосознания — правовая идеология. П.П.Баранов аргументировал, что в ходе этого происходят невидимый глазу процессы «расщепления» сознания на правовое или противоправное, а также восприятие и осмысление результатов реализации права[2]. Вне зависимости от влияющих обстоятельств в виде современных цифровых тенденций, культурных, исторических и социальных факторов, которые в значительной степени определяют лишь «огранку» формы такого типа общественного сознания, но никак не самостоятельное отношение и последующие действия человека к любым проявлениям в социуме. Другими словами, правовое сознание играет роль мотивации в юридической реальности, то есть оно помогает принимать решения и формировать индивидуальную позицию по различным социальным явлениям. Его необходимо развивать, иначе любой фактор не будет подвержен собственной правовой оценке и анализу, а станет сразу мотивацией для совершения поступков.

Правовая оценка формируется под влиянием, но индивид воспринимает право и его применение самостоятельно. В разных обществах могут существовать различные представления о справедливости, морали и законности, что напрямую отражается на мышление его членов, но когда культурные нормы и правовые системы начинают взаимодействовать и пересекаться в решениях, человек сам выбирает те или иные установки, например, нормы морали, религиозные убеждения, верховенство закона не смотря ни на что, любые разновидности общественных интересов, массовая или иной тип культуры, концепции смысла жизни, которые влияют не только на него, но на и уровень правосознания. М.С. Строгович приводил в эту пользу рассуждения, что сознание выражается прежде всего в понимании, в осмыслении определенных фактов и положений, затем — в постановке определенных целей и средств для их достижения [3]. Идет речь об индивидуальном восприятии правопонимания через личный выбор «очков», через которые человек будет фильтровать информацию, обстоятельства, события и поступки других людей и себя. Двухступенчатое представление правосознания через категории психологии и идеологии посредством неразрывной связи с правом в своих научных трудах демонстрируют и защищают П.П.Баранов, В.П. Сальников, Л.И.Петражицкий, А.И. Овчинников, А.И. Ильин, А.М. Ковалева, С.И.Захарцев, А.В.Малько.

Если обратиться к истокам философии и формированию правил поведения в обществе как со стороны нравственности, так и четких правовых установок, можно понять, что общество и его представители на разных уголках планеты хоть и не сходились во взглядах о происхождении мира, в представлении политического уклада, однако в плане справедливости, обеспечения безопасности и порядка их взгляды сходились лишь с некими особенностями. Для понимания и анализа формирования моральных и правовых норм необходимо учитывать историческую эволюцию, взаимодействие с культурными и социологическими факторами, а также влияние глобальных процессов и общественного мнения. Правосознание не просто набор норм и

правил, а живое динамичное сознательно-волевое свойство человека, которое развивается в ответ на внутренние и внешние вызовы. Оно может как поддерживать стабильность, так и выступать катализатором изменений, если общество готово к новым идеям и экспериментам. В итоге, правосознание является отражением не только исторического наследия, но и текущих реалий, что делает его важным инструментом в регулировании общественных отношений и реализации государственной политики.

Прежде чем перейти к анализу такой формы сознания на примере существующего уклада и текущих тенденций в России, проанализируем как исходные примеры правосознания в таких странах как Китай (КНР) и Индия для сравнения и широкого представления как складывается сознательная деятельность и оценка в аспекте правовой реальности в принципе.

Со времен цивилизации Древнего Китая прослеживается идея (школа мирообразующих начал) борьбы света и тьмы в человеке, о чем иллюстрирует содержание дефиниции – мораль. Пласт китайских учений, сформировавшихся ещё за долгое время до современной концепции взаимодействия людей друг с другом и иными участниками, например, с государством и его представителями, в общественных отношениях, влияет на мышление индивидов и по сей день. Отдельного внимания требует конфуцианство – школа, которая мировоззренчески сориентирована в будущее – на идеалы гражданского общества. Ее уклад опережал время и «имеет жизнь» в настоящем как в пределах страны, так и зарубежом. Если обратиться к истокам китайской философии, то одним из наилучших источников можно считать пятитомник об их духовной культуре в редакции М.Л.Титаренко, где разностороннее в том числе представлен конфуцианский метод реставрации дао – индивидуальная и коллективная активность человека, развивающего по духовно нравственным образцам древности; средство – расширяемое человеком дэ представляет из себя нравственный аналог социоморфного дао и обобщенное выражение духовного архетипа у чан; духовный предводитель – благородный муж (цзюнь цзы); конечная цель – построение общества «всеобщего благоденствия» (да тун) через промежуточную ступень общества «Малого благоденствия» (сяо кан)[4]. Конфуций обозначал учениями одни из пути: первый дает направление формирования как раз научного сознания, второй – массового, которое может быть любой из форм сознания, которая будет удобна индивиду, третий – сознание обывателя. Такой вывод можно сделать из одного из его изречений, где обозначено, что «три пути ведут к знанию: путь размышления – это путь самый благородный, путь подражания – это путь самый легкий и путь опыта – это путь самый горький»[5]. Подобное иллюстрирует не только разноуровневого познание и выработку того или иного типа сознания, но и констатирует способы приобретения правосознания. Для Китая это не одно учение, которое формировало уклад жизни и вызывает интерес в настоящем. Наравне с конфуцианством был создан в противовес даосизм, который предполагает соблюдение моральных

принципов, практику человеколюбия (жэнь) и развитие личности через занятия искусствами: «Следуй естеству всех вещей и не имей в себе ничего личного» [6].

Основная идея даосизма — утверждение о том, что все подчиняется Дао — это всеобщий Закон и Абсолют. Концепция недеяния — воздержание от целенаправленных действий, которые идут вразрез с естественным порядком. Идеальный правитель не должен вмешиваться в жизни своих подданных, ничего не делает для них, его предназначение — создание гармонии и предотвращение конфликтов, позволяя народу самостоятельно находить решения своих проблем. В основе другой школы — легизм, находится концепция смысла человеческой жизни в создании мощного государства и служении ему, государство обладает силой лишь тогда, когда все решения принимает один человек, которому все безоговорочно подчиняются, глава государства — единственный закон, все ценности сводятся к служению государству, где личные амбиции и желания подчиняются общему благу. Страх перед наказанием и боль, нравственное осуждение от последствий нарушений создают необходимую дисциплину, которая удерживает как общество в рамках, так каждого в отдельности. Данное учение имеет огромное влияние в современное время на правосознание граждан КНР. П.В. Трощинский в своих рассуждениях о значении Фа (закона) в современном Китае утверждал, что «отношение к праву у обычного китайца настороженное, его верховенство в жизни государства ставится под сомнение даже самим законодателем» [7, С.146]. Также и Р. Давид в своих трудах констатировал особую форму дальневосточной правовой семьи: «Право — это крайнее средство, которое используется только тогда, когда все другие средства не дали результата» [8, С. 448].

Для индийского правосознания свойственна священность дхармы (закона) с определенной спецификой: персонализации, единства системы религиозных, правовых, этических предписаний и симбиоз закона и общечеловеческих и индивидуальных ценностей. Священность закона определяется такими факторами как градация положения в обществе и, следствием из этого, зависимость от уровня сознания человека, его психофизических характеристик и возрастных особенностей. Кто-то следует закону из страха к наказанию, выгоды, из чувства долга, из-за личного выбора по отношению, а именно уважению, к самому себе.

Если обратиться к модели правосознания в Российском государстве, то представить существующий уклад, факторы, через развитие которых обусловлено текущее состояние данной формы общественного сознания, также логично провести через ретроспективу. До текущего уровня, современной концепции, источников влияния необходимо проанализировать хаос из доминирующих детерминант в сознании индивидов и на складывание личного мнения на свои и чужие поступки, а также на общественно-государственные отношения.

С IX века можно утверждать о простейшем типе правосознания. Естественной это не та, уверенно существующая двухуровневая

концепция, но именно определенная основа, которая послужила началом для существующей формы. Договорная теория происхождения государства констатирует уровень осознанности народа, так как волеизъявление из выхода «естественного» существования в пользу глобальных общественных отношений и поддержания общих интересов, а также самостоятельный выбор в главы государства для безопасности, стабильности и установления порядка — это движущая сила для правовой системы и государственности в принципе.

Последующее принятие христианства установило персонализированный механизм влияния на конкретного индивида и наметило курс для развития правосознания, опираясь на фундаментальные правила в качестве заповедей и ответственности перед собой и Богом. Подобный вектор будет иметь свое значение в каждом временном промежутке. О чем свидетельствуют такие предписания и труды как «Слово о законе и благодати» (правовая мысль — равенство народов сквозь религиозную призму, важность закона второстепенна по отношению к «благодати»), «Домострой» (до петровской эпохи именно он стал единственным «краеугольным камнем», фиксирующим целостность и единство мыслей общества, коллективность правосознания, тождественны такие категории как правомерность и христианская добродетельность).

В Русской Правде понятие «преступление» обозначается такими словами, как «протор», «пагуба», «обида», «беда», «сором», «срам», «несчастье», — это губительное, вредное, причиняющее ссоры нарушение идеи права и писаного закона, влекущее за собой необходимость наказания, наставления виновного посредством обязывания его восстановить нарушенное право и возместить причиненный ущерб либо полной изоляции его от общества или ликвидации его как действующего субъекта права. Все обвинения предъявлялись публично перед свидетелями и под открытым небом, чтобы видел Бог[9]. «Правда», которая у каждого своя сводилась к общему правовому знаменателю, что свидетельствует о зрелости правопонимания. Помимо этого, данный свод законов был подкреплен множеством судебных решений, компиляция практики констатирует «корни» для дальнейшего развития правосознания. Профессор и юрист А. Н. Филиппов в своих трудах утверждал о такой особенности в структуре законодательства: «Источником Русской Правды надо считать судебные решения по большей части обобщенные в юридические нормы»[10]. На основе конкретных примеров в предписаниях, а также четкого закрепления последствий любого вида проступка каждый понимал исход.

До петровской эпохи весь европейский расцвет разноплановых учений и мыслей о личности и её правосознании были второстепенными, неизученными в Российском государстве, поскольку сохранялся привычный уклад жизни. Только при Петре Алексеевиче можно утверждать о перекраивании не только государственного устройства, правопорядка, но и ценностей, привычной модели воспитания. В это время Феофан Прокопович доносит приоритетность

государственных интересов, поскольку «совершенным человеком» считается гражданин, смыслом жизни которого является активная гражданская деятельность. [11, С. 190]. Жизнь для себя заменяется на жизнь для государства. Первостепенность служения отечеству вклинивается в иерархию уклада Бога и семьи. Понятие гражданина появляется и врезается в сознательную деятельность. Человек не так связан с государством настолько сильно как уже гражданин. Правосознание наделяется свойством автономности, происходит разрыв связей от других форм общественных сознаний.

Дальнейшая научная эпоха А.Н.Радищева с прогрессивной критикой уклад жизни, крепостничества, политики и экономики не может пройти бесследно для общества. В противовес подобной модели выступает триадная концепция Уварова: «Православие, самодержавие и народность». Государство после дворцовых переворотов пыталось уравнивать несовместимые чаши весов: просвещенный абсолютизм и крепостное право. Критика плавно перетекла в радикальность, о чем свидетельствует движение декабристов, спокойных теоретиков и насыщенных реформ. Предложение конституционализма и свободы людей было прогрессивным и желанным решением. Последующая прогрессивная модернизация образования, судебной системы (основа для нынешней модели судов), государственного аппарата, общественного уклада были осуществлены с опозданием, так как несвоевременная юридическая отмена крепостного права возымела отрицательные последствия для правового настроения в массах — «революция», «терроризм», «анархия». Это стало восприниматься единственным выходом и правильным решением. Стремление к чему-то новому затмило успешные попытки изменений в «старом». Маятник между консерваторами и правителями-реформаторами пошатнул как государственную систему, так и правовую. Это возымело последствия и создало условия для разностороннего правосознания. Помимо жестоких мотивов именно в это время зарождаются прогрессивные учения и идеи, которые осуществляются уже в настоящее время.

Мнения дореволюционных правоведов играют важную роль в современной юридической науке, так как многие их идеи конца XIX — начала XX века остаются актуальными и служат базисом для правовых норм и концепций. Проблемы прав человека, справедливости и социального устройства находят отражение в их трудах. Учения представителей научного общества часто предвосхищают современные юридические концепции и подходы, что позволяет исследователям и практикам глубже понять эволюцию права и соответствующего типа сознания в России. В своей статье «В защиту права» сборника «Вехи» Б.А.Кистяковский обозначал прогрессивный мысль о том, что «каково правосознание нашего общества, таков и наш суд»[12]. По его рассуждениям претворении государственной власти должно трансформироваться из власти силы во власть права. Простые, но не по значимости тезисы о двух основных видах права — права личности и объективного правопорядка закладывают основу для построения гражданского общества и правового государства. Последнее является

идеализированной моделью, к которой стремится множество государств в настоящее время.

После революционных преобразований меняется государственность, власть, уклад жизни, подвергается изменениям всё то, что казалось обыденным. Правосознание обретает устойчивую и новую модель, где «Я» тождественно «Мы». Советский период стоит обозначить, как процветание не правового сознания, а общественного. При социализме реализовывалась модель, когда взгляды и цели человека под влиянием идеологических, политических, материальных факторов должны совпадать с интересами господствующих в обществе социальных сил – иллюстрация единого правосознания. Поколение советского периода имеют влияние и в данный момент на растущее. Их взгляды и убеждения, заложенные в советское время, имеют значение в настоящее время, поскольку для них это ещё не страницы истории, а жизненный этап.

События девяностых XX века и нулевых годов XXI века являются последствиями такой формы сознания, когда никто не придавал особого значения статусу закона. Страна взяла курс на демократию и правовое государство во время двухуровневого дисбаланса – распад государства и набравшая обороты в короткие сроки преступная модель поведения. Профессор В.А.Туманов утверждал подобную связь своими рассуждениями в плане того, что «как только страна отказалась от тоталитарных методов правления и попыталась встать на путь правового государства, как только люди получили реальную возможность пользоваться правами и свободами, так сразу же дали о себе знать низкий уровень правовой культуры общества, десятилетия, царившие в нем пренебрежение к праву, его недооценка. Юридический нигилизм при востребованном праве оказался куда более заметным, чем при праве невостребованном». [13, С.52] Правовой нигилизм или идеализм, правовая безответственность, правовой инфантилизм стали устойчивыми формами правового сознания[о], малые проявления которых можно наблюдать и по сей день. После нивелирования негативных тенденций Российское государство, придерживаясь курса изменений в законодательстве и его дальнейшего совершенствования, провозгласило ценности личности как ключевые и важнейшие. Права человека не являются чем-то отдельным или новым; они формировались на протяжении всей истории, приобретая свою структуру и реализацию.

На данный момент цифровизация сфер деятельности, государственного управления, юридической техники, методик и средств совершения преступлений становятся основой для позитивного последствия в качестве цифрового правосознания. В совокупности такие факторы – положительные тенденции в плане изменений в правовом регулировании. Социальные сети, простота в доступе и получении информации, внедрение цифровых технологий, управление, хранение и визуализация данных, использование алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта, автоматизация привычных действий констатируют альтернативность в выборе сознательно-волевой модели,

оказывающей влияние на поведение человека. Однако цифровая модификация уклада может как размыть связь с государством, так и наоборот упрочить такие важные качества в людях как уважение и любовь к Отечеству.

Результативность проведённого разностороннего исследования аргументируется разрешением настоящих сложившихся социально-правовых дилемм посредством приведенных научных изысканий и представлений о правосознании в ретроспективе, констатирующих его значимость, поскольку в контексте настоящей действительности данная двойственная (правовая и психологическая) категория играет важную роль, потому что способствует принятию правильных решений, соответствующих как нормам права, так морально-нравственным ценностям, что позволяет сформировать собственную позицию по различным общественным явлениям и событиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин И. А. О сущности правосознания. /Подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. – М.: «Рарогъ», 1993 – 235 с.
2. Баранов П. П. Актуальные проблемы теории правосознания и правового мышления : учеб. пособие / П.П. Баранов, А.И. Овчинников ; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Рост. юрид. ин-т. – Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2006 (Ростов н/Д : Тип. "Донской изд. дом"). – 184 с.; 21 см.; ISBN 5-89288-183-0
3. Strogovich M.S. (1990) Izbrannye trudy. T. I. Problemy obshchei teorii prava [Selected works. T. I. Challenges of the general theory of law]. Moscow: Nauka Publ.
4. Титаренко М.Л. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Д85 Ин-т Дальнего Востока. – М. : Вост. лит, 2006-. – ISBN 5-02-018429-2. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. – 2006. – 727 с. : ил. – ISBN 5-02-018431-4 (в пер.)
5. Конфуций «Лунь Юй»: Восточная литература; 2001 ISBN 5-02-018024-6
6. Малявин В. В. (сост.) Чжуан-цзы. Ле-цзы. – М.: «Мысль», 1995
7. Трощинский П.В. К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3.
8. Давид Р. Правовые системы современности. М., 1988
9. Осипян, Б. А. Истоки русского правосознания (Окончание) / Б. А. Осипян // Современное право. – 2008. – № 4. – С. 53-59. – EDN JYACHR.
10. Филиппов А. Н. Учебник истории Русской Правды. М.: Юрьевъ, 1907. С. 114, 116.
11. Николаева Д.С. Педагогическая мысль России XVIII века о воспитании гражданственности / Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006, № 4. С. 190-194.

12. Б.А.Кистяковский В защиту права / Б.А.Кистяковский [Текст] // Вехи. — Москва:, 1909. — С. 97-127.

13. Туманов В. А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 52. EDN: AXCIVB

**CONCEPTUAL APPROACH TO THE CONTENT
OF THE PHENOMENON OF LEGAL CONSCIOUSNESS
TO UNDERSTAND ITS PRIORITY THROUGH
THE ANALYSIS OF LEGAL DOCTRINE**

Пекарева V.V.

Supervisor: Polischuk N.I.

The content of the article consists of the consideration of dilemmas in retrospective, axiological and epistemological aspects of legal understanding. The author is subjected to the analysis of various researchers' perceptions of the phenomenon of legal consciousness, related issues of legal and social nature. In the context of the specificity of the form of social consciousness, such disagreements are emphasized as: 1) the increasing prevalence among individuals of such negative manifestations of legal consciousness as nihilism, idealism, irresponsibility and infantilism, which can cause significant negative consequences for interaction in society, the legal system and the state as a whole; 2) popular incorrect opinion about legal consciousness as an ineffective mechanism to level the number of criminal offenses of various nature in the sense of an overly absolutized idealized model, in other words, the manifestation of distrust in the increase of the number of criminal offenses of various nature in the sense of an overly absolutized idealized model, in other words, the manifestation of distrust in the increase of legal consciousness. The relevance of this article is thus substantiated.

Keywords: legal consciousness, legal reality, justice, law, history, concepts of consciousness and law.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 346.21

О ПРОБЛЕМЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ БАНКОВСКИХ ПЛАТЕЖНЫХ АГЕНТОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАЦИИ ПЛАТЕЖНЫХ АГРЕГАТОРОВ

Брит Николай Николаевич

Соискатель Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

г. Москва, Россия

E-mail: brit.nikolay@gmail.com

SPIN-код 9855-8115

Статья посвящена актуальной проблеме применения мер ответственности за нарушения, совершаемые банковскими платежными агентами, осуществляющими операции платежных агрегаторов.

В основной части статьи констатируется факт распространения в правоприменительной практике случаев, при которых платежные посредники, фактически выполняющие роль платежных агрегаторов, не исполняют обязанности банковских платежных агентов: не заключают агентских договоров с кредитными организациями и не используют специальные банковские счета для проведения расчетов с получателями денежных средств. Автор указывает на негативные социально-экономические последствия, которые возникают в связи с данными правонарушениями..

Причина данной проблемы видится в недостаточности и несоразмерности закрепленных в законодательстве мер юридической

ответственности, предусмотренных за правонарушения платежных агрегаторов.

В заключительной части статьи сделаны выводы и предложения по устранению выявленной проблемы, негативно влияющей на стабильность национальной платежной системы. Предлагается использовать существующие полномочия мегарегулятора по воздействию на кредитные организации, обслуживающие банковские счета платежных агрегаторов, а также уточнить нормы законодательства об административных правонарушениях, предусматривающие ответственность за незаконную деятельность банковских платежных агентов.

Ключевые слова: платежные агрегаторы; банковские платежные агенты; платежные посредники; национальная платежная система; надзор за деятельностью банковских платежных агентов; расчеты; специальный банковский счет; небанковские поставщики платежных услуг; ответственность за нарушения при переводе денежных средств; проблемы правоприменения.

Нормами российского законодательства предусмотрено, что безналичные расчеты, за исключением расчетов цифровыми рублями, осуществляются путем перевода денежных средств банками и иными кредитными организациями (п. 3 ст. 861 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]). При этом из других положений закона следует, что в переводе денежных средств при определенных условиях могут участвовать субъекты, не имеющие статуса кредитной организации и являющиеся платежными посредниками.

В широком понимании к платежным посредникам относятся лица, оказывающие банкам и их клиентам более 30 различных услуг, связанных с посредничеством при переводе денежных средств: процессингом операций оплаты, обеспечением возможностей технологического взаимодействия, созданием и использованием платежных инструментов [2, С. 5-6]. Однако круг посредников, имеющих право принимать непосредственное участие в переводе денежных средств, то есть осуществлять зачисление денежных средств плательщика на свои банковские счета, ограничен. Принимать на свои счета денежные средства плательщиков вправе лишь такие некредитные организации как: иностранные поставщики платежных услуг, платежные агенты и банковские платежные агенты, к числу которых относятся платежные агрегаторы. Особенности и недостатки правового регулирования деятельности последних, а также проблемы привлечения их к ответственности за нарушение законодательства являются предметом исследования настоящей статьи.

Нормы, предусматривающие участие платежных агрегаторов в осуществлении переводов денежных средств, появились в России в 2019 году в связи с принятием Федерального закона от 03.07.2019 № 173-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О

национальной платежной системе» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. Под платежным агрегатором согласно статье 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [4] (далее – Закон № 161-ФЗ) понимается юридическое лицо, привлекаемое кредитной организацией в целях обеспечения приема электронных средств платежа юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и иными лицами (к ним относятся лица, занимающиеся частной практикой, например, адвокаты, и самозанятые), а также для участия в переводе денежных средств в их пользу (п. 31 ст. 3 Закона № 161-ФЗ). Особенность правового статуса платежных агрегаторов состоит в том, что они не отнесены к числу субъектов национальной платежной системы (п. 1 ст. 3 Закона № 161-ФЗ).

На сегодняшний день согласно статье 14.1 Закона № 161-ФЗ фактическая возможность осуществления операций платежного агрегатора предоставлена лишь банковским платежным агентам, зарегистрированным в качестве юридических лиц. В будущем возможность осуществлять операции платежного агрегатора может появиться и у других субъектов национальной платежной системы, в частности, у небанковских поставщиков платежных услуг. Так, на момент подготовки настоящей статьи Государственной Думой РФ в первом чтении принят законопроект о введении института небанковских поставщиков платежных услуг (далее – НППУ). Данным законопроектом предусмотрено право НППУ оказывать услуги по агрегированию переводов денежных средств в качестве платежного агрегатора, не являющегося банковским платежным агентом [5].

Основной функцией платежного агрегатора является предоставление интернет-магазинам услуг, позволяющих обеспечивать прием в их пользу безналичных платежей в сети Интернет. В данном случае платежный агрегатор выступает в качестве агента банка – участника платежной системы, наделенного правом оказывать услуги интернет-эквайринга – принимать безналичные платежи с использованием банковских карт в сети Интернет.

Платежный агрегатор предоставляет интернет-магазину программное обеспечение в виде платежной страницы для оплаты товаров на сайте. С помощью платежной страницы агрегатор передает информацию о платеже банку-эквайреру для проведения авторизации и списания денежных средств со счета банковской карты клиента. Помимо настройки платежной страницы агрегатор вправе самостоятельно участвовать в переводе, принимая денежные средства плательщика на свой специальный банковский счет, удерживая комиссию и перечисляя деньги магазину. Следует отметить, что участие в переводе денежных средств не является обязательным признаком платежного агрегатора.

Услуги платежных агрегаторов пользуются популярностью на платежном рынке. По состоянию на сентябрь 2024 года в реестре Банка России состоят 88 платежных агрегаторов и их количество продолжает расти [6]. Также согласно экспертным оценкам, уже до трети российских

интернет-магазинов обращаются к услугам платежных посредников для обеспечения приема безналичной оплаты [7, С. 12].

Как было отмечено выше, одним из основных признаков платежных агрегаторов является их статус банковских платежных агентов. Тем не менее на практике распространены ситуации, когда платежные посредники, фактически выполняющие роль платежных агрегаторов, не исполняют обязанности банковских платежных агентов: не заключают агентских договоров с кредитными организациями и не используют специальные банковские счета для проведения расчетов с получателями средств. Эта неправомерная практика может объясняться стремлением предпринимателей снизить издержки, связанные с соблюдением регуляторных требований к банковским платежным агентам.

Примеры подобных схем сотрудничества можно обнаружить не только в деятельности небольших платежных сервисов, предоставляющих услуги по приему безналичных платежей. Даже крупные российские онлайн-агрегаторы, предлагающие товары и услуги сторонних поставщиков на своих площадках, могут проводить операции по агрегированию платежей, поступивших через платежные страницы их сайтов и мобильных приложений. В отдельных случаях, например, применительно к туроператорам, принимающим платежи в адрес третьих лиц, регулятор не усматривает необходимости в получении компанией статуса платежного агрегатора. Однако отсутствие правоприменительной практики и разъяснений наблюдается в отношении многих других сервисов, занимающихся распределением платежей в сфере электронной коммерции [8].

Сложившаяся ситуация свидетельствует о недостаточном уровне государственного контроля на рынке услуг платежных агрегаторов. Установив правила деятельности по агрегированию платежей, регулятор допускает их нарушение субъектами платежного рынка, что приводит к дискредитации созданного правового механизма, снижению уровня доверия субъектов национальной платежной системы к вводимым законодателем правилам поведения в платежной сфере.

Следует отметить, что соблюдение предъявляемых к платежному агрегатору требований по корректному оформлению договорных отношений с кредитной организацией, поставщиком услуг, а также по использованию специальных банковских счетов при осуществлении расчетов, должно обеспечиваться не только в целях формального исполнения Закона № 161-ФЗ, но и для достижения, как минимум, двух важных социально-экономических задач: обеспечения регуляторного контроля за движением денежных средств по банковским счетам и защиты переводов плательщиков от утраты или иного неправомерного расходования.

Так, при участии в переводе денежных средств платежного агрегатора установлена обязанность по использованию им специального банковского счета. Ограничения по использованию данного счета позволяют гарантировать их зачисление на счет получателя (ч.ч. 7, 8 ст. 14.1 Закона № 161-ФЗ). Кроме того, частью 9

статьи 14.1 Закона № 161-ФЗ установлено, что в отношении денежных средств, находящихся на специальном банковском счете платежного агрегатора, не может быть обращено взыскание по долгам платежного агрегатора. В случае, если для расчетов между фактическим платежным агрегатором и привлекающей его кредитной организацией не используется специальный банковский счет, денежные средства плательщиков зачисляются агрегатором на обычный банковский счет. В силу отсутствия ограничений на совершение операций по данному счету, агрегатор имеет возможность распоряжаться денежными средствами плательщиков по своему усмотрению, в том числе и для достижения противоправных целей. Указанная ситуация способствует возникновению рисков утраты денежных средств плательщиков по вине посредника, что подтверждается примерами расследования противоправных действий так называемых «серых агрегаторов», направленных на отмывание денежных средств и уклонение от уплаты налогов [9]. С учетом этого, представляется необходимым уделять должное внимание соблюдению участниками безналичных расчетов установленных законом требований к деятельности платежных агрегаторов.

В то же время ответственность за несоблюдение требований об использовании специального банковского счета платежного агрегатора и уклонение от заключения агентского договора с оператором по переводу денежных средств в российском законодательстве прямо не предусмотрена.

В соответствии с пунктом 2 статьи 15.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [10] (далее – КоАП РФ) установлена ответственность за неиспользование банковскими платежными агентами специальных банковских счетов для осуществления «соответствующих расчетов». В данном контексте под расчетами понимается зачисление наличных денежных средств на специальные банковские счета банковских платежных агентов. Учитывая, что платежные агрегаторы проводят расчеты безналичными денежными средствами, следует понимать, что на них не распространяется санкция, установленная указанной нормой статьи 15.1 КоАП РФ.

Кроме этого, положениями ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ предусмотрена ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (лицензия) обязательно (обязательна), в виде административного штрафа: на должностных лиц – от четырех тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья или без таковой; на юридических лиц – от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья или без таковой. За аналогичное нарушение, имеющее характер преступления в виде осуществления незаконной банковской деятельности, предусмотрена и уголовная ответственность (статья 172 Уголовного кодекса Российской Федерации).

В то же время нами не обнаружено материалов судебной или административной практики, подтверждающих факты применения указанных санкций административного и уголовного законодательства за нарушения со стороны платежных агрегаторов. Объяснение данному факту находится в том, что состав правонарушения, закрепленный в статье 15.1 КоАП РФ и применяемый к платежным и банковским платежным агентам, не учитывает изменений, произошедших в законодательстве в связи с появлением института платежных агрегаторов, и не может быть распространен на правонарушения, совершаемые платежными агрегаторами. Статья 14.1 КоАП РФ и статья 172 Уголовного кодекса РФ не могут применяться к платежным агрегаторам, поскольку их деятельность не требует получения разрешения (лицензии) на осуществление предпринимательской деятельности и участие в осуществлении переводов денежных средств.

В этой связи следует принять во внимание норму части 1 статьи 74 Федерального закона от 10.07.2022 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [11], которой закреплены положения об ответственности кредитных организаций за нарушение федеральных законов. Согласно данной статье кредитной организации, в случае совершения указанного нарушения, может быть выдано предписание Банка России об устранении выявленных нарушений, наложен штраф в размере до 0,1 % минимального уставного капитала или ограничено проведение кредитной организацией отдельных операций на срок до шести месяцев.

Представляется, что при невозможности использовать существующие нормы законодательства об административных правонарушениях для воспрепятствования незаконной деятельности со стороны платежных агрегаторов, регулятор имеет возможность воздействовать на кредитные организации, которые открывают банковские счета таким платежным посредникам и обязаны обеспечивать соблюдение требований законодательства. Так, согласно положениям частей 8 и 9 статьи 14.2 Закона № 161-ФЗ кредитные организации (операторы по переводу денежных средств) обязаны контролировать соблюдение платежными агрегаторами условий их привлечения, положений законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, условий заключенных платежным агрегатором с получателями денежных средств договоров о приеме электронных средств платежа и (или) об участии в переводе денежных средств.

На основании вышеизложенного можно заключить, что существующая модель контроля, осуществляемого за деятельностью платежных агрегаторов, несовершенна, и обладает, как минимум, двумя недостатками. Во-первых, качество контроля преимущественно зависит от действий кредитной организации (оператора по переводу денежных средств), которая открывает платежному агрегатору банковский счет для приема платежей и их перечисления третьим лицам (получателям). Во-вторых, несмотря на существующие положения, предусматривающие ответственность банковских платежных агентов за

нарушение положений Закона № 161-ФЗ, данные нормы не применяются и, как представляется, не могут быть применимы к платежным агрегаторам, поскольку их содержание не учитывает характер совершаемых агрегаторами правонарушений.

В российской юридической литературе отсутствует единое мнение в отношении наилучших стратегий организации контроля за банковскими платежными агентами, в частности, платежными агрегаторами. Однако ряд ученых согласны с тем, что подход к контролю за деятельностью банковских платежных агентов следует изменить [12, С. 60], [13, С. 34]. Например, О.А. Тарасенко в своей работе о предпринимательской деятельности платежных агентов высказывает идею о возможности создания системы регистрации и (или) лицензирования платежных агентов, а также установления минимальных критериев профессиональной пригодности агентов в области осуществления переводов денежных средств. При несоблюдении требований законодательства у агента может быть отозвана ранее выданная лицензия на осуществление деятельности [14, С. 36]. О.М. Иванов и К.В. Данилин полагают, что изменения в правовом регулировании банковских платежных агентов могут способствовать устранению таких проблем в их деятельности как отсутствие общих для всей отрасли моделей и передовой практики, которые способны поддерживать надлежащий уровень сотрудничества и конкуренции между всеми участниками платежной сети [15, С. 98].

На наш взгляд, для улучшения качества контроля за деятельностью банковских платежных агентов, осуществляющих операции платежных агрегаторов, следует не только усилить контроль за кредитными организациями, осуществляющими взаимодействие с платежными посредниками, но и уточнить основания привлечения банковских платежных агентов к административной ответственности, а также увеличить размер административного штрафа, предусмотренного за нарушение норм законодательства о деятельности со стороны банковских платежных агентов – платежных агрегаторов.

Уточнение оснований привлечения к административной ответственности, а именно, введение общего правила о привлечении банковских платежных агентов к ответственности за нарушение норм Закона № 161-ФЗ, позволит исключить ситуации, при которых платежные посредники могут воспользоваться отсутствием в законодательстве санкций за конкретные правонарушения и использовать это для уклонения от ответственности за нарушения закона. В то же время увеличение размеров административных штрафов, может создать для правонарушителей необходимые стимулы к соблюдению положений законодательства и заставит их более ответственно относиться к осуществлению своей деятельности, что в конечном итоге будет способствовать улучшению качества обслуживания, а также повышению защиты интересов клиентов.

С этой целью предлагается внести изменения в статью 15.1 КоАП РФ, изложив содержание ее второй части в следующей редакции:

«Нарушение платежными агентами, банковскими платежными агентами и банковскими платежными субагентами обязанностей, предусмотренных Федеральным законом «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами», Федеральным законом «О национальной платежной системе», законодательством Российской Федерации о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, в том числе нарушение полноты и своевременности перевода денежных средств по операциям с использованием электронных средств платежа, неиспользование специальных банковских счетов для осуществления расчетов, – влекут наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от десяти тысяч до ста тысяч рублей; на юридических лиц – от ста тысяч до одного миллиона рублей».

В завершение следует подчеркнуть, что применение Банком России существующих механизмов воздействия на кредитные организации, а также корректировка норм об административной ответственности банковских платежных агентов, осуществляющих операции платежных агрегаторов, по нашему мнению, способны исправить сложившуюся негативную тенденцию совершения субъектами платежного рынка противоправных действий по предоставлению платежных услуг без соблюдения установленных законодательством требований и ограничений к их деятельности. Усиление дисциплины в национальной платежной системе и предотвращение нарушений закона со стороны недобросовестных платежных посредников гарантирует поддержание справедливых условий сотрудничества между участниками платежных отношений и будет способствовать реализации принципа прозрачности и предсказуемости развития российского финансового рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Bradford T., Davies M., Weiner S. E. Nonbanks in the Payment System. – Kansas City: Federal Reserve Bank of Kansas City. – 2003. – 76 p.
3. Федеральный закон от 03.07.2019 № 173-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 27. Ст. 3538.
4. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.
5. Законопроект № 673197-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» (в части введения института небанковских поставщиков платежных услуг» //

URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/673197-8> (дата обращения: 28.09.2024).

6. Информация на сайте Банка России // URL: <https://www.cbr.ru/psystem/registers/> (дата обращения: 28.09.2024).

7. Стратегия развития национальной платежной системы на 2021-2023 годы. // URL: https://www.cbr.ru/PSystem/b_doc/strategy_nps/ (дата обращения: 28.09.2024).

8. Достов В. Л., Шуст П. М. Платежные агрегаторы: проблемы регулирования и новые бизнес-возможности. / В. Л. Достов, П. М. Шуст // Журнал «Расчеты и операционная работа в коммерческом банке». – № 1/2020. – 96 с.

9. ЦБ, ФНС и финразведка обнаружили теневую схему «разлома эквайринга» на $\text{R}100$ млрд в год»/ – Сайт. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/27/02/2023/63ea3f3d9a79472e2c90723a> – Загл. с экрана (дата обращения: 28.09.2024).

10. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

11. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 28. Ст. 2790.

12. Суродеев Ю. В. Особенности правового регулирования деятельности банковских платежных агентов (субагентов) и платежных агентов / Ю. В. Суродеев // Банковское право. – 2015. – № 4. – С. 54–61;

13. Алексеева Т. Н. Банки и банковские платежные агенты – правовое регулирование отношений / Т. Н. Алексеева // Юридическая работа в кредитной организации. – 2013. – № 3. – С. 30–34.

14. Тарасенко О. А. Предпринимательская деятельность платежных агентов / О. А. Тарасенко // Предпринимательское право. – 2013. – № 4. – С. 33–36.

15. Иванов О. М., Данилин К. В. Банковские платежные агенты / О. М. Иванов, К. В. Данилин // КНОРУС: ЦИПСИР; – М. – 2012. – 192 с.

ON THE ISSUE OF IMPLEMENTATION LIABILITY MEASURES FOR BREACHES OF REGULATIONS BY BANK PAYMENT AGENTS (PAYMENT AGGREGATORS)

Brit N.N.

The article discusses relevant legal issues related to inadequate control over the actions of banking payment agents that act as payment aggregators.

The main part of the article states the fact of the spread in law enforcement practice of payment intermediaries, which act as payment aggregators, fail to fulfill the duties of bank payment agents. They do not enter into agency agreements with financial institutions and do not utilize special bank accounts for settling payments with recipients. The author emphasizes the negative socio-economic implications of this situation.

The reason for this issue is due to the lack of sufficient and proportionate legal liability measures provided in the legislation for violations by payment aggregators.

In the final part of the article, conclusions and proposals to eliminate certain gaps in the legal regulation in order to address this issue. It is proposed to use the powers of the mega-regulator to influence credit institutions that service bank accounts of payment aggregators, as well as clarify the norms of administrative offense legislation that provide for liability for the illegal activities of banking payment agents.

Keywords: payment aggregators; bank payment agents; payment intermediaries; the national payment system; supervision of the activities of bank payment agents; settlements; special bank accounts; non-bank payment service providers; liability for violations in the transfer of funds; problems of law enforcement.

УДК 347.918

ДВОЙНАЯ КАССАЦИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Воронов Евгений Николаевич

Доцент, кандидат юридических наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Юго-Западный
государственный университет»,
Курск, Россия

E-mail: envoronov@yandex.ru

SPIN-код (9962-4768)

Дюмина Анастасия Игоревна

Студент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Юго-Западный
государственный университет»,
Курск, Россия

E-mail: anastasiyadumuna@mail.ru

Позднякова Виктория Игоревна

Студент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Юго-Западный
государственный университет»,
Курск, Россия

E-mail: viktoriapozd@mail.ru

В данной статье исследуются современные проблемы, связанные с реализацией института двойной кассации в гражданском процессе. На текущем этапе развития судебной системы этот институт приобретает чрезвычайно важное значение, поскольку обеспечивает единообразие судебной практики и защиту прав участников гражданских правоотношений. Однако введение механизма двойной кассации порождает множество вопросов относительно её эффективности, сроков рассмотрения дел и уровня правовой определённости. Авторы детально анализируют процессуальные и правоприменительные аспекты двойной кассации, уделяя особое внимание проблемам, возникающим при пересмотре судебных актов на кассационной стадии. В заключение статьи представлены рекомендации по совершенствованию законодательства и судебной практики, направленные на устранение

выявленных недостатков, а также на развитие и укрепление института кассации в целом, что должно способствовать повышению эффективности правосудия.

Ключевые слова: гражданский процесс, двойная кассация, судебная практика, правовая определенность, процессуальные нормы, пересмотр судебных актов, защита прав, совершенствование законодательства.

Институт кассации в гражданско-процессуальном производстве представляет особый интерес как с практической, так и с теоретической точки зрения, поскольку чаще других инстанций (производств) подвергался в России изменениям и процессуальным реформам. Так, согласно Федеральному закону от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» кардинальному реформированию подверглась система пересмотра судебных актов в гражданском процессе. Законодателем были внесены изменения организационно-правового и процессуально-правового характера, которые затронули кассационное производство [1, с. 226]. Создание и функционирование новых кассационных судов в системе общей юрисдикции, с закреплением возможности обжалования итоговых судебных решений в порядке сплошной кассации, показало, что участниками судопроизводства данная инстанция в наибольшей степени воспринимается в качестве эффективного процессуального механизма по выявлению и исправлению судебных ошибок [2, с. 25].

Кассация представляет из себя два опосредованных этапа, которые четко определяют круг рассматриваемых вопросов. Первый этап кассационного производства – предварительное проверочное производство, которое начинается с изучения судьей кассационной жалобы, представления, а также материалов гражданского дела, если они были истребованы, и заканчивается вынесением судьей определения об отказе в передаче кассационной жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, если отсутствуют основания для пересмотра судебных постановлений в кассационном порядке, либо вынесением определения о передаче кассационной жалобы, представления с делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции [3, с. 64]. Важно заметить, что на данном этапе наконец отсутствует этап, в границах которого судья выносит решение единолично, без какого-либо извещения лиц и проведения открытого судебного заседания. Ранее вопрос об убедительности доводов решался кулуарно, что вызывало некоторые сомнения относительно прозрачности принимаемых решений. Также изменения затронули и объекты пересмотра. По нововведенным правилам могут поддаться обжалованию вступившие в законную силу судебные акты мировых судей, районных судов, судов субъектов РФ, апелляционных судов общей юрисдикции [4, с. 51]. Стало

абсолютно заметным расширением круга объектов за счет добавления нового звена в эту систему. Второй этап кассационного производства – производство в суде кассационной инстанции, которое может иметь место лишь в случае, если жалоба, представление были переданы на рассмотрение этих инстанций.

Хотя полномочия судов кассационной инстанции в гражданском процессе относительно рассмотрения жалоб остались в основном неизменными, произошло расширение их пределов [9, с. 93].

Кассационная инстанция, как и ранее, осуществляет проверку законности судебных актов, обладает полномочиями по их отмене, изменению или принятию нового решения. Однако теперь сфера проверки законности не ограничивается исключительно процессуальными ошибками и нарушениями. Заявитель получает возможность ссылаться на допущенные нарушения норм материального права, что обуславливает необходимость пересмотра фактических обстоятельств дела и правовых норм, применённых в конкретной ситуации. Кроме того, добавлена важная возможность проверки корректности толкования как материальных, так и процессуальных норм. Таким образом, кассационная инстанция наделена компетенцией пересматривать интерпретацию правовых норм, осуществлённую нижестоящими судами, фактически позволяя оспаривать их правовые позиции [10, с. 98].

Однако, несмотря на важность дуализма кассационного судопроизводства, вопрос о ее целесообразности является дискуссионным и требует детального рассмотрения.

Установленный порядок кассационного обжалования призван обеспечить участникам гражданского судопроизводства дополнительные процессуальные гарантии, позволяющие выявить и исправить ошибки, допущенные судами нижестоящих инстанций [5, с. 15]. Теоретически, усиление процессуального контроля должно способствовать повышению справедливости и законности судебных актов на всех уровнях судебной системы. Однако эмпирический анализ статистических данных показывает, что количество дел, прошедших через предусмотренную предварительную процедуру и рассмотренных «второй» кассационной инстанцией, относительно невелико. Это свидетельствует о слабой процессуальной активности суда, проявляющейся в редких случаях отмены судебных решений посредством кассационного пересмотра высшей судебной инстанцией [6].

В этой связи возникает множество вопросов, касающихся целесообразности и эффективности существования «второй» кассационной инстанции, функции которой выполняет судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС).

Несмотря на теоретическую значимость такого института и его потенциальное влияние на правовую систему, практическое применение выявило ряд проблем. Например, может ли ограниченная активность «второй» кассационной инстанции действительно гарантировать достаточную защиту прав граждан и организаций?

Необходима ли пересмотренная стратегия для улучшения эффективности данных процессуальных механизмов? Эти вопросы требуют глубокого анализа, подразумевающего изучение не только правовых, но и организационных аспектов функции кассации на уровне высшей судебной инстанции. Более того, возникает дискуссия о необходимости реформирования подходов к кассационному пересмотру, чтобы повысить их действенность и актуальность в современных правовых реалиях.

Стоит отметить, что в 2023-м году в Верховный суд поступили 530 жалоб и представлений по гражданским и административным делам: 78 из них вернули, 415 отказались передавать в суд надзорной инстанции. Очевидным является тот факт, что количество дел, рассматривающихся во второй кассации, явно и кратно меньше, чем в общем массиве.

В дополнение к этому утверждению следует мнение А.Г. Халиулина, согласно которому необходимость сохранения второй кассационной инстанции на уровне ВС очевидна и связана с большим количеством судебных ошибок, допускаемых нижестоящими судами.

Согласно статистике, которую Верховный суд опубликовал в августе, за первую половину 2022 года коллегия по гражданским делам рассмотрела 31 733 жалобы и представления. До судебного заседания при этом дошло только 328 гражданских дела [7, с. 35]. Похожее соотношение наблюдалось и по итогам 2021 года.

Действительно, стремлением к обеспечению судебной защиты и исправлению возможных ошибок, приводится потребность в устранении ошибок, имеющих место в судебных решениях, вступивших в законную силу, что является основной причиной в сохранении двухуровневой системы кассационного обжалования в российском судопроизводстве [8, с. 84].

Данный вопрос приобретает более острое восприятие при условии существования в нашей стране надзорной инстанции, признаваемой в качестве экстраординарной, то есть исключительной. В связи с этим заслуживающей внимания представляется позиция, согласно которой считается возможной передача полномочий по кассационному обжалованию итоговых решений судов субъектов в кассационные суды общей юрисдикции, и устранение повторной кассации.

Разделяя подобную точку зрения, считаем допустимым отказ законодателя от двухуровневой системы проверки судебных решений в кассационном порядке, в результате которого целесообразным будет сохранение процессуальной возможности проверки судебных решений в кассационном порядке лишь на уровне кассационных судов общей юрисдикции, с исключением кассационной инстанции в Верховном Суде и, как следствие, – одновременным усилением роли надзорной инстанции.

Необходимо указать на исключение в принципе коллегиальности кассационного производства. Так, единоличное рассмотрение дел кассационным судом общей юрисдикции, предусмотрено ч.10 ст.379.5 ГПК РФ, согласно которой «Кассационные жалоба, представление на вступившие в законную силу судебные приказы, решения мировых

судей и апелляционные определения районных судов, определения мировых судей, районных судов, гарнизонных военных судов и вынесенные по результатам их обжалования определения, решения и определения судов первой и апелляционной инстанций, принятые по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, рассматриваются в суде кассационной инстанции судьей единолично без проведения судебного заседания. Иногда кассационные суды выходят за пределы полномочий и рассматривают единолично по категориям дел, не предусмотренных вышеуказанной нормой. Приведем пример из практики.

Так, судьей Второго кассационного суда общей юрисдикции при рассмотрении кассационной жалобы ООО "Чистый Плюс" на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Владимирского областного суда от 25 апреля 2019 г., принятое по апелляционной жалобе Желудева С.В. на заочное решение Ленинского районного суда г. Владимира от 22 мая 2018 г., неправильно применены нормы части 10 статьи 379.5 ГПК РФ, тем самым нарушены положения Конституции Российской Федерации, гарантирующие право каждого на судебную защиту и на рассмотрение дела законным судом, а также взаимосвязанные с ними положения гражданского процессуального закона, регулирующие порядок рассмотрения кассационных жалоб на вступившие в законную силу судебные постановления.

Из материалов дела следует, что оно было рассмотрено судом первой инстанции в порядке заочного производства, по делу принято заочное решение, по результатам обжалования которого судом апелляционной инстанции вынесено апелляционное определение. Эти судебные постановления не относятся к решениям и определениям судов первой и апелляционной инстанций, принятым по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, и не поименованы в приведенном в части 10 статьи 379.5 ГПК РФ исчерпывающем перечне судебных постановлений, кассационные жалобы на которые рассматриваются в суде кассационной инстанции судьей единолично без проведения судебного заседания.

Таким образом, кассационное производство является неотъемлемой и практически завершающей частью процедуры сплошного судебного разбирательства с правом на обжалование судебных постановлений нижестоящих судов. Большое количество дел, рассматриваемых в кассационном порядке, а также их возврат на новое рассмотрение является свидетельством действующего механизма пересмотра судебных решений (постановлений) путем устранения ошибок, допущенных на ранних стадиях судебных разбирательств. При этом возвращение дела на новое рассмотрение должно «восприниматься нижестоящим судом именно как рекомендация, а не как указание обязательного характера». Суды максимально беспристрастно, с учетом рекомендаций суда кассационной инстанции, должны выносить постановления. Иначе эффективность осуществления правосудия посредством применения кассационного производства будет ничтожно мала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ершов, Н. Н. Модель двойной кассации в современном гражданском процессе: проблемы и перспективы / Н. Н. Ершов, А. В. Михин, А. М. Хужин // Четвертый конгресс цивилистов правоохранительных органов : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Нижний Новгород – Барнаул, 24–25 марта 2022 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2022. – С. 225-230.
2. Князькин, С. И. Правовая природа двойных проверочных судебных инстанций в цивилистическом процессе / С. И. Князькин // Российское правосудие. – 2017. – № 6(134). – С. 24-30.
3. Пошивайлова, А. В. Авторское предложение построения судебной власти в России и российского цивилистического процесса / А. В. Пошивайлова // Всероссийский научный журнал "Вопросы права". – 2022. – № 4. – С. 63-66.
4. Рехтина, И. В. Гражданское процессуальное законодательство Российской Федерации в механизме обеспечения режима правовой определенности / И. В. Рехтина // Наука и технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 10 ноября 2020 года. – Нижний Новгород: Профессиональная наука, 2020. – С. 44-60.
5. Ковтун, Н. Н. О сути и назначении самобытной российской кассации: позиции закона, доктрины и практики / Н. Н. Ковтун // Мировой судья. – 2020. – № 11. – С. 11-17.
6. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде в первом полугодии 2020 г. административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. URL: <https://fparf.ru/practical-information/statistics/obzor-statisticheskikh-dannykh-o-rassmotrenii-v-verkhovnom-sude-1f-v-pervom-polugodii-2020-g-adminis/> (дата обращения: 12.10.2024).
7. Бобров, В. К. Новая кассация: какая она / В. К. Бобров // Мировой судья. – 2020. – № 6. – С. 32-40
8. Кудрявцева, А. В. Производство в суде кассационной инстанции: особенности нового правового регулирования / А. В. Кудрявцева, Д. Г. Дик, М. С. Спиридонов // Уголовное право. – 2019. – № 1. – С. 83-88.
9. Исаенко, Е. А. Проблема двойной кассации после упразднения Высшего арбитражного суда РФ / Е. А. Исаенко, Т. В. Банникова, Е. В. Воронцова // ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ науки и ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ и ПЕРСПЕКТИВЫ : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 01 марта 2016 года / Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. Том 3. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2016. – С. 93-96.

10. Душа, В. В. Эффективность производств в апелляционной и кассационной инстанциях судов общей юрисдикции / В. В. Душа // Юридическая наука. – 2021. – № 5. – С. 98-102.

**DOUBLE CASSATION IN CIVIL PROCEEDINGS:
PROBLEMS OF IMPLEMENTATION.**

Voronov E.N., Dyumina A.I., Pozdnyakova V.I.

This article discusses the current problems of the implementation of double cassation in civil proceedings. At the present stage of the development of the judicial system, the institution of cassation plays a key role in ensuring the uniformity of judicial practice and the protection of the rights of participants in civil relations. However, the introduction of double cassation raises many questions regarding its effectiveness, the timing of the consideration of cases and legal certainty. The author analyzes the procedural and law enforcement aspects of double cassation, paying special attention to the problems that arise when reviewing judicial acts at the cassation stage. The article suggests ways to improve legislation and practice aimed at eliminating the identified shortcomings, as well as at developing the institution of cassation in general.

Keywords: civil procedure, double cassation, judicial practice, legal certainty, procedural norms, revision of judicial acts, protection of rights, improvement of legislation.

УДК 347.9

РОЛЬ СУДА В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРИНЦИПОВ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Клепикова Ольга Геннадьевна

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени
С.А.Есенина»,
г. Рязань, Россия

E-mail: o.klepikova@365.rsu.edu.ru

SPIN-код: 8996-9186

В статье рассматриваются проблемы, связанные с качеством правосудия, сроками судопроизводства, ролью судебного руководства в рамках арбитражного судопроизводства. Автор настаивает на том, что для гражданина при реализации права судебной защиты в рамках арбитражного судопроизводства продолжает существовать множество правовых неопределенностей, поскольку арбитражное процессуальное законодательство ранее не учитывало конституционно-правовой статус личности, так как гражданин не являлся полноправным участником арбитражного процесса. Для поиска и выявления оптимальных способов эффективного обеспечения судебной защиты в целях правильного и своевременного разрешения спора выявляется роль арбитражного суда через призму цивилистических принципов диспозитивности, состязательности и судебного руководства. Автор полагает, что является актуальным обсуждение роли суда при отправлении правосудия, так как судебное руководство в арбитражном судопроизводстве при применении принципов цивилистического процесса с учетом конституционно-правового статуса личности является необходимым условием оправления правосудия, поскольку арбитражным процессуальным законодательством не предусмотрены все нюансы, сопровождающие рассмотрение дела гражданина в арбитражном суде.

Ключевые слова: арбитражное судопроизводство, судебное руководство, обеспечение эффективной судебной защиты, принципы цивилистического процесса.

Конституционализация арбитражного процесса осуществилась внесением в положения части 2 статьи 118 Конституции Российской Федерации как самостоятельного вида судопроизводства, что было очевидным и предполагаемым событием с момента введения в правовую систему института банкротства граждан и отнесения по подсудности данных дел арбитражному суду.

Ввиду того, что конституция является правовым актом, регулирующим основы организации государства и взаимоотношения государства и гражданина, а гражданин стал полноправным участником арбитражного судебного процесса после передачи дел о банкротстве физических лиц к подсудности арбитражного суда, возникла необходимость приведения всех видов судебных процессов, в которых участвует гражданин, к единым принципам и порядку при реализации права судебной защиты.

Например, для эффективного обеспечения права судебной защиты были созданы кассационные суды общей юрисдикции, позволившие сделать сплошной стадией кассационного обжалования как в арбитражном процессе, то есть поданная в соответствии с требованиями, установленными в законе, кассационная жалоба теперь рассматривается судом кассационной инстанции, а не как ранее использовалась выборочная кассация, когда судья принимал решение при ознакомлении с кассационной жалобой о необходимости передачи жалобы для рассмотрения в судебном заседании или об отказе в такой передаче жалобы.

Однако, осталось и множество правовых пробелов, неопределенностей и проблем в рамках арбитражного судопроизводства для гражданина при реализации права судебной защиты. Так, ряд авторов рассматривали особенности применения принципа гласности в арбитражном судопроизводстве, при которых происходит ограничение прав граждан, не предусмотренные в других видах судопроизводств [1], в нарушение общепризнанного принципа обеспечения конфиденциальности по делам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетнего, в сети Интернет публикуются судебные акты арбитражного суда в полном объеме и без изъятий, которые предусмотрены в других видах судопроизводств в отношении несовершеннолетних [2] и другие [3,4].

Устоявшимся в качестве основной проблемы эффективности правосудия считается необходимость выявления и устранения судебных ошибок, поскольку в процессуальных кодексах основанием для отмены, изменения судебного решения является выявление ошибок в установлении фактов и применении норм права. При этом задачей цивилистического процесса является правильное и своевременное разрешение спора, справедливое судебное разбирательство в разумный срок, то есть длительность рассмотрения и разрешения гражданского дела должна быть наименьшей, чтобы мы могли признать правосудие эффективным.

Одновременно с этим при определении эффективности судебной защиты рассматривается вопрос о целях и о задачах цивилистического

процесса, поскольку некоторые практики исходят из того, что целью судебного разбирательства является только разрешение спора, другие считают, что защита нарушенного права. Так как в вынесении правильных судебных решений выражен публичный интерес, обязанность суда разобраться в деле, вынести правильное решение таким образом, чтобы не возникло никаких новых процессов по этому поводу. Назначение цивилистического процесса не только проверка правильности утверждений истца, но и защита прав граждан. Поэтому суд не может быть пассивным ни при каких обстоятельствах, это его обязанность – разобраться в деле, вынести правильное решение таким образом, чтобы не возникло никаких новых процессов по этому поводу. Разрешение судом спора должно урегулировать конфликтную ситуацию сторон, а не породить правовую неопределенность в правоотношениях участников гражданского оборота и приводить к новым судебным процессам.

Так исследование судебной практики арбитражного суда позволяет выявить роль суда, активности суда через призму цивилистических принципов диспозитивности, состязательности и судебного руководства.

В определении Арбитражного суда Рязанской области по делу А54-5488/2019 от 27 июля 2020 года об оставлении заявления (ходатайства) без движения при рассмотрении заявления должника об исключении из конкурсной массы денежных средств в размере величины прожиточного минимума на содержание несовершеннолетних детей, арбитражный суд обязал должника предоставить «правовое обоснование исключения из конкурсной массы должника денежных средств в размере прожиточного минимума на несовершеннолетних детей в полном объеме с учетом наличия обязанности обоих родителей по содержанию детей» [5]. Из анализа данного судебного акта следует, что арбитражный суд на стадии разрешения вопроса о принятии заявления должника к своему производству проявляет активность и выносит на обсуждение правовые вопросы, арбитражный суд еще на самой начальной стадии сообщает заявителю о своём видении разрешения спора, но при этом нарушает принцип диспозитивности, который выражается свободой распоряжения объектом процесса и процессуальными средствами защиты. Действующее процессуальное законодательство признает свободу в инициировании процесса (статья 4 АПК РФ). Кроме того, такое сообщение арбитражным судом заявителю о своём видении разрешения спора на стадии принятия заявления к производству может нарушить и принцип состязательности, так как не является содействием в указании на пробел в представленных доказательствах. В силу положений части 3 статьи 9 АПК РФ суд разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения ими процессуальных действий. При этом от процессуальных действий суда и участников процесса в сфере доказывания зависит не только результат рассмотрения и разрешения дела, но и сроки рассмотрения дела. Согласно положениям части 2

статьи 65 АПК РФ именно суд определяет предмет доказывания по делу. Соответственно, несвоевременное определение соответствующих обстоятельств или не определение предмета доказывания напрямую влияет на срок рассмотрения дела. В данном рассматриваемом случае арбитражный суд после принятия заявления должника об исключении из конкурсной массы денежных средств на содержание несовершеннолетних детей к производству, вынес решение спустя пять месяцев, отказав в удовлетворении требования должника о выдаче из конкурсной массы на содержание несовершеннолетнего денежных средств в размере величины прожиточного минимума, указав на применение части 1 статьи 9, части 1 статьи 65 АПК РФ, а также на непредоставление документальных доказательств оснований для освобождения второго родителя несовершеннолетнего ребенка должника от обязанности по его финансовому содержанию, доказательств истребования исполнения данной обязанности в принудительном порядке, а также наличия соглашения о содержании несовершеннолетнего ребенка в соответствии с главой 16 СК РФ [6]. Активная роль арбитражного суда в вынесении на обсуждение правовых вопросов, сообщение о своём видении разрешения спора при принятии заявления к производству, фактически привела к нарушению указанных принципов диспозитивности, состязательности, увеличению сроков рассмотрения такой категории заявлений об исключении имущества из конкурсной массы должника на содержание лиц, находящихся на его иждивении, поскольку нарушивший право должника финансовый управляющий не участвовал в состязательности, его как бы подменил арбитражный суд, активно руководствуя цивилистическим процессом.

В дальнейшем на судебную ошибку арбитражного суда по данному делу о незаконности требования к заявителю о предоставлении доказательств неисполнения вторым родителем обязанностей по содержанию ребенка при определении вопроса об исключении денежных средств на содержание ребенка из конкурсной массы должника указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 14 апреля 2022 № 15-П [7], судебный акт арбитражного суда был пересмотрен 17 июня 2022 года на основании решения органа конституционного контроля [8].

Исследуя данное дело, мы пришли к выводу о том, что активная роль арбитражного суда как в формальной стороне процесса (обеспечение правомерности, последовательности и сроков рассмотрения), так и в юридической стороне процесса (установление истины), привела к ошибке, судебную защиту и восстановление нарушенных прав гражданин получил лишь спустя один год и десять месяцев, обратившись к органу конституционного контроля, что не может признаваться эффективным обеспечением судебной защиты в разумные сроки в рамках арбитражного судопроизводства.

Рассматривая уже другой обособленный спор в рамках дела о банкротстве, мы можем констатировать, что арбитражный процесс нуждается в корректировках, поиске процессуально-правовых инструментов для уменьшения сроков рассмотрения спора, в котором

участвует гражданин. Судейское руководство процессом должно быть направлено на решение задач арбитражного судопроизводства (статья 2 АПК), в том числе на справедливое судебное разбирательство в разумные сроки. Так, определением Арбитражного суда Рязанской области от 27 июля 2021 года по делу №А5488/2019 заявление финансового управляющего об оспаривании сделки должника гражданина принято к производству суда, а рассмотрено только 11 апреля 2022 года [9], то есть спустя 9 месяцев и только после подачи заявления об ускорении рассмотрения спора.

В соответствии с положениями статьи 152 АПК РФ установлен единый срок рассмотрения дел – шесть месяцев со дня поступления заявления в арбитражный суд. Однако, необходимо внесение корректировки, уточнений в арбитражное законодательство относительно сроков рассмотрения спора, когда рассматриваются сделки должника-гражданина, потому что процедура банкротства продляется на срок рассмотрения спора, а также на срок обжалования судебного акта по результатам рассмотрения спора об оспаривании сделки. Длительное нахождение гражданина в процедуре банкротства не отвечает эффективности судебной защиты, а также решению задач арбитражного судопроизводства (статья 2 АПК РФ). Согласно сведениям информационной системы «Картотека арбитражных дел» по исследуемому нами делу А54-5488/2019, гражданин уже находится в процедуре банкротства пять лет и три месяца, при этом за этот срок нахождения дела в производстве арбитражного суда имел только один обособленный спор об оспаривании сделки должника. так как общий срок рассмотрения дела в арбитражном процессе шесть месяцев (статья 152 АПК РФ).

Полагаем, что в рамках арбитражного судопроизводства до сих пор имеется ряд неразрешенных теоретических проблем о роли арбитражного суда для обеспечения права справедливого судебного разбирательства в разумные сроки, обеспечения эффективного права судебной защиты для граждан, поскольку арбитражное процессуальное законодательство ранее не учитывало конституционно-правовой статус личности.

Судебное усмотрение, судебное руководство в арбитражном судопроизводстве – это необходимое условие нормального функционирования арбитражного суда, поскольку не только невозможно заранее предусмотреть в законе все нюансы, сопровождающие рассмотрение дела в суде, но и необходимо учитывать принципы цивилистического процесса, конституционно-правовой статус личности для отправления эффективного правосудия.

В настоящее время при решении соответствующих вопросов законодатель идет путем проб и ошибок, поскольку в арбитражное процессуальное законодательство осталось невнесенным множество изменений с учетом конституционно-правового статуса личности, а арбитражный суд осуществлять руководство процессом с учетом цивилистических принципов, закрепленных в Конституции РФ, без соответствующих изменений в законе, не желает, поскольку привык

работать в своеобразных экономических процедурах, процессе, не затрагивающих права и законные интересы граждан, не имеющий социального аспекта.

Например, арбитражный суд размещает в информационной системе «КАД» судебные акты, содержащие сведения частной жизни граждан, которые не проходят процедуру банкротства, в том числе персональные данные несовершеннолетних детей, номера их свидетельств о рождении, с указанием сведений о матери и об отце ребенка, даты рождения ребенка. Так, в определении Арбитражного суда Рязанской области от 11 апреля 2022 года по делу №А54-5488/2019 (абзац 2 страница 12), в определении Арбитражного суда Рязанской области от 21 мая 2021 года по делу №А54-6465/2018 (предпоследний абзац страницы 8) разглашены сведения о родителях несовершеннолетнего [9, 10].

Законной цели и необходимости в разглашении персональных сведений несовершеннолетнего у арбитражного суда нет, поэтому при опубликовании текста судебного акта, арбитражный суд мог защитить права несовершеннолетнего и не распространять личные сведения о нем в сети интернет, руководствуясь конституционными принципами судопроизводства. Однако, делать этого не стал, поскольку законодателем не проработаны такие вопросы для арбитражного судопроизводства, а арбитражный суд не осознал, что осуществляет правосудие в отношении граждан, которым гарантировано Конституцией РФ правовое положение в обществе и государстве.

Полагаем, что для совершенствования арбитражного судопроизводства необходимо также рассмотреть категорию социального процесса, когда ошибка заявителя не должна повлечь проигрыш им дела, в случае, когда затрагиваются социальные права человека. Целью банкротства физических лиц является реабилитация добросовестного гражданина при максимальном удовлетворении требований кредиторов, при этом в рамках дела о банкротстве некоторые обособленные споры (непрофессиональные процессы) имеют социальный аспект. Например, в спорах, когда затрагиваются права несовершеннолетних или иных лиц, находящихся на иждивении должника, об исключении денежных средств из конкурсной массы должника на содержание или на лекарственные средства. В таких социальных спорах состязательный процесс должен выражаться в предоставлении фактов, а арбитражному суду надлежит самостоятельно устанавливать подлежащие применению в конкретном случае нормы права. Так, в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.10.2024 года по делу А56-117243/2022 указано: «Ссылка истца на положения закона не может предопределять выводы суда, который обязан самостоятельно установить подлежащие применению в конкретном случае нормы права и произвести квалификацию правоотношений» (абзац 4 страницы 9) [11]. Иными словами, исходя из предназначения социального государства, ошибки гражданина в ссылке на нормы права не могут

стать сами по себе основанием для отказа в защите нарушенного права, если само требование правомерно.

В российской процессуальной науке рассматривались учения о роли суда в гражданском деле, и суд традиционно признавался активным субъектом. Можно назвать исследования Васьковского Е.В., выделившего принцип судейского руководства в качестве самостоятельного принципа [12], работы Лукьяновой Е. Г., рассматривающую судейское руководство как функцию цивилистического процесса [13], а также ряд авторов изучали роль суда в цивилистическом процессе в рамках других принципов [14, 15].

Таким образом, вопросы о роли суда для обеспечения эффективного правосудия всегда находились в фокусе внимания, поэтому является актуальным обсуждение тех инструментов, теоретических разработок активности суда, которые были исследованы и выявлены для реализации права судебной защиты граждан для того, чтобы оказать воздействие на совершенствование арбитражного процессуального законодательства и обеспечение конституционно-правового статуса личности в рамках арбитражного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клепикова О.Г. Конституционные основы защиты прав гражданина при реализации принципа гласности в арбитражном судопроизводстве // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 127-130.

2. Клепикова О.Г. Правовые основы защиты права несовершеннолетнего на конфиденциальность в арбитражном судопроизводстве // Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции «Новеллы права, экономики и управления 2022». Том 1. Из-во: ГИЭФПТ (Гатчина), 2023 г. С. 88-91.

3. Клепикова О.Г., Кошкина И.Г. Нарушение прав несовершеннолетнего при реализации принципа гласности в арбитражном судопроизводстве // Сборник материалов конференции «Детство – территория безопасности». Из-во «Саратовский источник» (Саратов), 2022 г. С. 55-58.

4. Клепикова О.Г., Ерошина Е.В. Проблема отсутствия дифференцирования размера государственной пошлины в арбитражном судопроизводстве для физических лиц при рассмотрении спора о недействительности сделки // Налоговая политика и практика. 2021. №11. С. 76-80.

5. Определение Арбитражного суда Рязанской области от 27 июля 2020 года по делу №А54-5488/2019 // Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/76eb9f60-a9ce-477d-9e26-728eaa7c9d72/3cb512d4-6c1c-45b5-ab4e-000e4814ce30/A54-5488-2019_20200727_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.10.2024).

6. Определение Арбитражного суда Рязанской области от 23 декабря 2020 года по делу №А54-5488/2019 // Инф. система «Картотека

арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/76eb9f60-a9ce-477d-9e26-728eaa7c9d72/90be5eба-8d00-4180-9b77-9a9551340db8/A54-5488-2019_20201223_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.10.2024).

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.04.2022 г. № 15-П // Официальная страница (сайт) Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision601029.pdf> (дата обращения: 11.10.2024).

8. Определение Арбитражного суда Рязанской области от 17 июня 2022 года по делу №А54-5488/2019 // Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/76eb9f60-a9ce-477d-9e26-728eaa7c9d72/fdfceedd-f983-42b4-bb16-ea5a8e670db6/A54-5488-2019_20220617_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.10.2024).

9. Определение Арбитражного суда Рязанской области от 11 апреля 2022 года по делу №А54-5488/2019 // Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/76eb9f60-a9ce-477d-9e26-728eaa7c9d72/c36a2fc6-886e-477c-8c37-c09a49669790/A54-5488-2019_20220411_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.10.2024).

10. Определение Арбитражного суда Рязанской области от 21 мая 2021 года по делу № А54-6465/2018// Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cc1bf5fo-a96a-45b9-a5a2-2fbb1a153874/0a7defa3-ee9d-40e2-aco5-9c07dfe73314/A54-6465-2018_20210521_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.10.2024).

11. Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.10.2024 года по делу А56-117243/2022 // Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/o1678cd3-6a4e-4caa-99bo-9bce066cf959/066afc83-f66d-4ffd-a687-bf8107239dff/A56-117243-2022_20241001_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.10.2024).

12. Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. С. 352–353.

13. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М., 2003. С. 102.

14. Жуйков В.Б. Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве// Российская юстиция. 2003. №6. С. 14.

15. Филиппов С. А., Цепкова Т. М. Активность суда и диспозитивность сторон в гражданском процессе // «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». Материалы X

Международной научно-практической конференции. Тольятти: Изд-во Волжск, ун-та им. В. Н. Татищева, 2013, Ч. II. С. 202–208.

THE ROLE OF THE COURT IN ARBITRATION PROCEEDINGS THROUGH THE PRINCIPLES OF CIVILISTIC PROCEEDINGS

Klepikova O.G.

The article examines the issues related to the quality of justice, the timing of proceedings, and the role of judicial guidance in arbitration proceedings. The author insists that there continue to be many legal uncertainties for a citizen when exercising the right to judicial protection in arbitration proceedings, since arbitration procedural legislation previously did not take into account the constitutional and legal status of an individual, since a citizen was not a full participant in the arbitration process. In order to find and identify optimal ways to effectively ensure judicial protection for the purpose of correct and timely resolution of a dispute, the role of the arbitration court is revealed through the prism of the civilistic principles of discretion, adversarial nature and judicial guidance. The author believes that it is relevant to discuss the role of the court in the administration of justice, since judicial guidance in arbitration proceedings when applying the principles of the civilistic process, taking into account the constitutional and legal status of an individual, is a necessary condition for the administration of justice, since arbitration procedural legislation does not provide for all the nuances accompanying the consideration of a citizen's case in an arbitration court.

Keywords: arbitration proceedings, judicial guidance, ensuring effective judicial protection, principles of civil procedure.

УДК 347.252

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ В НЕЖИЛЫЕ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ РЕГИОНОВ)

Пшениснов Артем Николаевич

Студент,

Сочинский филиал федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования

«Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», Сочи, Россия

E-mail: i@a1711.ru

В последние три года практика применения норм жилищного и градостроительного законодательства выявила проблему: в отдельных регионах России в каждом случае перевода квартиры в нежилое помещение органы местной власти требуют согласие всех собственников многоквартирного дома. Однако, согласно установленной практике, не всегда такое согласие необходимо, поскольку не во всех случаях происходит уменьшение общего имущества многоквартирного дома.

Автором выявляются причины и предпосылки изменения позиции местных органов власти и судов, а также исследуются основы правового регулирования на федеральном и региональном уровнях, лежащие в основе таких решений. Исследуется противоречивый опыт регионов, явившийся следствием такой правовой коллизии. На примере Краснодарского края выявляются препятствия для предпринимателей региона, которые из-за недостаточного правового регулирования не могут представить подтверждающие доказательства отсутствия признаков присоединения общего имущества многоквартирного дома в межведомственную комиссию.

По результатам проведенного исследования предлагаются варианты решения существующих проблем с учетом успешного опыта местного регулирования порядка предоставления данной муниципальной услуги в городе Москве.

Ключевые слова: перевод жилого помещения в нежилое, многоквартирный дом, реконструкция, перепланировка, переустройство, присоединение общего имущества, Краснодарский край, администрация, судебная практика, законопроект, статья 40 Жилищного кодекса Российской Федерации.

Как отмечается в литературе, «для осуществления предпринимательской деятельности наиболее выгодно и удобно использовать помещения, которые располагаются в жилых домах на первых этажах, а не арендовать дорогостоящие офисы в бизнес-центрах» [1, С. 61]. Чтобы эта деятельность имела правовой характер, необходимо соответствующее помещение перевести из жилого фонда в нежилой.

Проблема перевода жилых помещений в нежилые становится все более актуальной в условиях экономической нестабильности и необходимости адаптации бизнеса к новым реалиям. В крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, где спрос на коммерческие площади высокий, местные органы власти сталкиваются с большим количеством обращений собственников жилых помещений на перевод в нежилые. Однако из-за сложных бюрократических процедур и противоречий в законодательстве предприниматели часто получают отказ, что становится серьезным барьером для развития их бизнеса.

К примеру, в настоящее время в Краснодарском крае остро стоит необходимость разрешить многолетнюю проблему перевода квартиры из жилого помещения в нежилое. Более 1500 предпринимателей региона ежегодно сталкиваются с проблемой отказа в переводе, что дестабилизирует развитие малого бизнеса. Эта ситуация затрагивает не только Краснодарский край, но и многие другие регионы России, где предприниматели испытывают схожие трудности.

Проблема усугубляется тем, что многочисленные обращения с инициативой к местным властям не приносят результата. Так, за последние 3 года правозащитные объединения в защиту интересов предпринимателей обращались в Городскую Думу Краснодара, администрацию муниципального образования г. Краснодара, районную прокуратуру, региональную общественную приемную Председателя Партии «Единая Россия» Д.А. Медведева, к представителям Законодательного Собрания Краснодарского края, Уполномоченному по правам предпринимателей г. Краснодара, а также приняли участие в приеме Секретаря Краснодарского местного отделения Партии «Единая Россия» Д.А. Медведева г. Краснодара Дорошева А.А. и депутата Государственной Думы Первышова Е.А. Органы местной власти, действуя в рамках имеющихся норм законодательства, часто игнорируют ту очевидность, что каждый случай перевода требует тщательного и индивидуального рассмотрения. Применение общих понятий в данной сфере вопреки нормам жилищного законодательства не учитывает специфику каждого отдельного обращения и

необходимости применения специальных знаний в области градостроительства и жилищного законодательства.

Отказ в переводе помещений приводит к негативным последствиям для рынка недвижимости. Собственники помещений, не имея возможности легально превратить свою квартиру в коммерческое помещение, находят себя в ситуации, ухудшающей финансовое положение владельцев, поскольку многие из них вынуждены поддерживать недвижимость, не получая от нее прибыли.

Сложные процедуры перевода также обостряют социальную напряженность. В условиях высокой конкуренции на рынке многие малые и средние предприятия вынуждены искать легкие пути обхода законодательства, что порождает коррупцию и увеличивает риск правовых споров. Часто предприниматели сталкиваются не только с отказами, но и с завышенными требованиями со стороны местных властей, что приводит к дополнительным расходам на юридическое сопровождение.

Отсутствие единого государственного подхода к регулированию этих вопросов затрудняет жизнь не только предпринимателям, но и государственным служащим, которые часто оказываются в ситуации, когда они не могут помочь именно из-за неопределенностей правового регулирования и разнообразной судебной практики на этот счет.

Таким образом, необходимость упрощения процесса перевода жилых помещений в нежилые становится всё более актуальной для многих регионов России.

Согласно сложившейся практике, межведомственная комиссия администрации муниципального образования г. Краснодар по использованию жилищного фонда незаконно в каждом случае перевода квартиры в нежилое помещение требует согласие всех собственников многоквартирного дома.

Как установлено законодательством, уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме возможно только с согласия всех собственников помещений в данном доме путем его реконструкции (часть 3 статьи 36 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ)).

Однако далеко не в каждом случае происходит уменьшение общего имущества многоквартирного дома, при котором необходимо согласие всех собственников.

При этом до 2021 года практика формировалась так, что несмотря на отказ администрации, суды удовлетворяли требования об устранении нарушений прав, выразившихся в отказе согласования перевода жилого помещения в нежилое.

Так, Прикубанским районным судом г. Краснодара удовлетворены исковые требования Бурмистровой Л.В. к Заугольникову А.А., Мигуновой С.В. (собственникам смежных помещений) об устранении нарушений прав, выразившихся в отказе согласования перевода квартиры, признании согласованным перевод квартиры в нежилое помещение. Суд, удовлетворяя требований истца, принял во внимание факт наличия согласия остальных собственников помещений [2].

Таким образом, ранее отсутствие согласия всех собственников не являлось основанием для отказа в удовлетворении подобных требований при условии направления истцом обращения в их адрес и неполучении своевременного ответа.

Кроме того, администрация согласовывала перевод жилых помещений в нежилое при условии соблюдения норм жилищного законодательства.

Однако начиная с января 2021 года администрация стала отказывать в переводе жилых помещений в нежилое, ссылаясь на наличие судебной практики, а именно кассационного определения судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.2021 по делу №18-КАД20-28-К4, кассационных определений судебной коллегии по административным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15.12.2020 по делам №88а-28140/2020, №8а-23286/2020 (88а-247915/2020) по спорам, связанным с предоставлением муниципальных услуг по переводу жилого помещения – квартиры в нежилое помещение, согласованию перепланировки и переустройства помещения, в части необходимости согласия всех собственников помещений в многоквартирном доме, не истребование которого влечет несоблюдение требований ЖК РФ.

В основу данных решений легли, в частности, следующие нормы жилищного и градостроительного законодательства: п. 14 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации, ч. 2, 3 ст. 36 ЖК РФ, ч. 2 статьи 44 ЖК РФ.

В этих решениях судами определено, что оборудование отдельного входа в помещение собственника путем производства работ по устройству входной группы на части земельного участка, являющегося общим имуществом собственников помещений многоквартирного дома, и разрушение части внешней стены многоквартирного дома, являющейся ограждающей несущей конструкцией дома, влекут изменение размера общего имущества собственников помещений многоквартирного дома.

Однако преюдициальное значение для администрации должен иметь также факт того, что в рассматриваемом судами случае речь шла об устройстве входной группы на цокольном этаже, что влекло изменение фундамента и, соответственно, конфигурации здания многоквартирного дома, а оборудование крыльца с лестничным маршем (входной группы, примыкающей к внешней стене дома) с использованием придомовой территории было сопряжено с изменением объекта и режима пользования частью земельного участка, на котором расположен многоквартирный жилой дом. При устройстве входной группы предусмотрен демонтаж оконных блоков, вырезание подоконной части наружной стены, что, безусловно, затрагивало часть несущих конструкций, поэтому было расценено как реконструкция. Суд, указав на частичное изменение фундамента, учитывал расположение нежилого помещения в цокольном этаже дома [3].

После проигранного администрацией дела, местные органы власти взяли за основу это решение, однако стали применять его не только для аналогичных случаев, в которых имеет место быть реконструкция помещений на цокольных этажах, но и для случаев устройства легковозводимых конструкций в помещениях первых этажей.

Так, истец Линская С.В. обратилась в Прикубанский районный суд города Краснодара, указав, что является собственником квартиры на первом этаже площадью 59,3 кв.м. Квартира истца по вышеуказанному адресу приобреталась с целью её перевода из жилого помещения в нежилое и размещения в ней социально значимых объектов. Ответчик Чернецкая Е.В., а также ее несовершеннолетние дети Саурин Е.А. и Саурин М.А. являются собственниками квартиры, расположенной на втором этаже вышеуказанного многоквартирного дома. Поскольку жилое помещение, принадлежащее ответчикам, является смежным, истцу необходимо получить от них письменное согласие на перевод жилого помещения в нежилое. Остальные собственники смежных помещений дали свое письменное согласие. С этой целью истцом было направлено ответчику письменное обращение с приложенным бланком согласования, однако в срок, установленный в обращении, истец ответа не получила, в связи с чем, считает необходимым обратиться в суд за защитой своих прав с иском к ответчикам об устранении нарушений.

Доводы стороны истца о том, что решением общего собрания собственников многоквартирного дома согласован перевод жилого помещения в нежилое не приняты судом во внимание, поскольку за перевод квартиры в нежилое помещение проголосовало 37,6% голосов от общего количества голосов собственников подъезда, в котором расположено спорное помещение, против 27,3%, воздержались 11,7%, то есть другие собственники квартир также возражали против перевода квартиры в нежилое помещение [4].

Наблюдается абсолютное сходство обстоятельств данного дела с вышеизложенным примером гражданского дела №2-4284/2021 по иску Бурмистровой Л.В., где истцу удалось удовлетворить требования об устранении нарушений. Также, как в случае с Бурмистровой Л.В., Линская С.В. столкнулась с отсутствием согласия всех собственников из-за нереагирования на их обращения. Тем не менее Прикубанский районный суд г. Краснодара принял противоположное решение.

Очевидно, что суд допустил ошибку в оценке работ по переустройству помещения как реконструкции. Кроме того, неправильно была оценена позиция воздержавшихся путем приравнивания к возражавшим.

Несмотря на это определением вышестоящей инстанции решение Прикубанского районного суда города Краснодара оставлено без изменения, жалоба Линской С.В. – без удовлетворения [5].

В рамках другого дела Алейникова А.Е. обратилась в суд с иском к Решетниковой С.В., Чекмазовой Н.В., Канавиной Т.В. и др. об устранении препятствий в пользовании жилым помещением путем дачи согласия на перевод помещения в нежилое. Квартира, находящаяся в собственности

истца, не используется для проживания, ввиду чего истцом принято решение произвести в квартире перепланировку и перевести помещения в нежилые. Со слов истца, ответчики препятствуют в переводе спорной квартиры, согласие на перевод квартиры не дают, чем нарушают ее права. В связи с этим просила обязать ответчиков устранить препятствия в пользовании помещением путем согласования перепланировки и перевода.

Со ссылками на ч. 14 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации; ч. 3 ст. 36, ч. 2 ст. 40, п. 1 ч. 2 ст. 44 ЖК РФ; ч. 2 ст. 62 Земельного кодекса Российской Федерации; п. 10 Правил содержания общего имущества в многоквартирном жилом доме, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.2006 года № 491, суд отказал в удовлетворении исковых требований.

Позиция суда сведена к тому, что видоизменение облика фасада многоквартирного дома путем закладки входа в нежилое помещение, а также демонтаж подоконного участка стены фасада с целью организации входа с улицы, являются реконструкцией, поскольку влечет изменение параметров объекта капитального строительства в несущих конструкциях. Земельный участок также входит в состав общего имущества [6].

Подобная позиция суда, рассматривающая видоизменение фасада многоквартирного дома как реконструкцию, актуализирует несколько важных аспектов. Во-первых, реконструкция, как правило, предполагает изменения, влияющие на несущие конструкции и основные параметры объекта капитального строительства. К закладке входа в нежилое помещение и демонтажу подоконного участка стены действительно может быть отнесено изменение внешнего облика, что осложняет дальнейшее определение границ прав собственников помещений.

Однако рассмотрим позицию истца, который утверждает, что, будучи собственником своего помещения, он имеет законные права на пользование земельным участком, чем поднимает вопрос о правах собственников помещений в многоквартирных домах на общее имущество, включая земельный участок. Довод суда о том, что земельный участок, на котором расположен дом, входит в состав общего имущества в многоквартирном доме, идет вразрез с тем, что истец является таким же собственником помещения, имеющим право пользования земельным участком.

Такой подход суда, с одной стороны, подчеркивает важность соблюдения проектной документации и архитектурного замысла, а с другой – ставит под сомнение само понятие права на использование общего имущества. Если суд принимает позицию, что такие изменения относятся к реконструкции, это создает прецедент, при котором собственники помещений фактически оказываются ограниченными в своих правах, что противоречит принципам совместного ведения общей долевой собственности.

Таким образом, данный случай не только подчеркивает важность взаимодействия между судебной практикой и правами собственников многоквартирных домов, но и открывает дискуссию о необходимости

улучшения законодательства в данной области, что будет способствовать лучшему пониманию и защите прав всех участников процесса.

При дальнейшем обжаловании суд оставил без удовлетворения апелляционную и кассационную жалобы истца, снова указав, что согласие части собственников помещений многоквартирного дома, не могут являться основанием для удовлетворения исковых требований. Факт злоупотребления ответчиками своих прав также не установлен [7].

Справедливо в этой связи замечание В.А. Минеева, Е.Н. Ефремова и А.В. Наумкиной: «при переводе жилых помещений в нежилые, и нежилых помещений в жилые первостепенное значение имеют интересы других жильцов. Коммерческие интересы собственников в данной ситуации будут иметь второстепенное значение. Соответственно, данное положение обременяет их на то, что все риски отказа в переводе обоснованно ложатся на них самих» [8, С. 47].

С нашей позиции суд обязан придерживаться принципа баланса интересов, защищая права и интересы всех собственников, исключая возможность перекоса в пользу одной из сторон. В данном случае суд, защищая интересы одних собственников, нарушает права других, ущемляя их право на предпринимательскую деятельность.

Рассмотрим еще один пример отказа. Решением Прикубанского районного суда г. Краснодара от 18 апреля 2022 года отказано в удовлетворении административных исковых требований Величко А.А., поскольку за согласование проведения переустройства квартиры проголосовали собственники помещений в многоквартирном доме обладающие 7507,8 голосами (37,08 % от общего числа голосов собственников) [9]. Судом апелляционной инстанции решение оставлено без изменения [10].

Еще один пример. Постановлением администрации муниципального образования город Краснодар от 16.12.2021 № 5525 жилого помещения -квартиры № 99 переведено из жилого в нежилое помещение, согласованы переустройство и перепланировка помещений квартиры № 99 в доме по адресу: городской округ город Краснодар, ул. им. Валерия Гассия, 21. ООО «Приоритет» полагает, что постановление принято администрацией с нарушением норм жилищного законодательства Российской Федерации, нарушает законные права и интересы собственников помещений в МКД, затрагивает общее имущество и ограничивает доступность пользования земельным участком, на котором расположен МКД. Также оно препятствует заявителю в исполнении своих обязанностей по содержанию общего имущества в МКД, что может повлиять на права и законные интересы общества в сфере предпринимательской деятельности.

Суд пришел к выводу о том, что при отсутствии 100% согласия собственников нарушаются права собственников помещений в многоквартирном доме.

Ввиду того, что протокол собрания собственников от 21.03.2021 признан недействительным и в рассматриваемом случае отсутствует 100 % согласие собственников помещений в многоквартирном доме,

постановление администрации муниципального образования город Краснодар признано недействительным, что «в результате может привести к занятию части общего имущества собственников и изменению фасада многоквартирного дома в отсутствие 100% согласия собственников» [11].

К еще одному абсурдному решению пришел Краснодарский краевой суд, решение которого оставлено без изменения Четвертым кассационным судом общей юрисдикции, об отсутствии доказательств, подтверждающих согласие собственников помещений многоквартирного дома на использование общего имущества. Однако, как позднее установлено Верховным Судом РФ, суды не учли, что правообладателем трех квартир и нежилого помещения (кафе) является истец Леониди П.И., поэтому согласия иных собственников жилых и нежилых помещений в доме при наличии единственного правообладателя здания не требовалось, в связи с чем решения судов были отменены [12].

Таким образом, в основе всех отказов лежит вывод о том, что любые действия по перепланировке и изменениям в жилых помещениях в многоквартирном доме требуют получения согласия от всех собственников помещений многоквартирного дома, поскольку такие действия всегда приводят к присоединению к реконструированному (перепланированному) помещению части общего имущества многоквартирного дома и уменьшению его размера.

Такой неправильный подход к интерпретации законодательства уже начал исправляться путем законодательного регулирования на региональном уровне в некоторых субъектах Российской Федерации.

В частности, Правительством Москвы установлены требования к проведению переустройства и (или) перепланировки помещений в многоквартирном доме, в которых содержатся перечни работ по переустройству и перепланировке. В их числе работы по созданию входов, входных групп (лестниц, крылец и других площадок) в подвальные либо цокольные помещения или на первые этажи зданий) (п.3.3 Приложения 1) [13].

Таким образом, работы по установке входных групп являются переустройством и перепланировкой, а не реконструкцией, в связи с чем согласие всех собственников многоквартирного дома не требуется.

Также суд приходил к выводу, что согласие собственников не требуется в следующих ситуациях. Работы по переустройству и перепланировке принадлежащего ему помещения не привели к уменьшению общего имущества дома; стена дома, часть которой была демонтирована в целях увеличения оконных проемов и установки входной двери, не является несущей конструкцией [14]; площадь балкона входит в общую площадь квартиры, следовательно, согласие собственников многоквартирного дома на остекление балконов не требуется [15].

В другом деле судами был опровергнут довод о том, что замена балконного профиля фактически является реконструкцией многоквартирного дома, поскольку затрагивает общее имущество

собственников, а именно – фасад дома. Верховный Суд подчеркнул, что получение согласия всех собственников помещений в многоквартирном доме не требуется, если проведенные работы не сопряжены с присоединением к помещению части общего имущества многоквартирного дома [16].

Центральный районный суд города Новосибирска не усмотрел оснований полагать осуществление ответчиком АО «ТАНДЕР» самовольного изменения внешнего вида фасада здания, поскольку спорная конструкция в виде разгрузочной ramпы расположена не на фасаде здания, является съемной, временной [17].

Таким образом, представляется необходимой адаптация московского опыта в области регулирования перепланировки и переустройства помещений в многоквартирных домах к другим регионам Российской Федерации. Введение аналогичных норм, как это сделано Правительством Москвы, может существенно упростить процесс получения разрешений на проведение работ, связанных с созданием входных групп и перепланировкой, не требуя согласия всех собственников.

Реализация предложенных изменений направлена на решение проблемы развития предпринимательской деятельности на первых этажах многоквартирных домов. Это, в свою очередь, поможет повысить насыщенность жилых районов разнообразными услугами, улучшить доступность бизнеса для населения и создать новые рабочие места без ущерба для прав собственников жилых помещений.

В настоящее время абз. 4 п. 17 административного регламента предоставления администрацией муниципального образования город Краснодар муниципальной услуги «Перевод жилого помещения в нежилое помещение и нежилого помещения в жилое помещение» [18] (далее – Административный регламент) предусматривает право заявителя на подачу дополнительных документов, в приеме которых не может быть отказано.

Однако, когда заявитель самостоятельно прикладывает к своему заявлению дополнительные документы, доказывающие отсутствие присоединения общего имущества и нарушение прав собственников многоквартирного дома, органами исполнительной власти они не принимаются во внимание и не исследуются при принятии решения, поскольку эти документы не включены в перечень.

Таким образом, единственным способом урегулирования сложившейся ситуации является изменение локальных правовых актов, а также возможное разъяснение правоприменительной практики Верховным Судом Российской Федерации.

Хочется также отметить, что в единичных случаях, когда собственником квартиры на первом этаже удается собрать подписи всех жильцов, Департаментом городского хозяйства и топливно-энергетического комплекса г. Краснодара постановления о переводе квартиры в нежилое помещение не выдаются. Основание для отказа в переводе Департамент находит в том, что подчиненные сотрудники расклеивают в переводимом доме объявления уже на этапе выдачи

постановления о переводе, когда документы прошил три этапа проверки в администрации города Краснодара и «за уши» притягивают недовольных граждан. Затем сотрудник администрации звонит предпринимателю и предупреждает его о том, в выдаче постановления о переводе его квартиры отказано из-за жалобы гражданина. Причем все сказанное выше не предусмотрено Административным регламентом по переводу жилого помещения в нежилое.

Кроме того, руководителем Департамента зачастую нарушается 45-дневный срок рассмотрения заявления предпринимателей, фактически увеличивающийся до 3-6 месяцев, что доказывает изначальную незаинтересованность в решении проблемы.

Таким образом, переводимых помещений в городе Краснодаре в настоящее время нет и не будет, в то время, когда потребность в таких помещениях остро существует. О существующей проблеме с 2021 года предприниматели города Краснодара докладывают в различные инстанции, с их участием проводятся рабочие встречи с участием органов исполнительной и законодательной власти. Суть всех этих встреч свелась к признанию того, что проблема существует, но ее разрешение на месте невозможно, а требует дополнительных решений органов федеральной и законодательной власти Российской Федерации.

В своих обращениях к органам исполнительной и законодательной власти Краснодарского края предпринимателями было предложено внести изменения в Административный регламент дополнить перечень необходимых документов при обращении с заявлением о переводе помещения из жилого в нежилое в виде заключения специалиста по каждому переводимому объекту, в котором специалист определит, имеются ли основания для применения положений ч. 2 ст. 40 ЖК РФ или нет. Однако, заместитель главы города Краснодара Логвиненко Д.С. в своем ответном письме указал, что это невозможно, и изменения необходимо вносить в ст. 40 ЖК РФ.

Поскольку после многочисленных встреч на уровне региональных органов власти предпринимателям фактически было отказано в помощи, исходя из их рекомендаций предпринимателями был подготовлен законопроект о внесении изменений в ст.40 ЖК РФ, который «затерялся» в коридорах аппарата Государственной Думы. Однако одновременно с этим законопроектом рассматривался законопроект Удмурдской Республики, где существует такая же проблема. Законопроект был отклонен в связи с тем, что требования согласия всех собственников при переводе квартиры в нежилое помещение является конкретным случаем, а не общей правоприменительной практикой [19]. С чем нельзя не согласиться, что и подтверждает значимость выявленной проблемы.

Аналогичная проблема существует в городских и муниципальных округах Ставропольского края. Так, например, за период с 1 января 2021 года по 1 июня 2022 года органами местного самоуправления принято 52 решения об отказе в согласовании перепланировки жилого помещения по причине отсутствия протокола общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме.

С предложением о внесении изменений в ст. 40 ЖК РФ в части обеспечения единообразного подхода к рассмотрению органами местного самоуправления заявлений граждан о согласовании перепланировки жилого помещения обращалась местная Дума Ставропольского края, предлагая закрепить в ч. 3 данной статьи, что в случае перепланировки жилого помещения осуществляется путем объединения жилого помещения и лоджии с сохранением подоконного блока, согласие собственников помещений в многоквартирном доме на такую перепланировку не требуется. Данный проект был отклонен с разъяснением того, что демонтаж оконного проёма между жилым помещением и лоджией является реконструкцией и ведёт к уменьшению размера общего имущества [20].

В заключение важно подчеркнуть фундаментальные гарантии и принципы, лежащие в основе российского законодательства: в силу статьи 55 Конституции Российской Федерации и пункта 2 статьи 1 ГК РФ гражданские права могут быть ограничены только на основании федерального закона, иные нормативные акты, ограничивающие права собственника, применению не подлежат [21]. Более того, за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности предусмотрена уголовная ответственность (ст. 169 Уголовного кодекса Российской Федерации).

В настоящее время существует правовая коллизия, настоятельно требующая решения. Недостаточное правовое регулирование на местном уровне влечет формирование разнообразной практики для разных регионов. Отсутствие единообразия предоставило возможность неправомерного отказа органами муниципалитета Краснодарского края вопреки действующим нормам жилищного и градостроительного законодательства. Как следствие все изложенное приводит к повсеместному нарушению прав собственников помещений, расположенных на первых этажах, препятствует законной предпринимательской деятельности и благоприятному развитию региона.

Настоящее исследование является доказательством того, что в ближайшее время необходимо в срочном порядке принять ряд мер, направленных на унификацию и стандартизацию законодательства на региональном уровне для обеспечения единообразной правоприменительной практики по всей стране:

1. Разъяснить на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации о том, что судам следует разграничивать перепланировку, переустройство и реконструкцию подвальных и цокольных помещений с помещениями, расположенными на первых этажах многоквартирного дома.

2. В административный регламент предоставления администрацией муниципального образования город Краснодар муниципальной услуги «Перевод жилого помещения в нежилое помещение и нежилого помещения в жилое помещение» внести положения, разъясняющие какие работы относятся к переустройству и (или) перепланировки помещений в многоквартирном доме (по

аналогии с п.2 приложения 1 постановления Правительства Москвы от 25 октября 2011 года №508-ПП).

3. В подраздел II.VI. «Исчерпывающий перечень документов, необходимых для предоставления муниципальной услуги» Административного регламента включить необходимость предоставления технического заключения о наличии (отсутствии) признаков присоединения общего имущества многоквартирного дома, которое будет содержать ответ специалиста на вопрос, происходит ли уменьшение общего имущества многоквартирного дома и его присоединение к квартире переводимого помещения или нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кадырова Е.Н., Бородаева С.А. Условия перевода жилых помещений в нежилые // Экономика и экология территориальных образований. – 2017. – № 3. – С. 61-66.

2. Решение Прикубанского районного суда г. Краснодара от 27 апреля 2021 года по делу № 2-4284/2021 // URL: <https://krasnodar-prikubansky--krd.sudrf.ru/> (дата обращения: 23.03.2024).

3. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 декабря 2020 года по делу № 88а-28140/2020 // URL: <https://4kas.sudrf.ru> (дата обращения: 15.05.2024).

4. Решение Прикубанского районного суда г. Краснодара от 23 мая 2023 года по делу № 2-3593/2023 // URL: <https://krasnodar-prikubansky--krd.sudrf.ru/> (дата обращения: 25.05.2024).

5. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 21 ноября 2023 года по делу № 33-37752/2023 // URL: <https://kraevoi--krd.sudrf.ru> (дата обращения: 12.05.2024).

6. Решение Прикубанского районного суда г. Краснодара от 31 января 2023 года по делу № 2-6405/2023 // URL: <https://krasnodar-prikubansky--krd.sudrf.ru> (дата обращения: 25.06.2024).

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2023 года по делу № 88-41174/2023 // URL: <https://4kas.sudrf.ru> (дата обращения: 18.03.2024).

8. Минеев В.А., Ефремов Е.Н., Наумкина А.В. Перевод жилого помещения в нежилые и нежилые помещения в жилое: проблемы реализации. Символ науки. – 2022. – №5-1. – С. 44-48.

9. Решение Прикубанского районного суда города Краснодара от 18 апреля 2022 года по делу № 2а-8619/2022 // Архив Прикубанского районного суда города Краснодара, 2022 год.

10. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 22 сентября 2022 года по делу № 33а-29202/2022 // URL: <https://kraevoi--krd.sudrf.ru> (дата обращения: 17.05.2024).

11. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 20 марта 2024 года по делу №А32-43650/2022 // URL: <https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf> (дата обращения: 10.04.2024).

12. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2022 года по делу № 18-КАД22-50-К4 // URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 16.04.2024).

13. Постановление Правительства Москвы от 25 октября 2011 г. № 508-ПП «Об организации переустройства и (или) перепланировки помещений в многоквартирных домах» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. – №61. – 2011.

14. Решение Хамовнического районного суда г. Москвы от 11 октября 2016 года по делу №2-2248/2016 // URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 25.04.2024).

15. Решение Симоновского районного суда города Москвы от 12 февраля 2019 года по делу №2-98/2019 // URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 18.03.2024).

16. Обзор судебной практики по спорам, связанным с реконструкцией, переустройством и перепланировкой помещений в многоквартирном доме (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

17. Решение Центрального районного суда города Новосибирска от 27 мая 2020 года по делу №2-43/2020 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 25.05.2024).

18. Постановление администрации муниципального образования город Краснодар от 23 января 2023 года № 255 «Об утверждении административного регламента предоставления администрацией муниципального образования город Краснодар муниципальной услуги «Перевод жилого помещения в нежилое помещение и нежилого помещения в жилое помещение» // Официальный интернет-портал администрации муниципального образования город Краснодар и городской Думы Краснодара. – URL: <http://www.krd.ru> (дата обращения: 12.06.2024).

19. Законопроект № 342275-8 «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации» (в части устранения трудновыполнимых условий осуществления реконструкции, перепланировки и (или) переустройства помещений, расположенных в многоквартирных домах) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 08.10.2024).

20. Законопроект №309789-8 «О внесении изменения в статью 40 Жилищного кодекса Российской Федерации» (в части обеспечения единообразного подхода к рассмотрению органами местного самоуправления заявлений граждан о согласовании перепланировки жилого помещения) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 08.10.2024).

21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. – № 109. – 2010.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.847

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ

Карабанов Ростислав Михайлович

Профессор кафедры специальной техники и информационных технологий юридического факультета, кандидат технических наук, профессор,

Владимирский юридический институт ФСИН России,
Владимир, Российская Федерация

E-mail: krm730@mail.ru

Охотина Алина Олеговна

Курсант,

Владимирский юридический институт ФСИН России,
Владимир, Российская Федерация

E-mail: alina.ohotina@icloud.com

В статье на основе положений Конституции Российской Федерации об обеспечении общественной безопасности, а также по соблюдению и защите прав, свобод и интересов человека рассмотрен комплекс мероприятий, введенных государством для профилактики преступлений и поддержки лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, осужденных и освобожденных из учреждений, исполняющих наказания. Установлено, что круг лиц, в отношении которых применяются мероприятия probationи разной категории, достаточно широкий, что определяет перечень основных проблемных вопросов, требующих решения в процессе реализации требований Федерального

закона «О пробации». Рассмотренные основные направления взаимодействия субъектов пробации позволили выявить отдельные вопросы, требующие законодательной регламентации. Сформулированы основные предложения организационного и технического характера для успешной реализации исполнительной и постпенитенциарной пробации.

Ключевые слова: профилактика преступности, пробация, субъекты и объекты пробации, реестр данных, взаимодействие, совершенствование.

В соответствии с Конституцией Российская Федерация, как правовое демократическое государство, берет на себя обязательства по безусловному соблюдению прав и свобод человека, где одним из актуальных и востребованных направлений государственной деятельности выступает обеспечение общественной безопасности, как от внешних, так и внутренних угроз [1].

Среди внутренних угроз общественной безопасности в качестве основного общественно опасного фактора можно выделить преступность и иную противоправную деятельность, направленную против существующего порядка, норм и традиций человеческого общежития [2]. К основным направлениям борьбы с внутренними угрозами общественной безопасности, можно отнести три направления [3-5]:

- просветительско-профилактическая деятельность среди населения;
- уголовное преследование и привлечение преступников к уголовной ответственности;
- работа, направленная на исправление лиц, отбывших уголовное наказание, и предупреждение рецидива преступлений.

Каждое из указанных направлений деятельности является самостоятельным институтом правоотношений, ориентированным на достижение определенного спектра задач.

Стоит отметить, что, начиная с 2024 года, в России введено в действие «новое» направление профилактической работы, направленное на предупреждение преступлений – система пробации. С 1 января 2024 года вступил в действие Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее ФЗ «О пробации»). В законе приводятся общие требования по реализации общественных отношений, возникающих в сфере организации и функционирования пробации. Под пробацией в соответствии со статьей 5 ФЗ «О пробации» понимается «совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе

ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц» [6].

Приведенная совокупность мер является многогранным направлением деятельности уголовно-исполнительной системы, вследствие чего, законодательно закреплено сразу несколько направлений осуществления probation, а именно:

- пенитенциарная probation – осуществляется применительно к осужденным, отбывающим наказания в виде лишения свободы или принудительных работ;

- исполнительная probation – осуществляется применительно к осужденным, отбывающим наказания, не связанные с изоляцией от общества, или в случае применения иных мер уголовно-правового характера, кроме уголовных наказаний в виде штрафа и принудительных работ;

- постпенитенциарная probation – осуществляется применительно к осужденным, отбывшим наказание в виде лишения свободы или принудительных работ.

Как следует из вышеизложенного, основными исполнителями мероприятий probation являются учреждения и органы Федеральной службы исполнения наказаний России (далее: ФСИН России).

Одновременно с этим стоит указать, что в соответствии с Приказом Министерства юстиции РФ от 29 ноября 2023 г. № 350, предусмотрена реализация [7]:

- пенитенциарной probation исправительными учреждениями и учреждениями, исполняющими уголовное наказание в виде принудительных работ;

- исполнительной и постпенитенциарной probation – уголовно-исполнительными инспекциями (далее: УИИ).

Можно предположить, что постпенитенциарная probation является наиболее сложной в реализации, в связи с тем, что проводится в отношении лиц, которые уже не являются осужденными, и соответственно, не обязаны соблюдать требования, предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, а также, применение мероприятий probation может быть назначено по обращению законного представителя лица, а не его самого.

При реализации мероприятий, осуществляемых в отношении лиц, которые оказались «в трудной жизненной ситуации», а именно – лиц, испытывающих трудности в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, решению подлежат достаточно широкий перечень проблемных вопросов, среди которых стоит выделить [8,9]:

- трудоустройство;
- получение образования;
- обеспечение жилой площадью;
- медицинское обеспечение;
- психологическое обеспечение;
- социальная помощь;
- многие другие направления деятельности.

Широкий перечень сфер деятельности при реализации пробации в России предполагает множество направлений взаимодействия «основных исполнителей» мероприятий пробации и субъектов, которые им оказывают различную помощь и содействие.

Так, в соответствии с положениями статьи 6 ФЗ «О пробации» к основным субъектам пробации отнесены [6]:

- федеральные органы исполнительной власти;
- органы государственной власти субъектов Российской Федерации;
- учреждения уголовно-исполнительной системы;
- государственные учреждения службы занятости населения;
- организации социального обслуживания.

Частью 2 ФЗ «О пробации» предусмотрено, что органы местного самоуправления, не являясь субъектами пробации, уполномочены участвовать в процедурах пробации.

Также законодательно закреплено, что к реализации мероприятий пробации могут привлекаться различного рода юридические лица, общественные наблюдательные комиссии, а также граждане (часть 3 статьи 6 ФЗ «О пробации»).

Рассматривая вопросы организации взаимодействия УИИ с иными субъектами пробации Российской Федерации, обратим внимание, что указанный вопрос в основном урегулирован в положениях ФЗ «О пробации», где предусмотрено следующее [6]:

- федеральный орган исполнительной власти обеспечивает организацию взаимодействия территориальных органов исполнительной власти с субъектами пробации (статья 7);

- государственные учреждения службы занятости населения, выступающие в качестве субъектов пробации, уполномочены на основании соглашения осуществлять взаимодействие с УИИ в части обмена информацией, необходимой для организации трудоустройства и поиска вакансий (статья 9);

- УИИ, которые в рамках, возложенных на них обязанностей, имеют право, на основе заключенных соглашений, осуществлять взаимодействие с иными субъектами пробации (статья 28).

В соответствии с Главой 8 ФЗ «О пробации» законодательно раскрываются особенности осуществления взаимодействия между субъектами пробации, где предусмотрены такие его виды как [6]:

1. Межведомственное взаимодействие, осуществляемое между государственными учреждениями с использованием Государственной системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ).

2. Информационное взаимодействие, предусматривающее каналы коммуникаций между субъектами пробации в виде различного рода информационных баз и систем, а также возможности направлять письма, запросы и использовать прочие виды информационного обмена. К привлекаемым информационным базам и системам можно отнести следующие [10]:

- Единая цифровая платформа в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России»;

– Федеральная государственная информационная система «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (ЕСИА);

– Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг» (ЕПГУ);

– Федеральная государственная информационная система «Единая система нормативной справочной информации» (ЕСНСИ).

3. Направление лицами, в отношении которых применяется пробация, писем, уведомлений, отказов и т.п. в адрес субъектов пробации посредством использования ЕПГУ.

4. Рассмотрение субъектами пробации документов, поступивших посредством ЕПГУ, предоставление ответов на эти документы пользователям через личный кабинет.

Кроме того, взаимодействие предусматривает создание и использование «Единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация» (далее – Единый реестр), обеспечивающего формирование единой информационной базы для субъектов пробации, содержащей «информацию о видах, сроках, результатах реализации мероприятий пробации, лицах, в отношении которых применяется пробация, об их индивидуальных программах, индивидуальной нужде, оказанных мерах социальной помощи, отказах от применения пробации, и ведется в целях учета сведений о лицах, в отношении которых применяется пробация» [6]. Единый реестр позволит автоматизировать деятельность сотрудников, реализующих мероприятия пробации. Основными функциями Единого реестра должны стать регистрация всех сведений, касающихся подучетных лиц и мероприятий пробации, выгрузка шаблонов документов для распечатывания, формирование документов статистической отчетности, управление правами доступа пользователей и учет выполняемых действий. Единый реестр должен быть совместим на программно-аппаратном уровне с иными информационными системами, предоставляющими услуги в электронной форме, а также соответствующими информационно-телекоммуникационными сетями.

Исходя из содержания Единого реестра, возникает ряд вопросов, которые требуют законодательной регламентации, а именно:

1. Перечень субъектов пробации, а также организаций, привлекаемых к реализации отдельных мероприятий, которые будут иметь доступ к информации в указанной базе данных. В данном случае наибольший интерес вызывают не государственные организации, а категории физических лиц, которые могут привлекаться к реализации пробации на территории Российской Федерации, в частности – насколько корректно давать доступ негосударственным должностным лицам к персональным данным и личной информации объектов пробации. Такой перечень должен быть установлен Правительством Российской Федерации.

2. Полномочия субъектов пробации в части внесения изменений и дополнений в базу данных Единого реестра. Возникает вопрос корректности вносимых правок. Здесь стоит обратить внимание, что каждый субъект пробации является самостоятельной государственной организацией, деятельность которой регламентирована определенными ведомственными документами, что может свидетельствовать о проблемах с единым подходом к типовым учетно-отчетным документам и их форматами.

3. Полномочия объектов пробации в части доступа к информации в Едином реестре.

4. Организационные вопросы, связанные с техническими аспектами и обслуживанием Единого реестра и сетевой инфраструктуры. В соответствии с пунктом 4 статьи 34 ФЗ «О пробации» предусмотрено, что оператором указанной базы будет ФСИН России, что априори подразумевает создание необходимой инфраструктуры, а также подбор персонала, способного реализовать предполагаемые функциональные возможности реестра. В этом смысле стоит обратить внимание еще на технический аспект в части реализации сервера баз данных – либо это будет единый сервер ФСИН России, либо он будет выделен на субъект Российской Федерации, либо сервер будет организован в каждом филиале УИИ. Стоит также указать на необходимость резервного копирования данных на случай технических сбоев. Этот круг вопросов может быть урегулирован подзаконными, ведомственными нормативными актами.

Кроме того, говоря о технической стороне вопроса, нельзя не указать, что при использовании реестра всеми субъектами пробации на рабочих компьютерах должна быть установлена актуальная версия программы, что подразумевает либо организацию автоматического обновления рабочей программы (реестра), либо предоставление ФСИН России удаленного доступа к локальным рабочим местам Единого реестра субъектов пробации средствами администрирования.

На основании изложенного можно заключить, что реализация созданной системы пробации Российской Федерации по большей части возложена на учреждения и органы ФСИН России, что подразумевает решение достаточно широкого спектра проблемных вопросов, среди которых основным хотелось бы обозначить – многоаспектность и многогранность направлений пробации, требующие вовлечение в исполнительную и постпенитенциарную пробацию достаточно широкого перечня, как государственных организаций, так и иных юридических и физических лиц [10, 11].

С нашей точки зрения, с целью совершенствования существующей во ФСИН России инфраструктуры, а также кадрового обеспечения реализации исполнительной и постпенитенциарной пробации необходимо решить следующие вопросы:

– расширение штата УИИ ФСИН России с созданием отдельных подразделений, реализующих мероприятия исполнительной и постпенитенциарной пробации;

– создание необходимой технической и технологической инфраструктуры, инструментов коммуникации и взаимодействия между субъектами пробации, в частности создание и отладка Единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация;

– заключение ряда соглашений между Министерством юстиции Российской Федерации и Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, Министерством здравоохранения Российской Федерации, Министерством просвещения Российской Федерации, Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, а также с руководством субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.: с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 8-ФКЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398.

2. Басова Ю.Ю. К вопросу об определении перечня угроз общественной безопасности // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 12А. С. 66-72.

3. Польшиков А.В. Общественное мнение как фактор повышения эффективности ранней профилактики преступности среди несовершеннолетних / А. В. Польшиков, М. М. Буслов, А. С. Федорина // Современное общество и право. – 2023. – № 4(65). – С. 102–112.

4. Смирнов А.М. К вопросу о возможности исправления осужденных мужчин, приговоренных к длительным срокам лишения свободы и пожизненно / А. М. Смирнов // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : научно-практическое ежеквартальное издание. Том Выпуск 1. – Москва : Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний», 2022. – С. 27–33.

5. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.09.2024).

6. О пробации в Российской Федерации Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации 2023 – № 6 – ст. 917.

7. О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»: Приказ Министерства юстиции РФ от 29 ноября 2023 г. № 350 // [Электронный ресурс] URL:

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408001585/> (дата обращения: 24.09.2024).

8. Алтухов С.А. Ресоциализация освобожденных из мест лишения свободы: от проблем к путям решения / С. А. Алтухов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 2. – С. 75-80. – DOI 10.22394/2074-7306-2022-1-2-75-80.

9. Овсянникова Т.А. Ресоциализация осужденных как необходимое условие по предупреждению рецидива преступлений / Т. А. Овсянникова, Р. Р. Сайфуллин // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 2(165). – С. 376-377.

10. Капралова Н.Н. О создании государственной информационной системы учета лиц, в отношении которых применяется пробация / Н. Н. Капралова, О. Ю. Кольцова // Информационные технологии в УИС. – 2023. – № 3. – С. 11-19.

11. Кривенцева С.М. Организация взаимодействия субъектов пробации в Российской Федерации / С. М. Кривенцева // Право и наука в современном мире : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, Пермь, 25 марта 2023 года. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. – С. 30-37.

TOPICAL ISSUES OF ENSURING EXECUTIVE AND POST-PENITENTIARY PROBATION

Karabanov R.M., Okhotina A.O.

The article, based on the provisions of the Constitution of the Russian Federation on ensuring public safety, as well as observing and protecting human rights, freedoms and interests, examines a set of measures introduced by the state to prevent crimes and support persons in difficult life situations, convicted and released from institutions executing punishment. It has been established that the circle of persons in respect of whom probation measures of different categories are applied is quite wide, which determines the list of the main problematic issues that require solutions in the process of implementing the requirements of the Federal Law "On Probation". The considered main areas of interaction between probation subjects made it possible to identify problematic issues that require legislative regulation. The main proposals of an organizational and technical nature for the successful implementation of executive and post-penitentiary probation are formulated.

Keywords: crime prevention, probation, subjects and objects of probation, data registry, interaction, improvement.

УДК 343.13

ПОЛУЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Нечаев Владимир Викторович

Доцент кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент,
Московский областной филиал Московского Университета МВД
России имени В.Я. Кикотя,
г. Руза, Россия

E-mail: nvv9.02@mail.ru

SPIN-код: 9345-9678

Теренков Игорь Евгеньевич

Преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат
юридических наук,
Московский областной филиал Московского Университета МВД
России имени В.Я. Кикотя,
г. Руза, Россия

E-mail: terenkov72@bk.ru

SPIN-код: 9700-8248

Осколков Александр Валерьевич

Преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин и
организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией
осужденных от общества

Псковский филиал Университета ФСИН России,
г. Псков, Россия

E-mail: sashuta.oskolkov.89@mail.ru

SPIN-код: 5302-1749

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем фактом,
что вне уголовно-процессуального доказывания, невозможно, в

принципе установление всех обстоятельств уголовного дела. Анализ правоприменительной практики со всей очевидностью свидетельствует, что процесс доказывания в рамках расследуемого уголовного дела во многом основан на показаниях участников уголовного судопроизводства. Вне всякого сомнения, данная тема представляет исследовательский интерес, так как в силу многих субъективных факторов, в том числе личной заинтересованности, показания участников уголовного судопроизводства необходимо оценивать с особой тщательностью.

Ключевые слова: следственные действия, следователь, дознаватель, принципы уголовного процесса, уголовно-процессуальная форма, процесс доказывания, доказательства, источник доказательств, предмет доказывания, показания, допрос, проверка показаний на месте, опознание, очная ставка, участники уголовного судопроизводства.

Приступая к анализу обозначенной проблематики, отметим, что целью получения показаний в уголовном судопроизводстве следует считать достижение всесторонности, полноты и объективности при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию [1, С. 72]. Алгоритм получения показаний должен в полной мере соответствовать принципам уголовного судопроизводства и установленной процессуальной форме. Например, перед началом допроса свидетеля мы не только должны удостовериться в его личности, но и разъяснить соответствующие права и обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законодательством. Таким образом, получение показаний в ходе уголовно-процессуальной деятельности складывается из следующих этапов: удостоверение личности допрашиваемого, разъяснение предусмотренных законом прав и обязанностей, получение сведений, имеющих значение для уголовного дела, удостоверение правильности полученных сведений.

Показания – важнейший институт уголовного судопроизводства, без которого не обходится ни одно уголовное дело. Несмотря на это, в уголовно-процессуальном законе нет легальной дефиниции понятия «показания», что А. Т. Валеев и А. М. Лютынский объясняют характером более общих понятий «доказательство» и «источник доказательства» [2, С. 35].

Е. Б. Гришина дает следующее определение: «показания – процессуальная форма сообщения лица, обладающего указанным в законе процессуальным статусом, сделанного в ходе допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний на месте, зафиксированного в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона, об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела и нормативно-определенных в качестве предмета показаний для конкретного участника процесса, а также об иных обстоятельствах, о которых допрашиваемый сообщил в ходе соответствующего следственного действия» [3, С. 358].

Определяя сущность показаний в уголовном процессе, А. Н. Корнеева разделяет понятия «показания» и «объяснения». По мнению ученого «показания потерпевшего нельзя отождествлять с объяснениями. Категория «объяснение» в уголовном процессе чаще всего имеет два значения: во-первых, объяснение как процессуальная форма получения и закрепления сведений от любых лиц в стадии возбуждения уголовного дела и, во-вторых, объяснение как форма изложения участником уголовно-процессуальной деятельности своего отношения к конкретным обстоятельствам, имеющим отношение к уголовному делу. Объяснения не могут быть доказательствами по уголовному делу. УПК РФ провозглашает, что только надлежащим порядком проведения допроса обеспечивается получение показаний» [4, С. 103]. Мы практически полностью разделяем точку зрения ученого, однако заметим, что при производстве дознания в сокращённой форме существуют некоторые исключения из вышеуказанного умозаключения, которые нуждаются в некоторой корректировке и уточнении.

Следователь, дознаватель в процессе установления обстоятельств подлежащих доказыванию работают только с той информацией, что нашла свое отражение в сознании допрашиваемого. Именно поэтому сведения, полученные в ходе проведения следственных действий, должны подвергаться критическому и системному анализу. Более того, необходимо учитывать процессуальный статус допрашиваемых лиц. Так, например, при допросе потерпевшего следует учитывать его эмоциональное состояние, способность адекватно оценивать действительность без субъективных домыслов и предположений. При получении показаний от специалистов и экспертов необходимо помнить, что предмет допроса не может выходить за рамки соответствующего заключения, специального познания, которые подвергаются анализу и критическому осмыслению. Показания обвиняемого – особый источник доказательств, который должен в максимально возможной степени соотноситься с другими доказательствами, так как последний вправе использовать максимально возможные процессуальные средства защиты, вследствие чего вправе представлять любые версии, свидетельствующие о его невиновности [5, С. 47]. Даже признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения при наличии в уголовном деле других доказательств.

Показания в уголовном процессе – это сведения, имеющие значение для уголовного дела, которые в полной мере должны соответствовать фактическим обстоятельствам и уголовно-процессуальной форме в рамках расследования события преступления.

По мнению некоторых ученых доктрина состязательного уголовного процесса не позволяет признавать допросы в период предварительного расследования методами получения показаний, так как сторона обвинения и сторона защиты изначально находятся в разных «процессуальных возможностях» [6, С. 154-156].

Мы не согласны с подобной постановкой проблемы, так как в таком случае стадии досудебного производства теряют свое предназначение. Данный тезис нашел свое подтверждение и в УПК РФ, который не устанавливает каких-либо различий между результатами допроса в ходе расследования и судебного следствия. Однако все доказательства, которые положены в основу обвинения (в том числе показания участников уголовного судопроизводства), которые были получены в период расследования по уголовному делу должны быть тщательным образом исследованы и изучены в суде. Только в этом случае мы можем вести речь об их относимости, допустимости достоверности и достаточности. Очевидно, что следователь и дознаватель при получении показаний должны руководствоваться принципами состязательного уголовного процесса. Последнее утверждение нашло свое выражение в позиции Верховного суда РФ, который указал, что «..выводы суда о виновности подсудимого в совершении преступления не могут быть основаны исключительно или главным образом (в решающей степени) на фактических данных, содержащихся в оглашенных показаниях потерпевшего или свидетеля, если обвиняемый (подсудимый) в стадии предварительного расследования либо предыдущих судебных заседаниях не имел возможности оспорить эти показания (например, допросить показывающего против него потерпевшего или свидетеля на очной ставке, задавать ему вопросы, высказать свои возражения в случае несогласия с показаниями)» [7]. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что показания, которые получены в ходе досудебного производства и показания, которые оглашаются в суде коррелируются между собой, взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Содержательный аспект показаний определяется:

- а) связью с предметом доказывания (ст. ст. 73, 421 УПК РФ);
- б) статусом лица, дающего показания.

Источник показаний – указанное в законе лицо, имеющее в момент передачи сообщения определенный процессуальный статус: свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, эксперт, специалист, лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Показания формируются совместно с лицом, проводящим их получение в определенном процессуальном режиме передачи устного сообщения. Кроме допроса, это могут быть и иные процессуальные действия: очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте.

Основные правила допроса установлены ст.ст. 164, 166 – 168, 173–174, 187–191 и др. нормами УПК РФ.

Как мы уже отмечали в уголовно-процессуальной науке постоянно осуществляется поиск новых форм совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. Так, Федеральным законом от 30.10. 2018 № 376-ФЗ в уголовном процессе появился новый участник уголовно-процессуальных отношений, – лицо, в отношении которого

уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Статья 56.1 структурно находится в гл. 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства». Таким образом, законодатель подчеркивает, что статус данного участника уголовного судопроизводства имеет сходное положение со статусом свидетеля. Мы не совсем согласны с такой постановкой вопроса. На наш взгляд (в этом отношении мы солидарны со многими учеными-процессуалистами), лицо, с которым заключено досудебное соглашение имеет самостоятельный процессуальный интерес, вследствие чего оно должно быть отнесено к участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты [8, С. 9-10]. Вышеуказанное позволяет нам сделать вывод о том, что согласно логике законодателя ст. 74 ч.2 необходимо дополнить положением о том, что в качестве доказательств допускаются показания лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что ранее допускался допрос специалиста, участвовавшего в производстве какого-либо следственного действия, в качестве свидетеля. По нашему мнению, очевидно, что получение данных, которые связаны с наличием специальных познаний должны быть оформлены, как показания специалиста, а не свидетеля [9]. Это представляется логичным и обоснованным, так как в ч. 2 ст. 74 УПК РФ прямо предусмотрен данный источник доказательственной информации [10].

Анализ научной составляющей и правоприменительной практики по вопросам получения сведений от лиц, которые не владеют языком уголовного судопроизводства, позволяет выявить следующие проблемные моменты: установление степени компетентности переводчика; критическая оценка заявления лица, проживающего в России, о недостаточном владении им языком судопроизводства. На наш взгляд, будущее в этом вопросе за более активным использованием информационных технологий, которые позволят исключить субъективную оценку переводимых показаний.

Мы считаем, что очная ставка (ст. 192 УПК РФ), одно из самых сложных и эмоциональных следственных действий, в котором получение сведений осуществляется с помощью показаний ранее допрошенных лиц при наличии существенных противоречий между ними. При производстве очной ставки необходимо полностью исключить формальный подход, когда показания при проведении очной ставки всего лишь дублируют (констатируют) те сведения, которые уже есть в уголовном деле. Сущность очной ставки, ее доказательственное значение состоит в том, чтобы получить такие сведения, которые проливали бы свет на источник противоречий в уголовном деле. Именно поэтому вопросы следователя (дознателя) должны быть тщательно продуманы и подготовлены. По нашему мнению, в ст. 192 УПК РФ должна быть четко озвучена цель данного следственного действия, в связи с чем предлагаем изложить ч. 1 ст. 192 УПК РФ изложить в следующей редакции: «В целях устранения противоречий между ранее допрошенными лицами следователь вправе провести очную ставку».

Концептуальным остается положение, что следователь, исходя из интересов расследования, самостоятельно принимает решение о необходимости проведения очной ставки.

Предъявление для опознания – самостоятельное следственное действие, которое строится на показаниях опознающего. Основная задача последнего состоит в установлении тождества опознаваемого объекта с сохранившимся мысленным образом. Таким образом, опознание может быть только осознанным. Исследование правоприменительной практики позволяет нам констатировать, что особое внимание нужно уделить тем показаниям, которые будут предварять предъявление для опознания. Следователю (дознавателю) тщательно и системно следует описывать в протоколе допроса те индивидуально-определённые признаки, на основании которых опознающий может опознать объект, имеющий значение для уголовного дела

Проверка показаний на месте – сложное следственное действие, которое имеет комбинированный характер, так как в нем сочетаются элементы допроса, осмотра и предъявления для опознания. Его характерной особенностью является тот факт, что оно проводится только после получения в ходе допроса показаний подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего при наличии их согласия. Данное следственное действие является весьма эффективным способом разоблачения самоговора. Действительно, в правоприменительной практике нередко имеют место случаи, когда именно после проверки показаний на месте следователь отклонял версии, которые вели «по ложному следу».

Следует отметить весьма важный факт, который непосредственно связан с проблемами допустимости показаний как источников доказательств по уголовному делу. Все показания в рамках расследуемого уголовного дела должны фиксироваться в соответствующих протоколах следственных действий или судебного заседания. Аксиоматично, что именно протокол является обязательным способом фиксации хода и результатов показаний. При составлении данного процессуального документа необходимо руководствоваться ст.ст. 166, 167 и 190 УПК РФ. Никакие другие способы не могут заменить протокол, как источник для последующего использования полученной доказательственной информации.

Дополнительными средствами фиксации показаний являются аудиозапись, видеозапись, составление планов и схем, фотосъемка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нечаев В. В. Деятельность органов внутренних дел по проведению следственных действий: тактико-организационные особенности: учебное пособие / В. В. Нечаев, А. В. Сибилькова, И. Е. Теренков. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021, С. 72.

2. Валеев А. Т., Лютынский А. М. Показания в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Фонд развития филиала МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Вологде. – Вологда, 2022. С. 35.

3. Гришина Е. Б. К вопросу о понятии доказательств в уголовном судопроизводстве России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2009. Вып.1. С. 358.

4. Корнеева А. Н. Понятие и значение показаний потерпевшего // Вестник КРУ МВД России. 2010. № 1. С. 103.

5. Волынская О. В., Семенкова Е. В. Институт привлечения в качестве обвиняемого в трудах профессора Л. М. Карневой и его современные тенденции // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 3. – С 47.

6. Никитченко И. И. Формирование личных доказательств в ходе производства следственных и судебных допросов по уголовному делу // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 1 (27). – С. 154-156.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.04.1996 № 1 «О судебном приговоре» (утратил силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 7.

8. Акулов Д. В. Особый свидетель – новая процессуальная фигура в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. – 2020. – № 4. – С. 9-10.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (ред. от 29.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2024).

10. Приговор Грязовецкого районного суда Вологодской области от 24.12.2019 по уголовному делу № 1-148/2019 // ГАС РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 21.09.2024).

OBTAINING TESTIMONY IN THE SYSTEM OF CRIMINAL PROCEDURE: PROBLEMS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Nechaev V.V., Terenkov I.E., Oskolkov A.V.

The relevance of the problem under study is due to the fact that, outside of criminal procedural evidence, it is impossible, in principle, to establish all the circumstances of a criminal case. The analysis of law enforcement practice clearly shows that the process of proof in the framework of the criminal case under investigation is largely based on the testimony of participants in criminal proceedings. Undoubtedly, this topic is of research interest, since due to many subjective factors, including personal interest, the testimony of participants in criminal proceedings must be evaluated with special care.

Keywords: investigative actions, investigator, inquirer, principles of criminal procedure, criminal procedural form, process of proof, evidence, source of evidence, subject of proof, testimony, interrogation, verification of testimony on the spot, identification, confrontation, participants in criminal proceedings.

УДК 343.13

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОИЗВОДСТВА, АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Нечаев Владимир Викторович

Доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент,

Московский областной филиал Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Руза, Россия

E-mail: nvv9.02@mail.ru

SPIN-код: 9345-9678

Теренков Игорь Евгеньевич

Преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук,

Московский областной филиал Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Руза, Россия

E-mail: terenkov72@bk.ru

SPIN-код: 9700-8248

Черезов Александр Валентинович

Преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Самарский юридический институт ФСИН России,

г. Самара, Россия

E-mail: H-flex87@yandex.ru

SPIN-код: 2800-1807

Вопросы, связанные с проведением следственных действий, длительное время продолжают оставаться актуальными, привлекая

внимание многих исследователей. Например, до сих пор дискуссионными являются вопросы, связанные с понятийным аппаратом рассматриваемого института и классификацией следственных действий. Единой позиции по данной проблематике до настоящего времени не выработано. Продолжаются научные исследования относительно необходимости расширения круга следственных действий, осуществляется поиск приемов и средств, которые позволили бы осуществлять следственные действия максимально эффективно. Цель настоящей статьи – комплексный теоретико-практический анализ следственных действий и их системы, определить проблемы процессуальной регламентации, правоприменительной практики и выработать пути их решения.

Ключевые слова: следственные действия, предмет доказывания, доказательства, ретроспектива, реформирование, процесс доказывания органы предварительного расследования, предварительное следствие, эффективность, досудебное производство, возбуждение уголовного дела, системность, классификация, взаимодействие.

Российскому уголовному процессу свойственно большое количество различных следственных действий, которые постоянно являются объектом исследований в научных трудах, спорными являются вопросы понятия следственных действий, а также их классификации. Единой позиции по данному вопросу до настоящего времени не выработано

Кроме того, идут дискуссии относительно необходимости расширения круга следственных действий, осуществляется поиск средств, которые позволили бы осуществлять следственные действия более эффективно. Об этом свидетельствует недавно появившаяся возможность производить следственные действия с использованием видео-конференц-связи.

Расследование любого уголовного дела предполагает несколько этапов деятельности правоприменителей, которые самым непосредственным образом зависят от развития следственной ситуации [1, С. 75]. Вместе с тем, приступая к расследованию уголовного дела, следователь обязан учитывать закономерности, которые выработаны правоприменительной практикой [2, С. 86].

Значимость исследуемой проблематики обусловлена тем фактом, что основной источник формирования доказательственной базы по уголовному делу – следственные действия являются сложным, системообразующим институтом не только процесса доказывания, но и всей уголовно-процессуальной деятельности. На наш взгляд, следственные действия необходимо рассматривать с позиций основного инструментария профессиональной деятельности следователя. Стоит также отметить тот факт, что эффективность сбора, проверки и оценки доказательств по уголовному делу находится в прямой зависимости от должного уровня взаимодействия органов предварительно следствия и

органов дознания, которому необходимо уделять самое пристальное внимание.

Одним из важнейших признаков следственных действий выступает их познавательный-удостоверительный характер, фактически, он и составляет основное содержание следственных действий, определяет их предназначение – получить информацию, которая может выступить в качестве доказательства по уголовному делу [3, С. 59].

Производя любое следственное действие, лицо, производящее расследование, прежде всего, получает значимую информацию, которая, будучи удостоверенной в установленном законом порядке, может выступить по уголовному делу в качестве доказательства. Все результаты следственных действий либо представляют собой новое доказательство, которое позволяет получить те знания, которыми следователь по уголовному делу еще не обладал, либо проверить доказательства, которые уже были получены ранее.

К числу признаков следственных действий следует отнести фактические и правовые основания их проведения. Очевидно, что при их отсутствии исключается возможность производства следственного действия.

В качестве фактического полагаем возможным рассматривать наличие фактических данных (сведений), обуславливающих необходимость произвести конкретное следственное действие. Например, получение сведений о том, что какое-либо лицо обладает информацией о расследуемом событии, можно рассматривать как фактическое основание производства допроса указанного лица, поскольку только таким образом информации, полученной от какого-либо лица, можно придать доказательственное значение.

Правовое основание применительно к следственным действиям определить достаточно сложно. Полагаем, что верным будет утверждать о наличии здесь нескольких составляющих. Прежде всего, правовое основание образует совокупность определяемых уголовно-процессуальным законодательством условий, требований, предъявляемых к следственным действиям. В этом смысле под правовым основанием всех следственных действий надлежит рассматривать производство расследования конкретного преступления.

Аксиоматично, что решение вопроса об эффективности производства следственных действий невозможно без должного анализа истории их развития, которому, к сожалению, уделяется недостаточно внимания [4, С. 116]. Обратимся к историческим документам, которые регулировали процесс доказывания по уголовным делам.

Так, Русская Правда предусматривала три стадии уголовного процесса. Первая – «заклич» заключалось в сообщении о совершившемся преступлении; вторая – «свод» была похожа, но очную ставку (человек, у которого обнаружили похищенное имущество, должно было указать источник его приобретения; третья – «гонение следа» – заключалась в поиске преступника и доказательств его вины [5, С. 28].

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС), как отмечает В.А. Семенцов, сформировал институт следственных действий [6, С. 679-685]. Впервые на законодательном уровне процесс доказывания по уголовным делам в полной мере соотносился с производством следственных действий.

В первые года после Октябрьской социалистической революции 1917 г., в связи с разрозненностью законодательства, сложно говорить о четкой системе следственных действий. Данный факт, в том числе объясняется тем фактом, что концепция досудебного производства ещё не была сформирована. Законодатель, по сути, остановился на необходимых и достаточных следственных действиях.

УПК РСФСР 1922 г. содержал ряд правовых норм, связанных с производством допроса, обыска, выемки, осмотра, освидетельствования. (Ст. 111).

Существенные изменения в системе следственных действий связаны с принятием УПК РСФСР 1960 г., в соответствии с которым система следственных действий включала следующие процессуальные действия: допрос, очную ставку, предъявление для опознания, выемку, обыск, наложение ареста на имущество, осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, назначение и производство экспертизы, получение образцов для сравнительного исследования, эксгумацию, задержание подозреваемого.

Ученые-процессуалисты выделяли и выделяют различное количество следственных действий. Например, Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин рассматривали систему из 8 следственных действий [7, С. 108]; М.П. Гутерман, Ю.Н. Белозеров, В.В. Рябоконт – из 11 [8, С. 6, 75]; С.А. Шейфер – из 12 [9, С. 73]; А.А. Чувилев – из 13 [10, С. 284]; И.Е. Быховский – из 14 [11, С. 15]. И.Ф. Герасимов выделял 42 следственных действия, включая в их систему многие процессуальные действия (отдельные поручения следователя, вынесение постановлений о приводе, об отстранении от должности; а также вынесение постановлений о признании потерпевшим, гражданским истцом и др.) [12, С. 5-6].

Мы солидарны с позицией С.А. Шейфера, который считал, что система следственных действий должна удовлетворять двум важнейшим требованиям: 1) соответствовать принципам уголовного судопроизводства; 2) отображать информацию, содержащуюся в следах события преступления, и превращать ее в доказательства в процессуальном смысле [13, С. 36-37].

В научной литературе неоднократно высказывались предложения по расширению системы следственных действий. Так, А.В. Дулов и П.Д. Нестеренко указывали на целесообразность закрепления в уголовно-процессуальном законе таких следственных действий, как тактический и психологический эксперименты. По мнению авторов, первый должен представлять собой конгломерат процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий и производиться путем негласного наблюдения за подозреваемым. Второй производился с целью проверки правильности сведений, сообщенных участником уголовного процесса

[14, С. 210-231, 232-239].

И.Е. Быховский, И.М. Лузгин предлагали внести в УПК такое следственное действие, как реконструкция [15, С. 132-135].

С принятием УПК РФ развитие системы следственных действий продолжилось. Тенденции развития и совершенствования рассматриваемого института весьма очевидны – использование современных информационных технологий в процессе сбора, проверки и оценки доказательств.

Так, А. Иванов и О. Корниенко предлагали закрепить в УПК РФ следственное действие, именуемое «контроль детализации абонентов операторов связи» [16, С. 113-115], что было основано на правовой позиции Конституционного Суда РФ [17]. Предложение указанных авторов было реализовано законодателем с принятием Федерального закона от 1 июля 2010 г. № 143-ФЗ., которым в УПК РФ введено новое следственное действие, предусмотренное ст. 186¹ «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами».

В научной литературе исследуются различные способы получения информации, содержащейся на электронных носителях. К.И. Сутягин, С.В. Зуев, Ю.А. Извеков предлагают закрепить в УПК РФ самостоятельное следственное действие – электронное копирование информации [18, С. 14-15].

С учетом использования в процессе доказывания информационных технологий некоторые исследователи предлагают включить в объект нового следственного действия – «электронного наблюдения» – не только устную речь, но и все иные сообщения, передаваемые в электронном виде [19, С. 119-124].

Много дискуссий и споров вызывает использование в процессе доказывания полиграфа. В частности, В.А. Семенов предлагает в качестве самостоятельного следственного действия закрепить в УПК РФ проверку показаний на полиграфе. При этом Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что психофизиологические исследования не являются доказательствами, а заключения психофизиологических судебных экспертиз не соответствуют требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к заключениям экспертов, поэтому не являются доказательствами [20].

А.М. Багмет и С.Ю. Скобелин утверждают, что законодателю необходимо предусмотреть новое следственное действие – «извлечение данных из электронных устройств» [21, С. 22-27].

С.А. Шейфер отмечает, что система следственных действий может быть дополнена познавательными приемами оперативно-розыскного характера [22, С. 216-218].

Вряд ли стоит согласиться с мнением некоторых ученых о том, что оперативно-розыскные мероприятия являются «специальными следственными действиями» [23, С. 59-65]. В таком случае мы ставим под сомнение всю доктрину отечественного уголовного судопроизводства.

Считаем целесообразным расширить перечень следственных

действий, проведение которых возможно до возбуждения уголовного дела. Проведение личного обыска и опознание, на наш взгляд, полностью соответствуют логике и назначению следственной проверки.

На сегодняшний день, российскому уголовному процессу присуща тенденция к увеличению видов следственных действий. При этом определенную специфику рассматриваемому нами правовому институту придает идея введения нового участника уголовного судопроизводства – следственного судьи. В связи с вышеизложенным, мы полагаем, что дальнейшее развитие системы следственных действий будет направлено на поиск и совершенствование общих начал уголовного судопроизводства как основы всей уголовно-процессуальной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прысь Е. В., Нечаев В. В. Предварительное расследование в системе уголовно-процессуальной деятельности: история становления, взаимодействие правоприменителей и перспективы развития / монография. – Москва. 2023. С. 75.
2. Органы предварительного следствия России и процессуальная самостоятельность следователя: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. В. А. Семенова. М: Юрлитинформ, 2021. С. 86.
3. Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Уголовный процесс. Учебник для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2019. С. 59.
4. Чельцов-Бебутов М. А. Курса уголовно-процессуального права. СПб.: Альфа, 1995. С. 116.
5. Российское законодательство X–XX веков: В 9 томах. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 28.
6. Семенцов В. А. Следственные действия по Уставу уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 679 – 685.
7. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. С. 108.
8. Гутерман М. П. Следственные действия и некоторые спорные вопросы, связанные с их системой // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1985. Выпуск 42. С. 75; Белозеров Ю. Н., Рябоконт В. В. Производство следственных действий. М., 1990. С. 6.
9. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 73.
10. Чувилев А. А. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под ред. В. П. Божьева. М., 1998. С. 284.
11. Быховский И. Е. Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий. Волгоград, 1977. С. 15.
12. Герасимов И. Ф. Система процессуальных действий следователя // Следственные действия (криминалистические и процессуальные аспекты). Свердловск, 1983. С. 5 – 6.

13. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. С. 36 – 37.

14. Дулов А. В., Нестеренко П. Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971. С. 210 – 231, 232 – 239.

15. Быховский И. Е., Лузгин И. М. Реконструкция как самостоятельное следственное действие // Правоведение. 1971. № 3. С. 132 – 135.

16. Иванов А., Корниенко О. Использование в доказывании информации, полученной у операторов связи // Уголовное право. 2006. № 1. С. 113 – 115.

17. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 г. «О связи»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 г. № 345-О // СПС «КонсультантПлюс».

18. Сутягин К. И., Зуев С. В., Извеков Ю. А. Указ. соч. С. 14 – 15.

19. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики): Монография. С. 34–35; Соколов Ю. Н. Электронное наблюдение в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности. Екатеринбург, 2006. С. 119 – 124.

20. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 7.

21. Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное действие // Право и кибербезопасность. 2013. № 2. С. 22 – 27.

22. Шейфер С. А. Роль следователя в формировании доказательств. Система следственных действий и проблемы ее развития // Уголовно-процессуальное право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. М., 2013. С. 216 – 218.

23. Соколов А. Н. К вопросу о специальных следственных действиях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 2. С. 59 – 65.

INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE SYSTEM OF CRIMINAL PROCEDURE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF PRODUCTION, ACTUALIZATION OF PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT

Nechaev V.V., Terenkov I.E., Cherezov A.V.

The issues related to the conduct of investigative actions have remained relevant for a long time, attracting the attention of many researchers. For example, the issues related to the conceptual apparatus of the institution under consideration and the classification of investigative actions are still debatable. A unified position on this issue has not yet been

developed. Scientific research continues on the need to expand the range of investigative actions, and a search is underway for techniques and means that would allow investigative actions to be carried out as effectively as possible. The purpose of this article is a comprehensive theoretical and practical analysis of investigative actions and their system, to identify problems of procedural regulation, law enforcement practice and to develop ways to solve them.

Keywords: investigative actions, subject of proof, evidence, retrospective, reform, process of proof, preliminary investigation bodies, preliminary investigation, efficiency, pre-trial proceedings, initiation of criminal case, systematicity, classification, interaction.

УДК 343.85

ПРИНЦИП УЧЕТА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВ И ПОТРЕБНОСТЕЙ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ПРОБАЦИИ

Плешаков Александр Михайлович

Главный научный сотрудник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: pam7185@yandex.ru

Тарасов Максим Юрьевич

профессор кафедры надзорной деятельности Академии государственной противопожарной службы МЧС России, доктор юридических наук, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: tarasovo123@gmail.com

Краева Наталья Викторовна

старший научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: pojina@mail.ru

Анализируются компоненты, составляющие принцип учета индивидуальных особенностей, обстоятельств и потребностей для лица,

в отношении которого применяется пробация. Рассматривается правовое содержание категории «индивидуальная нуждаемость» и ее взаимосвязь с другими принципами и целями коррекции социального поведения. Раскрывается зависимость потребностей лица, нуждающегося в поддержке со стороны государственных органов, от обстоятельств, необходимых для правовой оценки трудной жизненной ситуации и ее последствий, которые лицо не может преодолеть самостоятельно. Анализируется социальная нуждаемость конкретного человека в зависимости от видов probation – исполнительной, пенитенциарной и постпенитенциарной. Определяются направления, необходимые для разработки методики критериев индивидуальной нуждаемости.

Ключевые слова: принцип, категория, потребности, нуждаемость, правовая оценка.

В соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О probation») – это совокупность мер, принимаемых в отношении: а) осужденных; б) лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера; в) лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ или лишения свободы. Эти меры необходимы для ресоциализации, социальной адаптации, социальной реабилитации и защите прав и законных интересов указанных лиц, которые оказались в трудной жизненной ситуации.

В соответствии с законом (ч. 1 абз. 5 ст.5 ФЗ «О probation») трудная жизненная ситуация – это одно обстоятельство или несколько из них, которые ухудшают условия жизнедеятельности лиц, в отношении которых применяется probation. Эта перемена к худшему заключается в том, что последствия таких обстоятельств человек не может преодолеть самостоятельно [1, с. 32; 2]. Иначе говоря, для выхода из подобной ситуации ему нужны содействие и помощь (поддержка) государственных органов для того, чтобы улучшить свое социальное положение.

Определение обстоятельств как «трудных» для жизни осуществляется на основе так называемой «индивидуальной нуждаемости». Эта правовая категория означает потребность лица, в отношении которого применяется probation, в поддержке, необходимой для преодоления таких трудностей (ч. 1 абз. 10 ст. 5 ФЗ «О probation»). В свою очередь, индивидуальная нуждаемость оценивается в зависимости от конкретных жизненных обстоятельств и определения того, что нужно человеку, в чем его «нужда» (недостаток в необходимом). По существу, оценка подобных обстоятельств представляет собой процесс и результат логических умозаключений, тесно связанных между собой. Иными словами, определение жизненной ситуации как «трудной» [3] всегда означает и установление индивидуальной нуждаемости.

Данное правовоположение является одним из принципов пробации. Принцип в праве – это ведущее начало его функционирования, имеющее общеобязательный и регулирующий характер [3; 5]. Соответственно принципы пробации отражают содержание и взаимосвязь социальных факторов в системе правил и критериев коррекции законом правопослушного поведения. Каждый отдельный принцип пробации не может быть использован самостоятельно, без обязательного применения к рассматриванию случаю всех остальных принципов. Иными словами, установление индивидуальной нуждаемости невозможно без учета других принципов: приоритета прав и законных интересов человека и гражданина; гуманизма; соблюдения законности [6]; рационального применения мер стимулирования правопослушного поведения; открытости; преемственности, непрерывности и добровольности при осуществлении пробации (ст. 3 ФЗ «О пробации»).

Принцип индивидуальной нуждаемости, как руководящая идея в правоприменении является реальным и возможным и представляет собой часть объективных закономерностей в системе остальных принципов. При оценке правоприменителем индивидуальной нуждаемости она не распространяется на мысли, убеждения, представления и ценностные ориентации лица, подвергнутого пробации. Элементы внутреннего мира человека должны найти внешнее объективное выражение в сознательном и добровольном желании получить помощь от государственных органов в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации.

Среди семи принципов, на которых базируется эта деятельность, в пятом из них указано, что пробация осуществляется с учетом индивидуальных особенностей, обстоятельств и потребностей. Формально этот принцип не называется индивидуальной нуждаемостью. Однако анализ трех его компонентов – индивидуальных особенностей; индивидуальных обстоятельств и индивидуальных потребностей, позволяет прийти к выводу, что их последовательное сочетание не может быть ничем иным как «индивидуальной нуждаемостью».

Во-первых, индивидуальные особенности означают, что речь идет о человеке как отдельной личности (индивидууме), о конкретных свойствах характера и психологического склада, отличающих его от других. Во-вторых, индивидуальные обстоятельства, это состояния, явления или условия, сопутствующие личностным особенностям и характеризующие трудную жизненную ситуацию лично для него. В-третьих, индивидуальные потребности – это надобность (нужность) для удовлетворения того, чего не хватает именно этому лицу, без чего ему трудно обойтись. По существу, установление индивидуальных потребностей и происходит чрез оценку личной, но объективной «нужды», поскольку в этих терминах и отражается недостаток в социально-необходимом.

Понятие индивидуальной нуждаемости и фактическое указание на соответствующий принцип используется в федеральном законодательстве 12 раз. Фиксирование этой правовой категории

является обязательным для применения всех видов пробации – исполнительной, пенитенциарной и постпенитенциарной.

В соответствии со ст.12 ФЗ «О пробации» уголовно-исполнительная инспекция по результатам проведения оценки индивидуальной нуждаемости принимает решение о целесообразности оказания содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации (исполнительная пробация). Такую же оценку проводит и администрация учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ или лишения свободы (п. 2 ст.16 ФЗ «О пробации»). Это происходит при подготовке осужденных к освобождению и оказания им содействия в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве (пенитенциарная пробация).

В ст. ст. 19 и 20 ФЗ «О пробации» (вступают в силу с 1 января 2025 г.) определены основные направления деятельности в сфере постпенитенциарной пробации. В соответствии с законом основанием ее применения является обращение лица (его законного представителя), освобождающегося из учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ или лишения свободы либо отбывшего уголовное наказание, об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социально реабилитации. Это заявление направляется в администрацию исправительного учреждения или в уголовно-исполнительную инспекцию, которые проводят оценку индивидуальной нуждаемости и принимают соответствующее решение.

В зависимости от личностных особенностей человека, в отношении которого применяется пробация, факторов и условий, характеризующих трудную жизненную ситуацию, и учета индивидуальных потребностей лица составляется документ, включающий в себя меры правового и иного характера, направленные на коррекцию социального поведения [7, с. 84]. Этот документ называется индивидуальная программа ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации (далее – индивидуальная программа).

В соответствии с п. 8 ст. 31 ФЗ «О пробации», которая вступает в силу с января 2025 г., при подготовке индивидуальной программы учитываются предложения лица, обратившегося с заявлением об оказании ему содействия (помощи). В соответствии с законом в индивидуальную программу может быть включено 13 альтернативных мероприятий, т.е. любое из них либо любое их сочетание. В зависимости от индивидуальной нуждаемости это содействие: в восстановлении и формировании социальных связей; в консультировании по социальным и правовым вопросам; в оказании психологической помощи; в получении документов, необходимых для реализации своих прав; в трудоустройстве; в получении пособия по безработице; в получении медицинском помощи; пенсионного обеспечения; социальных услуг и т.д.

В соответствии со ст. 31 ФЗ «О пробации» (вступает в силу с 1 января 2025 г.) о порядке подготовки индивидуальной программы, учреждения, исполняющие наказание в виде принудительных работ

или лишения свободы, либо уголовно-исполнительная инспекция, в тридцатидневный срок со дня получения заявления лица об оказании ему содействия на основании критериев и методики оценки индивидуальной нуждаемости проводят такую оценку. После этого принимается решение о целесообразности оказания содействия либо об отказе в такой помощи. Критерии и методика оценки индивидуально нуждаемости утверждаются (будут утверждены) федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний.

В практическом плане подготовка критериев и методики оценки индивидуальной нуждаемости означает, что каждый раз будет требоваться установление степени «нужды» (ее уровня, масштаба, меры) [8, с. 85, с. 86], т.е. в каком объеме необходима поддержка органов власти [9]. По нашему мнению, методика определения социальных потребностей (т.е. реализация принципа пробации) может базироваться на системе социального обслуживания, установленного в ст. 10 ФЗ «О пробации».

В соответствии с законодательством Российской Федерации организации социального обслуживания обязаны представлять:

- социально-бытовые услуги;
- социально-медицинские услуги;
- социально-психологические услуги;
- социально-педагогические услуги;
- социально-трудовые услуги;
- социально-правовые услуги;
- срочные социальные услуги;
- предоставление временного места проживания.

Кроме того, при разработке методики индивидуальной нуждаемости, на наш взгляд, необходимо учитывать и так называемое «социальное сопровождение» (ч. 2 ст. 10 ФЗ «О пробации»). Под таким понимается любая другая деятельность, не относящаяся к социальным услугам в соответствии с законодательством о социальном обслуживании, но оказывающая содействие в получении помощи: медицинской, психологической, педагогической, юридической и социальной.

В свою очередь, установление степени индивидуальной нуждаемости, по нашему мнению, может базироваться на десятибалльной системе. Индивидуальная потребность в какой-либо сфере жизнедеятельности (например, в бытовом устройстве) может означать «нуждаемость» в 1 балл. В случаях, когда трудная жизненная ситуация определяется несколькими обстоятельствами степени «нужды» будет соответственно составлять 2-3-4 и т.д. балла. Подобная (ориентировочная) система оценки позволяет, на наш взгляд, ранжировать значимость индивидуальных программ. Возможно, это будет условная «первичная» нуждаемость, «средняя», «высокая» и т.д.

Разумеется, это формальная оценка ситуации. Однако представлять содержательную сторону явления в виде системы

исчисления и определения внешних критериев (собственно – формализм) [10] при применении закона о пробации, видимо, не обойтись. Это обусловлено тем, что формализм в большей или меньшей степени всегда является неизменным атрибутом права.

В соответствии со ст. 34 ФЗ «О пробации» (вступает в силу с 2025 г.) будет создан единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация. Это государственная информационная система, содержащая данные о видах, сроках, результатах реализации соответствующих мероприятий, а также о лицах, в отношении которых применяется пробация об их индивидуальных программах, оказанных мерах социальной помощи, отказах в применении пробации. В этой информационной системе будут содержаться и сведения об индивидуальной нуждаемости. Оператором единого реестра является федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в сфере уголовных наказаний в отношении осужденных. Перечень органов и организаций, имеющих доступ к единому реестру, а также уполномоченных на внесение соответствующей информации в реестр, перечень видов таких данных и их использование определяется Правительством Российской Федерации.

В заключение следует сказать о том, что принцип учета индивидуальных особенностей, обстоятельств и потребностей лица не должен вступать в противоречие с другими принципами пробации. Вся система принципов взаимосвязана для достижения целей и задач пробации, коррекции социального поведения и предупреждения совершения новых преступлений.

По своему правовому содержанию принцип «учета» – это категория индивидуальной нуждаемости. В свою очередь, установление конкретных социальных потребностей лица последовательно определяет и оценку трудной жизненной ситуации, и подготовку индивидуальной программы по ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации.

Принцип и категория индивидуальной нуждаемости, несмотря на их оценочный характер, должны быть императивными и точными. Закон дихотомичен – либо нуждаемость есть, либо ее нет. Однако без определения критериев нуждаемости, правоприменитель может завязнуть в бесконечных установлениях степени конкретных потребностей. Соответственно может открыться дорога к неопределенности и произволу, что совершенно недопустимо с государственных и социальных позиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Метлин Д. Г. Система пробации как составляющая обеспечения национальной безопасности // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 1 (97). С. 31–34.
2. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния: учеб. пособие;

М-во внутренних дел Рос. Федерации, Моск. ун-т, Рязан. фил.. – Рязань, 2005. – 71 с.

3. Бушуев И. С. К вопросу отнесения жизненной ситуации к категории трудной для реализации целей и задач института пробации в России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 9. С. 8–15. <https://www.doi.org/10.51522/2307-0382-2023-256-9-8-15>.

4. Мирошник С.В., Власова Т.В. Эволюция права и эманация права: понятие и сущность // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 7. С. 11 – 21. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.011-021 (www.doi.org).

5. Коновалов А.В. К вопросу о понятии принципов права // Lex russica. 2018. № 8. С. 81-87. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.141.8.081-087 (www.doi.org).

6. Алебастрова И.А. Фундаментальные принципы конституализма: понятие, система, эволюция, соотношение // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2114-2118.

7. Маленова А. Ю. Региональный круглый стол «Личность в трудных жизненных ситуациях: ресурсы и преодоление» // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2021. – № 4. – С. 78-84. – DOI: 10.24147/2410-6364.2021.4.78-84.

8. Мартыанова Г.Ю. Мотивационные факторы регуляторной активности субъекта в трудной жизненной ситуации // Системная психология и социология. 2014. № 2 (10). С. 81-88.

9. Преступность в Рязанской области и противодействие ей: криминологические и уголовно-правовые аспекты / Д. Е. Некрасов, Э. Ю. Бадальянц, Я. Г. Ищук [и др.]. – Рязань : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2012. – 228 с.

10. Сорокин В.В. Критика юридического формализма при толковании правовых актов // Юрислингвистика Legal Linguistics, 2023. № 28, с. 31-35. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)2805](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)2805).

THE PRINCIPLE OF TAKING INTO ACCOUNT INDIVIDUAL CHARACTERISTICS, CIRCUMSTANCES AND NEEDS IN FEDERAL PROBATION LEGISLATION

Pleshakov A.M., Tarasov M.Yu., Kraeva N.V.

In this article the components that make up the principle of taking into account individual characteristics, circumstances and needs for a person in relation to whom probation is applied are analyzed. The legal content of the category "individual neediness" and its relation to other principles and goals of correction of social behavior are considered. The dependence of the requirements of a person in need of support from government agencies on the circumstances necessary for a legal assessment of a difficult life situation and its consequences, which a person cannot overcome independently, is revealed. The social need of a particular person is analyzed depending on the

types of probation – executive, penitentiary and post-penitentiary. The directions necessary for the development of the methodology of criteria of individual need are determined.

Keywords: principle, category, needs, neediness, legal assessment.

УДК 343.01

К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Пяткова Оксана Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Санкт-Петербургского института (филиал) федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
г. Санкт-Петербург

E-mail: vladivostok.80@mail.ru

Горбатова Марина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Санкт-Петербургского института (филиала) федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
г. Санкт-Петербург

В статье обосновывается актуальность комплексного анализа преступности пожилых людей, как отдельного вида преступности. Лица пожилого возраста составляют наименьшую часть преступников всех возрастных групп, но учитывая, определенные социально-экономические изменения в обществе, в настоящее время отмечается рост преступности среди данной категории лиц.

Объект исследования направлен на изучение взаимосвязи между преступностью среди пожилых людей и социальными процессами, а также исследование эффективных профилактических мер, направленных на борьбу с этим явлением как в России, так и в зарубежных странах. Предмет исследования включает в себя анализ и выявление особенностей старческой преступности, а также выявление факторов, способствующих ее распространению. Немаловажным аспектом работы является анализ российского и зарубежного уголовного законодательства, регулирующего вопросы уголовной ответственности для лиц пожилого возраста.

На основе формально-догматического метода, в исследовании,

проведен анализ нормативно-правовых актов, которые регулируют деятельность субъектов предупреждения, как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах. Применение формально-логического метода предоставило возможность обосновать выводы, полученные в результате научного исследования, относительно необходимости эффективного предупреждения преступлений, совершаемых лицами преклонного возраста. Системный подход, примененный в данном исследовании, позволил изучить объект в единстве значительного количества взаимодействующих элементов. Качество данного объекта определяется не только совокупностью его составляющих элементов, но и характером взаимодействия между ними. Изучая причины и условия совершения преступлений лицами преклонного возраста, мы учитывали их физиологическое состояние, социальные и психологические особенности, состояние здоровья данных лиц, а также их личностные черты. Таким образом, исследование охватывает теоретические и практические аспекты предупреждения преступности лиц преклонного возраста.

Ключевые слова: возрастные особенности личности, преступление, проведение следственных действий, пожилые люди, старение, геронтология, старческая преступность, деменция, профилактика, специалист, преклонный возраст.

Преступность пожилых людей, существенно уступает преступности несовершеннолетних, но измерить актуальность изучения конкретного предмета и совершенствования его правового регулирования одними только количественными признаками невозможно.

Одной из выдающихся тенденций 21-го века является старение населения мира. В 2012 году 11,5% населения планеты были лица в возрасте 60 лет и старше, и ожидается, что к 2050 году этот показатель увеличится до 22%. Так, в развивающихся странах продолжительность жизни увеличивается с 68 лет (2010-2015) до 74 лет в 2045-2050 годах [7, с. 58-65].

Во всем мире темпы роста пожилого населения составляют 2,6% в год [13], это значительно быстрее, чем рост доля всего населения, которая оценивается в 1,1% в год [Старение населения мира, 1950-2050 годы. Резюме. [Электронный ресурс]. Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/russian/events/olderpers> (дата обращения: 14.11.2023)].

К 2050 году на земле будет 10 миллиардов человек по сравнению с 7,7 миллиардами сегодня — и многие из них будут жить дольше. В результате количество пожилых людей на 100 человек трудоспособного возраста почти утроится — с 20 в 1980 году до 58 в 2060 год [20].

По оценкам Всемирной организации здравоохранения, к 2024 году численность лиц старше 65 лет превысит численность лиц в возрасте до 15 лет в Европейском регионе ВОЗ [19]. Эта тенденция

означает новые социальные, экономические проблемы и проблемы здравоохранения, которые требуют сосредоточения внимания на здоровом старении для смягчения последствий старения населения.

Например, Япония – это страна со старейшим населением, $\frac{1}{3}$ граждан уже старше 65 лет. Ожидается, что к 2030 году численность рабочей силы в стране сократится на 8 миллионов человек, что приведет к серьезной потенциальной нехватке рабочей силы. В другом примере, хотя население Южной Кореи в настоящее время моложе среднего, оно будет быстро стареть и в конечном итоге достигнет высокого соотношения пожилых и молодых среди развитых стран.

Приведенные выше данные дают основание для вывода о постоянном и неуклонном старении населения. Столь значительное увеличение числа пожилых людей имеет серьезные демографические и социально-экономические последствия, а также влияет на совершение преступлений, т.е. сказывается на ее количественных показателях. В экономической сфере старение населения приводит к увеличению доли людей старше 45 лет. Пожилые люди способны сохранять трудовую активность до 80 лет, но после этого возраста она резко падает. Трудовая активность высока в первые пять лет после выхода на пенсию, как у мужчин и женщин, но затем наблюдается значительное снижение.

В этой связи представляется актуальным рассмотреть возможные меры по оптимизации и совершенствованию программ, направленных на предупреждение негативных последствий старения рабочей силы среди лиц данной возрастной категории. Мы не ставили себе цель определить, с какого возраста следует считать лицо, совершившее преступление, пожилым или престарелым, поскольку разные преступления совершаются разными людьми, независимо от возраста. Поэтому предложить единый подход для классификации лиц, как пожилых или престарелых, в контексте преступности затруднительно [8, с. 189–206].

В отчетности Верховного суда России выделяются возрастные группы, и одна из них, включает – лица старше 50 лет. Однако, статистические данные о динамике преступности внутри указанной возрастной группы, например, среди лиц предпенсионного и пенсионного возраста – отсутствуют. Это связано с тем, что большой временной промежуток не позволяет эффективно исследовать влияние возраста на количественные показатели и структуру преступности лиц старшего возраста [1, с. 10-25].

Так, анализируя отчетность Верховного суда России о состоянии преступности пожилых людей в России за 2022 год, выявлено, что доля лиц старше 50 лет, составила более 10% от общего числа осужденных. Так, общее количество осужденных за 2022 год достигло 578 751 человек, из которых 61 655 (10,65%) составили люди старше 50 лет. Следует отметить, что среди них:

- Мужчины старше 60 лет – 13 341 человек.
- Женщины старше 55 лет – 5 945 человек.

Эти данные подчеркивают необходимость более глубокого анализа преступлений, совершаемых представителями старшего

возраста, и влияние этого аспекта на устойчивость правопорядка и реабилитацию пожилых людей.

Все чаще среди осужденных, встречаются лица старше 70 и даже 80 лет, к которым перемещается наказание лишение свободы [Преступность переходит в зрелость. Верховный суд обнародовал статистику по приговорам за прошлый год [Электронный ресурс]: ОБЩЕСТВО. ГАЗЕТА № 055 (3725) (2004). Официальный сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/04/20/644010229a79475029c370d5>.]. Такая статистика демонстрируется впервые за последние 10 лет.

Уровень преступности среди пожилых людей растет не только в России, но и в Великобритании и других странах Европы, Азии, добавляя тревожность к проблеме старения населения [17, с. 85-106].

Так, например, в Южной Корее количество преступлений, совершенных престарелыми в возрасте 65 лет и старше, выросло за три года с 2011 по 2013 год на 12,2 % [27]. Рост преступности среди пожилых людей продолжает расти, с учетом демографических изменений, так число пожилых корейцев достигнет 6,62 миллиона, а в 2020 году, по прогнозам, эта цифра превысит 8 миллионов. Если ситуация меняться не будет, то к 2026 году Корея превратится в общество «super-aged» (оставили данный термин в оригинале, т.к. в России понятия «сверх», «супер» старый не используется), где более чем каждый пятый житель старше 65 лет.

В Японии преступность людей старше 65 лет также увеличилась с 2003 по 2013 год, причем на пожилых людей приходится больше краж из магазинов, чем на подростков. Число уголовных преступлений, совершенных лицами в возрасте 65 лет и старше, достигло 48 544 в 2012 году, при этом, по данным Национального агентства полиции, на кражи в магазинах приходится 59 процентов, при чем общая преступность в Японии фактически снизилась на 17% за последнее десятилетие [28].

В Нидерландах на 2010 год, выявлен резкий рост числа арестов и тюремного заключения пожилых людей. А в Лондоне полиция сообщает, что число арестов людей в возрасте 65 лет и старше выросло на 10 процентов с марта 2009 по март 2014 года, в то время как число арестов лиц моложе 65 лет сократилось на 24 процента [15]. На протяжении большей части последнего десятилетия число пожилых заключенных британских тюрем росло более чем в три раза быстрее, чем общее число заключенных в тюрьмах [14].

Нам представляется интересным опыт в уголовно-правовой системе Англии и Уэльса, где меры защиты прав престарелых людей от жестокого обращения со стороны полиции и других должностных лиц системы уголовного правосудия, предусмотрены в различных Кодексах практики (Police and Criminal Evidence Act 1984 (PACE) codes of practice) [The Police and Criminal Evidence Act 1984 codes of practice regulate police powers and protect public rights (2023, December 20). Retrieved from <https://www.gov.uk/guidance/police-and-criminal-evidence-act-1984-pace-codes-of-practice#full-publication-update-history>. <https://www.gov.uk/government/publications/pace-code-d-2023/pace-code-d-2023-accessible>]. Данные гарантии прав в первую очередь

направлены, для пожилых людей, подозреваемых в совершении преступлений, особенно те, кто, возможно, не в полной мере обладает «умственными способностями» (п. 2.12 «mentally disordered or otherwise mentally vulnerable person is only valid if given in the presence of the appropriate adult» нами переведен, как «для лиц с психическими расстройствами или иных психически уязвимых лиц допуск действителен, только в том случае, если он предоставляется в присутствии соответствующего взрослого») [The Police and Criminal Evidence Act 1984 codes of practice regulate police powers and protect public rights (2023, December 20)].

В уголовно-правовой системе Англии, предупреждение становится все более важным методом, используемым для предупреждения правонарушителей от тесного взаимодействия с системой уголовного правосудия, как альтернатива «судебному преследованию», т.е. расследования преступления и применения мер пресечения, связанных с ограничением свободы, вынесения обвинительного приговора, связанного с реальным отбыванием наказания (тюремным заключением).

Так, в Англии и Уэльсе согласно Кодексу практики вынесения условных предупреждений существует предостережения: простое предостережение для совершеннолетних правонарушителей и условное предостережение [The Conditional Cautioning Code of Practice (Criminal Justice Act 2003, part 3). Retrieved from <https://www.gov.uk/government/publications/code-of-practice-for-adult-conditional-cautions>].

Для вынесения простого предостережения в отношении лица, необходимо соблюдение нескольких условий, во-первых, впервые совершено преступление, во-вторых, небольшой тяжести, что влечет за собой, отсутствие дальнейшего преследования со стороны системы правосудия, в-третьих, должен также признаться в совершении преступного деяния. При этом должны соблюдаться одни и те же процедуры вынесения предостережения независимо от характеристик лица, которому выносится предостережение.

Кодекс практики вынесения условных предупреждений (часть 3 Закона об уголовном правосудии 2003 года) допускает вынесение предостережения с указанием условий, установленных судом, которые он должен выполнить, как разновидность неофициального испытательного срока, и если лицо не нарушает условия, запись о вынесении обвинительного приговора отсутствует.

Вынесения предостережения (предупреждения) является важной альтернативной процессу отправления правосудия для пожилых правонарушителей, особенно для кто совершил преступление впервые. Так, Рори Филд, считает, что пожилые люди совершают преступления по целому ряду причин.

Иногда пожилые преступники могут совершать преступления «по нужде», как в случаях, когда они крадут еду, потому что они голодны. В других случаях правонарушение может быть чем-то вроде простого рукоприкладства, при котором не причиняется вреда, возможно, в

результате мелкой ссоры. Некоторые пожилые люди теряют способность контролировать свои эмоции или чрезмерно остро реагируют, если у них проблемы с психическим здоровьем, и в результате могут совершить нападение на ребенка, члена семьи, опекуна или близких друзей, о котором они, возможно, даже не задумывались в тот период своей жизни, когда были полностью психически здоровы. Пожилые правонарушители также могут совершать преступления из-за незнания изменений в законодательстве [26, с. 64-65]. По мере изменения общества меняются социальные нормы поведения, а также появляются новые законы и нормативные акты, регулирующие поведение граждан.

Пожилые люди часто могут не успевать за меняющимися общественными нравами и сопутствующими им правилами и могут продолжать вести себя так, что в прошлом это не обязательно было нарушением или преступным деянием. Таким образом, в Англии и Уэльсе предусмотрена возможность скорректировать свое поведение без получения судимости, при этом очень интересно дополнение: «будет важна для пожилых людей, особенно для тех, кто гордится тем, что они законопослушные граждане». При этом на наш взгляд, заслуживает внимание, также практика вынесения обвинительного приговора «пожилому» преступнику («the Elderly Offender») [26, с. 68-69].

При совершении незначительной кражи, вынесение сурового приговора не будет отвечать общественным интересам. Судья при вынесении приговора должен проанализировать все обстоятельства дела (личность виновного, его состояние здоровья), и учесть, что если не будут приняты какие-либо карательные меры, а преступник не собирается прекращать преступное поведение, то продолжение такого поведения недопустимо, т.е. риск заключается в том, что правонарушение может усугубиться, а вред обществу может стать более масштабным. Поэтому в английской системе правосудия существует концепция, называемая «Неспособный к преступлению» [19] («*doli incapax*» (*incapable of crime*)), которая используется в правовой системе, когда речь идет о детях. (Так, в Англии и Уэльсе возраст наступления уголовной ответственности составляет 10 лет. Предполагается, что дети младше этого возраста являются *doli incapax* (неспособными к совершению преступлений), поскольку они слишком малы, чтобы отличать добро от зла, и не могут нести ответственность за свои действия. Ранее, *Doli incapax* означал, что дети в возрасте от 10 до 14 лет считались неспособными к совершению преступлений, если только обвинение не могло доказать (вне разумных сомнений), что ребенок знал, что-то, что он делает, было серьезно неправильным, а не непослушным или озорничающим. Предполагалось, что дети младше 14 лет не привлекаются к уголовной ответственности, если они не понимают серьезности своего проступка. «*Doli incapax*» защитил некоторых детей, совершивших мелкие правонарушения, где разница между серьезным проступком и непослушным поведением может быть менее четкой в сознании некоторых детей. Но эта доктрина была отменена в Англии и уэльсе в 1998 году (*Crime and Disorder Act 1998*, Section 34) в результате чего возраст привлечения к уголовной

ответственности составляет десять лет, что является самым низким показателем в Европе.)

По своей природе это произвольное понятие, ориентированное на возраст человека, а не на конкретное субъективное понимание отдельного ребенка. Поэтому предлагается данную концепцию применять и к пожилым обвиняемым, которые достигают определенного возраста, когда практически нет шансов на то, что судебное преследование когда-либо будет осуществлено [26, с. 68-69].

Согласно российскому законодательству, в каждом конкретном случае привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего преступление в пожилом возрасте, необходимо обращать особое внимание на состояние его здоровья, прежде всего психического. Следует отметить, что наличие пожилого возраста автоматически не приводит к признанию ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ) или невменяемости (ст. 21 УК РФ). В контексте лиц пожилого возраста можно говорить о презумпции вменяемости на момент совершения преступления, если не будет представлено доказательств обратного [8, с.189-206].

Анализ опыта зарубежных стран дает нам возможность сформулировать ряд рекомендаций по профилактике и предупреждению преступности пожилых людей.

1. Законодательство о защите прав пожилых людей должно быть усовершенствовано. На наш взгляд, огромную помощь следователю при установлении причин и условий, способствующих совершению преступлений, может оказать специалист.

В соответствии с ч. 2 ст. 73 УПК РФ «обстоятельства, способствовавшие совершению преступления», т.е. деятельность по выявлению, изучению и устранению причин преступности пожилых людей и по предупреждению ее входят в предмет доказывания по уголовному делу, они подлежат выявлению вне зависимости от квалификации преступления и обстоятельств его совершения. Мы предлагаем, по аналогии с несовершеннолетними, закрепить в нормах УПК РФ участие специалиста-психолога [11, с. 47-95] (врача, сотрудника социальной службы) при производстве следственных действия, в каждом случае привлечения к уголовной ответственности пожилого лица. Специалист, должен по поручению следователя проводить обследование с помощью специальной анкеты условий жизни, состояния здоровья, работы (если она есть) и быта обвиняемого.

На наш взгляд, заслуживает внимание предложение ряда ученых, о внесении в УПК РФ норм об обязательном участии врача-психиатра при проведении следственных действий в отношении пожилых людей старше 50 лет для определения физического и психического состояния.

А при направлении на амбулаторную комиссионную судебно-психиатрическую экспертизу лица, совершившего преступление (старше 50 лет), перечень необходимых вопросов, поставленных на разрешение экспертам, при проведении данного вида экспертизы, корректировать и дополнять с учетом индивидуальных особенностей личности, например: «Есть ли у подозреваемого (обвиняемого)

возрастные особенности, влияющие на его физическое и психическое здоровье? Не могли ли данные изменения повлиять на совершение противоправного деяния? Когда произошли данные возрастные изменения и могут ли они повлиять на способность понимать свои действия, защищать свои права и законные интересы? Могло ли или может ли измениться отношение к вышеуказанному преступлению у подозреваемого (обвиняемого) в связи с возрастными изменениями» [3, с. 204-209]?

Так, проведенный анализ А.В. Голенковым [2, с. 17-22], шести историй болезней пациентов пожилого возраста с деменцией (пять мужчин и одна женщина в возрасте от 60 до 80 лет), совершивших убийство, взятых из репрезентативной выборки из 488 случаев, а также анализ зарубежных исследователей, выявил связь между шизофренией / бредовым расстройством и использованием острых инструментов в качестве способа убийства. Четыре из девяти исследований выявили связь между расстройствами настроения (биполярным расстройством / глубокой депрессией) и таким способом совершения преступления, как, удушением/асфиксией/ задоханием/утоплением. Кроме того, в пяти случаях из 6 историй болезней, ведущим психопатологическим механизмом общественно опасных деяний являлась интеллектуальная несостоятельность. Так, например, 81-летний мужчина, страдающий деменцией, зарезал свою 77-летнюю жену [В Красноярском крае пенсионер с деменцией убил жену и забыл об этом. // URL: <https://sm.news/news/20240212/637477/>. (дата обращения: 25.02.2024)], а затем полностью забыл о содеянном. Согласно ретроспективному обзору медицинских записей, проведенному центром памяти и старения в Калифорнии [22], пациенты с поведенческим вариантом лобно-височной деменции, чаще совершали преступления, чем пациенты с болезнью Альцгеймера [16].

Мы разделяем мнение автора, о необходимости создания специализированных служб гериатрической судебной психиатрии, так как в отдельных случаях требуется установить взаимосвязь между психиатрическими и когнитивными факторами у лиц с деменцией, совершивших преступления. Кроме того, ранее нами уже высказывалось предложение об участии специалиста при производстве допроса обвинявшего (подозреваемого) на подготовительной стадии, в форме консультационной или справочной [11].

При этом, в аспекте консультационной деятельности, мы предлагаем приглашать специалиста в области социальной геронтологии – социального работника, который может оказать помощь следователю в формулировке круга вопросов, выяснение которых необходимо в ходе допроса. Работа с пожилыми людьми требует особого подхода, учитывающего их биологические и психологические особенности.

Во-первых, социальные работники, специализирующиеся в геронтологии, должны быть хорошо осведомлены о социально-психологических особенностях пожилых людей, а также о характерных медицинских проблемах, с которыми они могут сталкиваться. Это

знание поможет следователям правильно формулировать вопросы и интерпретировать ответы.

Во-вторых, учитывая, что пожилые люди могут испытывать трудности в восприятии и передаче информации, необходимо использовать специализированные подходы в общении. Сложность заключается в том, что учесть все особенности восприятия, сохранения и передачи информации указанными субъектами, практически не возможно, а следовательно, предполагаемый круг вопросов, в большинстве случаев, будет недостаточен.

Это включает, но не ограничивается:

1) Избеганием профессиональных терминов: речь следователя должна быть доступной и понятной для пожилого человека.

2) Структура общения: помощь социального работника следователю в использовании тех характеристик и описаний, которые употребляет пожилой человек;

3) Рекомендуются придерживаться краткости и точности в формулировках, что поможет сосредоточить внимание пожилого человека на сути вопросов. Структурированные и простые вопросы также способствуют более продуктивному диалогу [12].

4) Создание комфортной атмосферы: понимание эмоционального состояния пожилого человека и создание доверительной обстановки могут существенно повлиять на качество полученной информации. Справочная деятельность специалиста, предполагает предоставление информации справочного характера, в случаях, где имеются проблемы в психическом здоровье клиента, ментальные отклонения и дефекты. Так, центральный элемент организационно-методической работы социального работника с пожилыми людьми строится на «коммуникативном мастерстве», на уважении, эмпатии и теплоте.

Подобный междисциплинарный подход может значительно повысить качество допросов и обеспечить более полное понимание обстоятельств дела.

Хотя, имеющая на сегодня практика, свидетельствует, что лица, совершающие преступление в пожилом возрасте, имеют такие же права и несут такую же ответственность, как и лица старше 18 лет, т.е. «право на справедливое судебное разбирательство в равной мере гарантируется всем лицам, привлекаемым к уголовной ответственности, в том числе достигшим пожилого возраста, который сам по себе не создает препятствий в пользовании правами, но может быть принят во внимание – исходя из объективных и субъективных факторов, с ним связанных, – при законодательном регулировании уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2017 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Д. Лабусова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2017. № 4.]

2. Необходимо больше внимания уделить проблемам пожилых людей, чтобы заблаговременно узнавая о трудностях, помогать им, учитывая, что старшее поколение находится в таком периоде жизни, который называют постпрофессиональным, что порождает множество проблем – экономических, психологических, медицинских, бытовых, социальных и т.д. Для этого социальные учреждения должны активно работать с пожилыми людьми и помогать им обрести уверенность в себе, самоудовлетворение и чувство собственной значимости. Это будет способствовать снижению вероятности совершения пожилыми людьми насильственных преступлений. Также следует организовывать больше общественных мероприятий для пожилых людей и приглашать их к участию, помогая им обрести уверенность и удовлетворение от социальной жизни.

3. Для решения экономических проблем стареющего населения могут быть приняты многочисленные политические инициативы. Благополучие пожилых людей определяется их социальным и экономическим статусом, и поэтому поощрение пожилых людей к продолжительной трудовой жизни, вероятно, будет эффективным способом повышения их финансовой безопасности [18, с. 163-175]. Благодаря достижениям науки и техники 60-летний человек больше не считается «пожилым», и есть больше возможностей оставаться активным в составе рабочей силы после этого возраста [25, с. 142].

Например, одно из наиболее распространенных решений заключается в продлении периода, в течение которого пожилые люди остаются частью рабочей силы. Эти политические инициативы уже были опробованы во многих развитых странах, и они демонстрируют определенный уровень успеха в зависимости от местных условий [23, с. 185-187]. Реализуя такую политику должны учитываться интересы и барьеры всех вовлеченных сторон: работодателей, пожилых работников и остальных работников. Одной из перспективных стратегий включает в себя разработку и внедрение гибких вариантов работы, таких как удаленная работа и контракты с частичной занятостью; расширение программ обучения для пожилых людей, с продвижением программ онлайн-обучения для повышения возможностей трудоустройства пожилых работников в секторах, основанных на технологиях, и постепенный переход пожилых людей на более подходящие рабочие места [24].

4. Инновационные социальные эксперименты в этом направлении появляются по всему миру: в Соединенных Штатах они включают виртуальные и неvirtуальные сети общественной поддержки пожилых людей [21, с. 293-316]; в израильской Галилее семинары способствуют развитию предпринимательства в малом бизнесе в пенсионные годы; в Кашиве и Фукуи, Япония, социальные инновации расширяют доступ к медицинскому обслуживанию и помогают пожилым людям оставаться социально связанными и физически мобильными. Аюрведические клубы смеха в Индии и Общественные сады Гарлема, Нью-Йорк, США, являются формами «краудсорсинга» (краудсорсинг (от crowd – толпа и sourcing – использование или

привлечение ресурсов) – привлечение к решению тех или иных проблем инновационной производственной деятельности широкого круга лиц для использования их творческих способностей, знаний и опыта по типу субподрядной работы на добровольных началах с применением информационных технологий. Существуют технологии для пожилых людей, которые позволяют и облегчают добровольный вклад в развитие общества, не выходя из дома, за счет компьютерных технологий (в мировой практике), позволяют выполнять работы из дома [9], и представляют собой огромные возможности для пожилых людей) [10], практики, которая создает сильное чувство эмоционального и физического благополучия у всех участников, независимо от их возраста. Краудсорсинг представляет собой возможную модель для создания функциональных сообществ пожилых людей или представителей разных поколений.

5. По мере изменения численности населения и его старения программы здравоохранения должны включать инновационные решения и технологии. Рост численности населения и урбанизация могут влиять на структуру заболеваний, при этом инфекционные заболевания быстрее распространяются в густонаселенных районах, что требует эффективных мер Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека за заболеваниями и борьбы с ними. На наш взгляд, платформы телемедицины и цифрового здравоохранения [О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации № 254 от 6 июня 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/c6zjQF82Y5ZKwoEiziMVNZY76MgZS9XI.pdf> (дата обращения 9.12.2023).] в рамках национальной политики по решению проблем, связанных со здоровьем, пожилого населения могут восполнить пробелы в доступе к медицинскому обслуживанию, особенно в сельской местности и районах с недостаточным уровнем обслуживания, улучшая оказание медицинской помощи и результаты лечения пациентов. Для достижения эффективности стратегии развития цифровизации здравоохранения невозможно без совершенствования системы государственной поддержки и государственного регулирования в сфере медицинских услуг, т.к. уровень телемедицины и удаленного мониторинга пациента зависит от развития технологии «интернет вещей» и всеобщей сетевой доступности, развития устройств для удаленного мониторинга и электронных медкарт (технологии BigData) [6, с. 36–47].

6. Формируется и активно развивается социальная геронтология как учение о деятельности по адаптации лиц пожилого возраста к новым условиям жизни, обусловленным их социальным статусам [5, с. 52-53]. Заслуживает внимание, проведенное П.А. Кабановым исследование негативных последствий современной российской преступности для лиц пожилого возраста (мужчин старше 60 лет и женщин старше 55 лет), отраженные в официальной ведомственной виктимологической статистике МВД Российской Федерации [4, с. 9-17].

Так, стратегия по предотвращению преступлений пожилых людей, должна включать просвещение, гарантирующее, что у пожилых людей повысится уровень правосознания и моральные ориентиры. Социальные и общественные организации должны регулярно проводить лекции или мероприятия по правовым знаниям и поощрять участие пожилых людей в этих мероприятиях, чтобы повысить их правосознание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбарин А.А. Уголовно-правовая дифференциация возраста: монография. Москва: Высшая школа, 2009. 251 с.
2. Голенков А.В., Степанова А.А. Убийства среди лиц пожилого возраста с деменцией // Научное обозрение. Медицинские науки. 2023. № 6. С. 17-22.
3. Земскова К.В. Современное состояние преступности несовершеннолетних и пожилых лиц: влияние возрастных особенностей личности на проведение следственных действий с их участием // Молодой ученый. 2020. № 51 (341). С. 204-209. URL: <https://moluch.ru/archive/341/76774/> (дата обращения: 17.03.2024).
4. Кабанов П.А. Жертвы российской преступности: геронтологический аспект (криминологический анализ виктимологической статистики за 2014-2015 гг.) // Виктимология. 2016. №1 (7). С. 9-17.
5. Каспрук Л.И., Бегун Д. Н., Жакупова Г.Т., Снасапова Д.М. Некоторые актуальные аспекты социальной геронтологии // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. С. 52-53.
6. Морозова Ю.А. Цифровая трансформация российского здравоохранения как фактор развития отрасли // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 2. С. 36-47. DOI: 10.25198/2077- 7175-2020-2-36.
7. Пономарева Н.Н. Процесс демографического старения: сущность, особенности и последствия в странах мира. Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2013. – 6 (16). С. 58-65.
8. Рахманова Е.Н. Уголовно-правовое значение пожилого возраста лица, совершившего преступление // Правосудие. 2020. Т. 2, № 1. С. 189-206. DOI: 10.37399/ issn2686-9241.2020.1.189-206.
9. Сафиуллин М.Р., Бурганов Р.Т., Бурганова А.Р. (2022) Краудсорсинг как новый драйвер цифровой экономики и инструмент гармонизации интересов участников. Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Т. 38. Вып. 1. С. 85-112. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2022.104>.
10. Таран Е.А., Касати Ф. Краудсорсинговые технологии для укрепления жизнестойкости пожилых людей // Цифровая экономика, умные инновации и технологии : Сборник трудов Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции с зарубежным участием, Санкт-Петербург, 18-20 апреля 2021 года. Санкт-Петербург:

ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. С. 628-630. DOI 10.18720/IEP/2021.1/202. – EDN IPPHLL.

11. Теория и практика применения специальных знаний в современном уголовном судопроизводстве / О.В. Полещук, С.В. Саксин, В.В. Яровенко. Москва: Юрлитинформ, 2007. 232с.

12. Хисматуллина З.Н. Организационно-методическая и социальная работа с пожилыми и старыми людьми // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/>. (дата обращения: 14.12.2023).

13. Щербакова Е. Доля населения мира 60 лет и старше составляла 11 %, в 2050 году она поднимется до 22 %, медианный возраст повысится с 30 до 38 лет. – Демоскоп Weecly. № 531– 532. 12–25 ноября 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения: 14.11.2023).

14. By 2024, the 65-and-over age group will outnumber the youth group: new WHO report on healthy ageing. (2023, October 11). The World Health Assembly. Retrieved from <https://www.who.int/europe/news/>.

15. Matlack, C. (2015, May 28). Instead of Playing Golf, the World's Elderly Are Staging Heists and Robbing Banks. Loneliness and poverty are two factors blamed for increased criminal activity among senior citizens. Bloomberg L.P. Retrieved from <https://www.bloomberg.com>.

16. Ekström, A., & Kristiansson, M. & Björkstén, K.S. (2017). Demena and cognitive disorder identified at a forensic psychiatric examination – a study from Sweden. *BMC Geriatr*, 17 (1), 219. DOI: 10.1186/s12877-017-0614-1.

17. Kratcoski, P.C, & Edelbacher, M. (2018). *Perspectives on elderly crime and victimization*. Crime Prevention and Justice in 2030: The UN and the Universal Declaration of Human Rights. doi.org/10.1007/978-3-319-72682-3.

18. Carmichael, F., & Ercolani Marco, G. (2015). Age-training gaps across the European Union: How and why they vary across member states. *The Journal of the Economics of Ageing*, 6, 163-175. doi.org/10.1016/j.jeoa.2015.04.002.

19. Pierpoint, Harriet (2021, November 17). Why ten-year-old children should not be held criminally responsible. The Conversation. Retrieved from <https://theconversation.com>.

20. Jones, K. (2020, January 15). The Problem of an Aging Global Population, Shown by Country. Visual Capitalist. Retrieved from <https://www.visualcapitalist.com>.

21. Lehning A., & Scharlach A., & Wolf J. P. (2012). An emerging Typology of Community Aging Initiatives. *Journal of Community Practice*, 20 (3), 293-316. doi: 10.1080/10705422.2012.700175.

22. Liljegren, M, & Naasan, G., & Temlett, J., & Perry, D.C., & Rankin, K.P., & Merrilees, J., & Grinberg, L.T., & Seeley, W.W., & Englund, E., & Miller, B.L. (2015). Criminal behavior in frontotemporal dementia and Alzheimer disease. *JAMA Neurol*. 72(3), 295-300. doi: 10.1001/jamaneurol.2014.3781.

23. Sander, M., & Oxlund, B., & Jespersen, A., & Krasnik, A., & Mortensen, E.L., & Westendorp, R.G., & Rasmussen, L.J. (2015, March). The

challenges of human population ageing. *Age Ageing*, 44(2), 185-7. doi: 10.1093/ageing/afu189.

24. Nagarajan, N.R., & Sixsmith, A. (2023). Policy Initiatives to Address the Challenges of an Older Population in the Workforce. *Ageing Int*, 48 (1), 41-77. doi: 10.1007/s12126-021-09442-w. PMID: 34465930; PMCID: PMC8390542.

25. Radovic-Markovic, M. (2013) An aging workforce: Employment opportunities and obstacles. *Cadmus*, 6 (1), part 1. Retrieved from <https://cadmusjournal.org/node/312>.

26. Field, R. (2018) The Elderly and Crime in England and Wales. In Kratcoski, P.C, & Edelbacher, M. (Eds.), *Perspectives on elderly Crime and Victimization*. (chapter 4, pp. 61-79). DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-72682-3>.

27. Surging elderly crimes. (2015). *Koreatimes*. Retrieved from http://www.koreatimes.co.kr/www/news/opinion/2015/05/202_178738.html.

28. Nohara, Y., & Sharp, A. (2013) Japan's Elderly Go on a Petty Crime Spree. For many, benefits aren't enough, families are gone, and hunger hurts. *Bloomberg L.P.* Retrieved from <https://www.bloomberg.com/>.

ON THE ISSUE OF CRIME PREVENTION FOR THE ELDERLY

Pyatkova O.V., Gorbatova M.A.

The article substantiates the relevance of a comprehensive analysis of the crime of the elderly as a separate type of crime. The object of the research is aimed at studying the relationship between crime among the elderly and social processes, as well as the study of effective preventive measures aimed at combating this phenomenon both in Russia and in other countries of the world. The subject of the study includes the analysis and identification of the characteristics of senile crime, as well as the identification of factors contributing to its spread.

An important aspect of the work is the analysis of Russian and foreign criminal legislation regulating issues of criminal liability for the elderly. Based on the formal dogmatic method, the study analyzes the normative legal acts that regulate the activities of subjects of prevention, both in the Russian Federation and in foreign countries. The use of the formal logical method provided an opportunity to substantiate the conclusions obtained as a result of scientific research regarding the need for effective prevention of crimes committed by elderly people. The systematic approach applied in this study made it possible to study the object in the unity of a significant number of interacting elements. The quality of a given object is determined not only by the totality of its constituent elements, but also by the nature of the interaction between them. Studying the causes and conditions of crimes committed by elderly people, we took into account their physiological state, social and psychological characteristics, the state of health of these persons, as well as their personality traits. Thus, the study covers the theoretical and practical aspects of crime prevention for the elderly.

Keywords: age-related personality traits, crime, investigative actions, the elderly, aging, gerontology, senile crime, dementia, prevention, specialist, old age.

УДК 76.01.09

ОСОБЕННОСТИ АНАГЕНЕЗА ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА НЕОКАЗАНИЕ, НЕПРАВИЛЬНОЕ ОКАЗАНИЕ ПАЦИЕНТУ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Черенкова Мария Германовна

Аспирант Московского гуманитарного университета,
Россия, г. Москва,

E-mail: mx2100287@oulook.com

В данной статье рассмотрим особенности развития в отечественном уголовном праве норм, устанавливающих меры ответственности, применяемые в отношении медицинских работников, которые отказали больному в предоставлении необходимой профессиональной медицинской помощи. Непредоставление медицинской помощи, предоставление некачественной или несвоевременной медицинской помощи существенно нарушает естественные права человека, наиболее ценными из которых общепризнаны права на жизнь и здоровье. Эти права являются неотъемлемой частью практически всех этических и правовых систем. Они широко дискутировались в правовой и философской литературе в течение многих веков, их официальное закрепление на уровне как национального, так и международного права только в середине XX в. Законодатели более ранних исторических периодов не имели такой

легальной основы для создания правовых норм, регулирующих возможность уголовного преследования медицинских работников, действиями которых был причинен ущерб жизни и здоровью пациента, однако действовали в четком соответствии с морально-этическими представлениями о непреходящей ценности жизни и здоровья человека. Соответственно, их понимание сущности правоотношений в рассматриваемой сфере существенным образом не отличалось от современного подхода – определенная разница наблюдалась лишь в обосновании оснований ответственности.

Ключевые слова: Государственное регулирование, анагенез, медицинская наука, медицинская помощь, нормативно-правовые акты, оказание помощи, преступления врачей, система здравоохранения, уголовный кодекс, уголовное законодательство, объективная сторона совершения медицинского преступления.

Рассмотрим особенности развития в отечественном уголовном праве норм, устанавливающих меры ответственности, применяемые в отношении медицинских работников, которые отказали больному в предоставлении необходимой профессиональной медицинской помощи.

Непредоставление медицинской помощи, предоставление некачественной или несвоевременной медицинской помощи существенно нарушает естественные права человека, наиболее ценными из которых общепризнаны права на жизнь и здоровье.

Эти права являются неотъемлемой частью практически всех этических и правовых систем. Они широко дискутировались в правовой и философской литературе в течение многих веков, их официальное закрепление на уровне как национального, так и международного права только в середине XX в.

Законодатели более ранних исторических периодов не имели такой легальной основы для создания правовых норм, регулирующих возможность уголовного преследования медицинских работников, действиями которых был причинен ущерб жизни и здоровью пациента, однако действовали в четком соответствии с морально-этическими представлениями о непреходящей ценности жизни и здоровья человека.

Соответственно, их понимание сущности правоотношений в рассматриваемой сфере существенным образом не отличалось от современного подхода – определенная разница наблюдалась лишь в обосновании оснований ответственности.

Сегодня приводящие к преступному результату в виде ухудшения здоровья пациента или наступления летального исхода лечения деяния, совершаемые профессиональными медицинскими работниками, по своему содержанию не имеют существенных отличий от деяний, запрещенных предшествующими уголовными законами. В то же время в сопоставлении с правовой регламентацией данных правоотношений в предшествующих исторических периодах, могут оценены как более четко оформленные и более совершенные с точки зрения используемой

юридический техники. Они получили более детальную нормативную проработку. В настоящее время все медицинские преступления квалифицируются в качестве неосторожных преступлений или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности в профессиональной сфере.

Так, к примеру, в соответствии с действующим уголовным законом подлежит уголовному преследованию по ст. 124 «Неоказание помощи больному» или ст. 238 «Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» или ст. 109 «Причинение смерти по неосторожности» действующего УК РФ лицо, обязанное оказывать на профессиональной основе помощь больным на основании закона или специального правила, и не выполнившие данную обязанность. Такой врач совершает профессиональное правонарушение, которое признавалось таковым на протяжении всей известной истории и запрещалось как этикой, так и правом.

Анагенез развитие законодательства постепенно привело к более четкому выделению признаков состава преступления, которые лежат в основе современного правовой регламентации порядка привлечения к уголовной ответственности за данный вид уголовно наказуемых правонарушений.

Интересным представляется проанализировать историческую эволюцию воззрений государства и общества на отказ врача в предоставлении медицинской помощи пациенту, нуждающемуся в ней. Этот аспект врачебной деятельности традиционно базируется на требованиях норм медицинской деонтологии, то есть совокупности обязательных к выполнению профессиональным врачом этических норм при выполнении им возложенных законом и правилами профессиональных обязанностей, включая общеизвестный принцип «не навреди».

Соблюдения этических норм в деятельности медицинского работника в принципе достаточно для того, чтобы не были нарушены универсальные нематериальные права пациента на жизнь и здоровье. Однако, не каждый медицинский работник в каждый момент оказания медицинской помощи в полной мере соблюдает этические нормы. Значительные нарушения ведут к проявлению общественно опасных последствий и расцениваются как преступления, поэтому имеет место необходимость в уголовно-правовой защите прав пациента. Именно по этой причине исторически определенная часть взаимоотношений врача с пациентом урегулирована посредством установления уголовно-правовых норм. Наиболее строгая ответственность за допущенные врачом правонарушения в виде неоказания медицинской помощи больному наступает в виде уголовной ответственности и назначения соответствующего уголовного наказания.

Объективная сторона совершения медицинского преступления может быть достаточно разнообразна, и на практике может быть реализована разными способами.

Преступное деяние совершается как устный, письменный или фактический отказ от посещения больного, от оказания медицинской

помощи больному, в ней нуждающемуся. По своему, содержанию оно является разновидностью преступного бездействия. Чаще всего поведение состоит в совершаемой без уважительных причин неявке врача по месту нахождения больного, несмотря на наличие вызова (приглашения).

Нормативное закрепление оснований привлечения к уголовной ответственности медицинских работников, не исполнивших профессиональный долг, путем неявки по приглашению к пациенту, который нуждается в медицинской помощи и соответствующее правовое оформление получило в Российской Империи в XVIII в., а отчетливое нормативное регулирование сложилось к середине XIX в. Оно было достаточно проработанным и в определенной мере даже избыточным.

Так, изначально в тексте Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845) выделены две самостоятельные статьи – ст. ст. 1084 и 1997, в которых законодателем были урегулированы два состава преступления, которые имели значительное сходство, и установивших основания уголовной ответственности за отказ в оказании пациенту медицинской помощи. Позднее, в редакции указанного Уложения, опубликованной в 1885 году те же самые нормы вновь вошли под номерами соответственно 872 и 1522, при этом содержание этих статей было существенно доработано законодателем.

Следует отметить, что непосредственно перед принятием нового Уложения (1903), в течение 1900–1902 гг. на систематической основе Санкт-Петербургское врачебное общество взаимной помощи, возглавляемое председателем – лейб-медиком Е. С. Боткиным, проводилась широкая научная и общественная дискуссия, в рамках которой рассматривались вопросы, связанные со способами уголовно-правовой регламентации ответственности за совершение медицинских преступлений. Одним из наиболее активно рассматриваемых вопросов было обсуждение возможных изменений в формулировках ст. ст. 872 и 1522, действующего на тот момент Уложения о наказаниях (в редакции 1885). Еще одной наиболее обсуждаемой проблемой ученых стало обсуждение содержания и формулировок, которые предлагалось внести в ст. 497 проекта нового Уголовного Уложения (1903). Данная статья посвящена установлению уголовной ответственности для врачей, опустивших неисполнение профессионального врачебного долга посредством отказа в предоставлении необходимой медицинской помощи больному.

Представляется целесообразным провести сравнительный правовой анализ содержания наиболее совершенных по юридической технике норм ст. ст. 872 и 1522 Уложения (1845) в сопоставлении со ст. 124 действующего ныне УК РФ (1996). Целью сопоставления этих правовых норм и сопутствующего им правового основания является выявление пути развития юридической мысли. Как представляется, сделанные в результате выводы могут быть в определенной мере быть использованы в современной практике нормотворческой деятельности с точки зрения подхода к определению объекта преступления.

Многие идеи, высказанные в рамках рассматриваемой дискуссии по вопросам формирования уголовно-правовой регламентации особенностей уголовной ответственности медицинского работника, отказавшегося предоставить медицинскую помощь больному, в ней нуждающегося, целесообразно учитывать в процессе дальнейшего совершенствования инструментов правового регулирования медицинских преступлений в дальнейшем.

Следует напомнить, что теория уголовного права в целях анализа дифференцирует каждый существующий состав преступления на четыре элемента: выделяются объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Так, каждому преступному деянию присущ свой объект, который отражает круг правоотношений, которые в конкретном случае защищаются уголовным законом. В доктрине уголовного права принято выделять родовый, видовой и непосредственный объекты преступления. Эти объекты отражаются в структуре уголовного закона, вывод об объекте конкретного состава делается, исходя из того места в нормативном правовом акте (глава, раздел), которое отведено данной статье законодателем в структуре уголовного закона.

В наиболее общем виде под объектом анализируемого преступного деяния традиционно понимаются общественные отношения, которые обеспечивают права потерпевшего (больного) – а именно права на получение надлежащей медицинской помощи в целях сохранения здоровья и жизни, а также связанные с ними общественные ценности, правовые блага, общественный правопорядок.

Законодатель при создании уголовного закона исходит из того, что обеспечение уголовно-правовой охраны требуется только тем общественным отношениям, которые оцениваются в качестве жизненно важных в целом для социума и отдельных его членов, нарушение которых способно породить общественно опасные последствия.

Каждое преступное деяние, будучи общественно опасным нарушением норм закона и, соответственно, посягательством на интерес всего общества, всегда причиняет вред или создает реальную опасность причинения ущерба определённым охраняемым законом благам или интересам. Непосредственным объектом анализируемого преступления в настоящее время признается жизнь и здоровье человека.

Законодатель XIX в. исходил из других соображений, что привело к введению в уголовное законодательство не одной, а двух статей, в соответствии с которыми медицинский работник мог быть подвергнут уголовному преследованию и привлечен к уголовной ответственности за совершение бездействия путем отказа в оказании медицинской помощи больному. Эти статьи оказались сконструированы не очень удачно и потому имели чрезмерно сходство, вплоть до смешивания.

Далее проведем подробное изучение правовых соображений, которыми в дореволюционный период руководствовался отечественный законодатель, решающий проблему определения оснований уголовной ответственности по ятрогенным преступлениям. Прежде всего обратимся к анализу правовой регламентации уголовно-правового

запрета, закрепленного в ст. 1084 Уложения (1845), впоследствии перенесенного в ст. 872 Уложения (1885). В обеих статьях законодателем была отражена объективная сторона этого преступного деяния, которая состояла в неявке медицинского работника, получившего приглашение посетить больного в целях оказания необходимой помощи. То есть для квалификации деяния было достаточно факта неявки – безотносительно к наступившим правовым последствиям. То есть преступный состав сформулирован как формальный – наказание следовало за сам факт неявки по приглашению больного. Отметим, что законодателем перечислены специальности, которые составляли понятие «медицинский работник» – в него включались врачи, акушеры, фельдшеры, повивальные бабки.

Необходимо определить объект данного преступления, то есть какие общественные отношения защищает анализируемая норма уголовного закона. Сопоставляя содержание данной статьи со структурой Уложения с точки зрения размещения статьи в определенном разделе законодательного акта, можно сделать вывод об объекте, нарушению которого должен был противодействовать данный состав преступления.

Также необходимо оценить, в какую главу этого раздела правового акта была помещена данная статья, что позволит сделать обоснованный вывод о тех правоотношениях, которые защищает рассматриваемая норма уголовного закона.

Так, из изучения структуры Уложения видно, что законодатель в качестве родового объекта преступления выделил общественные отношения, направленные на обеспечение «общественного благоустройства, благочиния», на что указывает факт размещения статьи в соответствующем Разделе уголовного закона.

Видовым объектом явились общественные отношения, направленные на обеспечение «народного здоровья», что следует из размещения статьи в соответствующей Главе Уложения. В качестве непосредственного объекта данного преступления, как показывает анализ содержания статьи, выступали правила, нарушенные виновным лицом – прежде всего речь шла об «Уставах Врачебных», требования которых состояли в обязанности медицинского работника являться к больному по приглашению. Данный вывод вытекает из того факта, что ст. 872 Уложения непосредственно была размещена в седьмой части Главы нормативного правового акта, которая имела наименование «О нарушениях Уставов Врачебных». Именно эти требования были непосредственно нарушены субъектом анализируемого состава преступления.

Далее аналогичным образом рассмотрим объект второго выделенного состава, закрепленного в ст. 1997 Уложения (1845) и ст. 1522 Уложения (1885). Законодатель определил в качестве родового объекта данного преступления отношения, обусловленные оставлением человека в опасности, то есть преступление направлено против жизни и здоровья потерпевшего.

Так, анализируемая статья была размещена в соответствующем Разделе Уложения, а именно в Главе 5 «О произвольном оставлении человека в опасности и неоказании помощи погибающему».

Избранный законодателем подход к выбору место размещения статьи в нормативном акте и содержание использованных формулировок указывают на то, что преступление имеет реальный характер, то есть в этом случае речь уже не идет о формальном составе преступления. Согласно формулировке, которую применил законодатель, объективная сторона анализируемого преступного деяния, которое состояло в неявке профессионального медицинского работника по требованию (вызову) больного или роженицы, нуждающегося в оказании профессиональной медицинской помощи, тем самым ставя под реальную угрозу жизнь и здоровье больного, роженицы, новорожденного. Для привлечения к уголовной ответственности в данном случае требовалось наступления общественно опасных последствий в виде причинений увечий или смерти потерпевшего.

Анализ использованной формулировки и включение в нее указания на реальность угрозы состоянию охраняемого объекта и наступающих неблагоприятных последствий у потерпевшего приводит к выводу, что при отсутствии общественно опасного результата совершенное правонарушение не следует рассматривать в качестве преступного деяния – оно должно в таком случае оцениваться в качестве дисциплинарного проступка.

Анагенез текста анализируемой нормы также приводит к выводу о том, что законодатель рассматривает в качестве родового объекта правовой охраны общественные отношения, которые направлены на обеспечение сохранения «жизни, свободы и чести частного лица» (исходя из наименования Раздела уголовного закона).

Видовым объектом посягательства были определены общественные отношения, которые связаны с обеспечением поддержания «жизни и здоровья человека, недопустимость произвольного оставления человека в опасности и неоказания помощи погибающему» (исходя из наименования Главы уголовного закона).

Непосредственным объектом уголовно-правовой охраны в тексте анализируемой статьи определены жизнь и здоровье пациента, роженицы и новорожденного.

Сопоставление содержания ст. ст. 872 и 1522 Уложения, позволяет выявить наличие определенного сходства в использованных формулировках, несмотря на то, что эти нормы оказались целенаправленно размещены в разных разделах уголовного закона (и, соответственно, в разных его главах как составных частях разделов кодифицированного нормативного правового акта).

При конструировании первой из указанных выше статей законодателем был выбран путь создания формального состава преступления, состоящего в неявке медицинского работника по приглашению больного, нуждающегося в предоставлении медицинской помощи (ст. 872 Уложения). Согласно данной конструкции самого по

себе факта неявки медицинского работника по вызову было достаточно, чтобы деяние (бездействие) медицинского работника было расценено как преступление. Правовая оценка осуществлялась безотносительно к возникновению общественно опасных последствий для жизни и здоровья больного. Тем не менее, преступление посягает не на личные отношения, а на отношения «общественного благоустройства, благочиния и народного здравия».

Рассмотрение указанной нормы показывает, что она была создана в целях осуществления прежде всего профилактики правонарушений, допускаемых медицинскими работниками, не соблюдающими требования Врачебных уставов. Используемый законодателем формальный подход к правонарушению, не связанный с оценкой правовых последствий преступного деяний, позволял органам, осуществляющим уголовное преследование, своевременно принимать меры к нарушителям без наступления нежелательных последствий для пациентов. Использование такого подхода представляется целесообразным и разумным. Отказ от него современного законодателя не представляется правильным.

Далее рассмотрим особенности состава неоказания помощи больному или роженице, нуждающимся в предоставлении медицинской помощи (ст. 1522 Уложения). Данное деяние рассматривалось как преступление, посягающее на «жизнь, свободу и честь частного лица» – а именно больного, роженицы, новорожденного. Данный состав носил реальный характер, назначение наказания по данной статье происходило в случае возникновения нежелательных последствий, при этом размер наказания напрямую не зависел от размера причиненного вреда здоровью. В то же время при наступлении летального исхода наказание, как правило, носило более суровый характер.

Оба состава преступлений имели схожесть в описании объективной стороны деяний, но имелось существенное отличие: так, для привлечения к уголовной ответственности по ст. 872 Уложения, достаточно было самого факта неявки медицинского работника, который был в силу должностного положения обязан соблюдать требования Врачебного устава, безотносительно к наступлению общественно опасного результата, который возникал при причинении увечья или смерти больному. Наоборот, в ст. 1522 Уложения такая неявка признавалась преступной только в случае наступления увечья или летального исхода лечения.

Итак, проведенный анализ позиции российского законодателя относительно уголовной наказуемости неявки обязанного соблюдать Врачебные уставы медицинского работника к пациенту была наказуема в двух случаях: в рамках формального состава безотносительно к наступившим последствиям, в рамках реального состава – при реальном наступлении негативных последствий неявки для здоровья и жизни пациента.

В первом случае объектом правовой защиты были установленные правила оказания медицинской помощи, во втором случае ввиду возникновения общественно опасных последствий, акценты менялись и

основным объектом уголовно-правовой защиты становились жизнь и здоровье пациента.

Отметим, что создание состава преступления ст. 1522 Уложения в качестве реального состава преступления, посягающего на «жизнь, свободу и честь частного лица», данный подход не в полной мере логичным, поскольку размер назначаемого наказания не был связан с размером и характером наступивших общественно опасных последствий. Сказанное означает, что, в сущности, этот состав также предусматривал возможность назначить уголовное наказание медицинскому работнику, который допустил правонарушение судам следует назначать безотносительно к наступившим последствиям и их тяжести. В итоге уголовное наказание устанавливалось только за сам по себе факт неоказания помощи и оставления в опасности погибающего человека. В результате фактически статьи имели идентичный характер. В большей степени ст. 1522 Уложения решала бы проблему наказания в том случае, будь в ней предусмотрена определенная градация, ставящая размер санкции в зависимость от характера причиненного вреда здоровью (легкого, среднего или тяжкого), однако, в момент создания анализируемого нормативного правового акта еще не было принято дифференцировать вред здоровью по степени тяжести.

Итак, несмотря изначально правильный подход к созданию профилактической нормы, предупреждающей совершение более тяжких медицинских преступлений, по итогу законодателем было допущено почти дословное дублирование по форме и содержанию правовых норм, включенных в ст. ст. 872 и 1522 Уложения (1885). Отличия формулировок имели несущественный характер, так, в тексте ст. 872 был употреблен термин «неявка по приглашению больного» с целью оказания медицинской помощи, совершенная виновным лицом в отсутствие «особых законных к тому препятствий», тогда как в ст. 1522 употреблен термин «неявка по требованию о помощи», не имеющая существенного смыслового отличия. Такая неявка также признавалась преступной, когда была совершена «без особых законных к тому причин».

Некоторое отличие также было в том, что в первой ситуации речь шла только о пациенте, во втором – помимо больного также указывалось на неявку к роженице. В целом формулировки идентичны, при этом законодатель проводит разницу в формулировках приглашение больного – требование о помощи, а также во втором случае расширяет круг потерпевших, включая в него рожениц («родильниц»). И даже наказание, назначение по обеим статьям, не варьировалось. Изучение санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 1522 Уложения, показывает, что она имела прямую отсылку к наказаниям, определенным в ст. 872 анализируемого нормативного правового акта.

Итак, законодатель сконструировал состав ч. 1 ст. 1522 как более опасное в сравнении составом ст. 872, однако, предусмотрел тождественное наказание за их совершение, что лишило проведенную дифференциацию практического смысла.

Часть вторая ст. 1522 была сконструирована как квалифицированный состав, в ней предусматривалось более строгое наказание для медицинского работника, которому было заведомо о известно об опасности, угрожающей больному, роженице. Рамки санкции по этому составу включали возможность определить наказание в виде ареста, который устанавливалось на срок от семи дней до трех месяцев. Анализ данной нормы приводит к выводу, что, несмотря на возможность выбора размера наказания в определенных границах, законодателем не была определена зависимость размера уголовного наказания от тяжести наступивших последствий.

В сущности, наказание для медицинского работника не зависело не только от тяжести причиненного вреда пациенту и даже вообще от самого факта наступления негативных последствий, оно было поставлено в определенную зависимость только от субъективной стороны деяния, то есть внутреннего отношения подсудимого к содеянному, поскольку квалифицирующим был субъективный признак, отражающий осведомленность виновного лица об опасном состоянии больного лица, роженицы или новорожденного.

В дальнейшем отечественный законодатель исключил возникшее дублирование, отказавшись от формального состава, который использовался вплоть до 1903.

В дореволюционной России наиболее подробное нормативное регулирование уголовной ответственности за совершение профессиональным медицинским работником преступного деяния, которое состоит в отказе от оказания нуждающемуся лицу необходимой медицинской помощи было отражено в тексте ст. 497 нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1903). Этот состав преступления был включен в категорию преступных деяний, направленных против жизни и здоровья потерпевшего лица.

В ч.2 ст. 497 Уложения (1903) нашел отражение квалифицированный состав данного преступления, в качестве квалифицирующего признака в данном случае также использовался субъективный признак, отражающий осведомленность виновного лица об опасном состоянии больного лица, роженицы или новорожденного. За совершение квалифицированного преступления предусматривалось назначение виновному лицу повышенного наказания.

Итак, анализируемая ст. 497 Уложения (1903) максимально приближена к современному тексту ст. 124 действующего УК РФ. Данная норма применялась вплоть до революционных событий 1917 года.

Нельзя не отметить, что в новом Уголовном уложении (1903) состав преступления, ранее предусмотренный ст. 872 Уложения (1885), полностью исключен. То есть были предприняты меры к удалению дублирующей статьи, возможно, данная корректировка была внесена под влиянием сделанных в ходе общественной и научной дискуссии заявлений врачебной общественности.

Многими правоведами признается, что в Российской империи именно создание нового Уголовного уложения (1903) позволило правовой регламентации медицинской деятельности достичь уровня

самостоятельной подотрасли, поскольку именно в начале XX века медицинская деятельность стала рассматриваться как частные взаимоотношения врача и пациента, которые являются сторонами договора оказания медицинской услуги, оказываемой на коммерческих началах. Соответственно и уголовная ответственность за совершение профессиональных правонарушений в медицинской сфере стала рассматриваться исключительно с точки зрения нарушения прав конкретного частного лица, тогда как общественные отношения в сфере благочиния в данном контексте уже не рассматривались.

Итак, нормами вновь принятого Уголовного уложения (1903) предусмотрена возможность уголовного преследования медицинских работников, которые оставили в опасности погибающего пациента, роженицу.

Несмотря на сказанное, проведенный анализ содержания ст. 497 Уложения приводит к выводу, что по факту отечественным законодателем в качестве уголовно наказуемого деяния и в ней признает деяние, состоящее в неисполнении врачебных правил, регламентирующих порядок оказания помощи больному, поскольку, в сущности, в статье формулировка сохранилась традиционная, используемая с 1855 г.

Анализ санкции ч. 1 ст. 457 Уложения показывает, что суд имел возможность назначить наказание за совершение данного преступления в отношении общего субъекта в пределах до одного месяца ареста, также было предусмотрено альтернативное наказание в виде уплаты пени в сумме 100 рублей за неоказание помощи больному. Ответственность медицинских работников определялась по ч. 2 ст. 457, они подлежали привлечению к более строгой уголовной ответственности в качестве специального субъекта.

Рассмотрим использованную законодателем при создании ст. 457 Уложения формулировку с использованными ранее формулировками, отраженными в ст. ст. 872 и 1522 Уложения (1885).

Так, законодателем в редакции 1885 года определил совершение неявки к пациенту как необходимого условия привлечения виновного лица к уголовной ответственности за совершение медицинского преступления с указанием на отсутствие «особых законных к тому препятствий». В формулировке 1903 года законодатель предпринял некоторое смягчение используемого подхода, поэтому в формулировке ст. 497 употребил в качестве условия привлечения к уголовной ответственности неявку «без уважительной причины», то есть оборот максимально приближенный к современной трактовке. Так, по результату сопоставления данных норм с содержанием ныне действующей ст. 124 УК РФ может сделан вывод, что как в 1903 г., так в настоящее время сам по себе факт неоказания помощи больному конкретным медицинским работником не признается медицинским преступлением и не влечет уголовной ответственности, когда не породил общественно опасных последствий в виде причинения вреда здоровью пациента или летальному исходу лечения. То есть речь идет о дисциплинарном проступке. Как представляется, такой подход не

соответствует значимости профилактических мер применительно к существенности обеспечения неукоснительного выполнения правил оказания медицинской помощи гражданам.

Итак, уже более столетия данный подход законодателя неизменен безотносительно к государственному строю, позиция, которая была отражена в Уложении (1885), как представляется, способна в большей мере отразить сущность защищаемых уголовно-правовым механизмом правоотношений.

Как отмечено выше, игнорирование установленных правил в сфере медицины следует включить в формальный состав, который предусматривает уголовную ответственность именно за факты нарушения установленных правил, безотносительно от наступления негативных последствий для здоровья пациента.

В перспективе представляется целесообразным вернуться к идеям, закрепленным в Уложении (1885), а именно природу фактически имеющих место защищаемых отношений. Соответственно, необходимо закрепление, во-первых, состава преступления, объективная сторона которого состоит в бездействии, которое проявляется как неявка по вызову к больному, что повлекло неоказание медицинским работником помощи пациенту без законных на то причин.

Во-вторых, целесообразным представляется изменение формулировки 124 УК РФ, в ней необходимо предусмотреть ответственность медицинского работника за неоказание помощи, здесь потребуются поставить назначаемое наказание в прямую зависимость от тяжести причиненного вреда – как представляется, наказание должно отличаться в случае причинения средней тяжести вреда здоровью пациента и при причинении тяжкого вреда здоровью.

Итак, проведенное изучение привело к выводу о целесообразности перенесения с учетом исторической традиции ст. ст. 124 и 125 УК РФ в Раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» действующего УК РФ, это будет способствовать тому, что эти нормы смогут вновь занять свое место среди преступлений, которые в большей мере соответствуют природе охраняемого объекта.

Данное предложение вытекает из правового понимания проблемы правонарушения, которое исторически было законодательно закреплено в Уложении (1845), когда был криминализован сам факт неоказания медицинской помощи.

В советский период статья, регламентирующая уголовную ответственность медицинских работников за неоказание помощи умирающему больному включена в раздел «Оставление в опасности» УК РСФСР.

Анализ содержания указанной статьи показывает, что законодатель охватил ответственность любых лиц, представляющих собой медицинский персонал, который в силу своей профессии обязан оказывать медицинскую помощь.

Законодатель при формулировке рассматриваемой статьи учел особенности медицинской профессии и характера той помощи, которая

необходима больному. Это позволило ему выделить неоказание медицинской помощи в качестве самостоятельного состава преступления.

В анализируемой ст. 165 УК РСФСР (1922) были выделены простой и квалифицированный составы неоказания медицинской помощи. В качестве простого состава рассматривалось деяние (бездействие) специального субъекта, а именно профессионала, лица, имеющего обязанность оказывать медицинскую помощь в силу указания закона или установленных правил, который отказался без уважительной причины явиться к пациенту (простой состав, закрепленный в ч. 1 анализируемой статьи).

В формулировку квалифицированного состава законодатель включил отказ врача в оказании больному медицинской помощи, который заведомо способен повлечь последствия, имеющие опасность для состояния здоровья и жизни больного (ч. 2 анализируемой статьи уголовного закона).

После создания СССР был принят новый уголовный закон, УК РСФСР (1926), нормы об уголовной ответственности для медицинских работников за оставление больного в опасности были с определенными изменениями перенесены в данный кодифицированный акт.

Так, отечественным законодателем в ст. 157 УК РСФСР была уточнена диспозиция, также произошло снижение санкции по данной статье. Неоказание медицинской помощи здесь была определен в качестве специального вида оставления погибающего лица в опасности.

В советском уголовном законодательстве повышенное внимание уделялось определению статуса медицинского работника как специального субъекта преступления. Одновременно развивалась и расширялась система правовых норм, которыми регулировалась медицинская деятельность как особый вид профессиональной занятости.

В научном сообществе (как среди правоведов, так и медицинских работников развернулась дискуссия по вопросам правовой регламентации врачебной деятельности, выработке правил оказания медицинской помощи, а также природе врачебной ошибки. Особенно активной она была в 1920-х гг. Эти научные и общественные обсуждения в определенной мере отразились и в принимаемых уголовных законах.

Помимо норм, регламентирующих уголовную ответственность за отказ от оказания медицинской помощи в рассматриваемый исторический период, активно развивались в первое десятилетие советского периода и меры уголовной ответственности, которая наступает в случае ненадлежащего оказания медицинских услуг. Это проявилось во введении в уголовный закон ряда статей, защищающих право пациента на здоровье и жизнь.

Так, ст. 146 УК РСФСР (1922) законодатель закрепил такое преступное деяние, влекущее уголовную ответственность за проведение в ненадлежащих условиях аборта либо изгнания плода с согласия матери. Данные преступные деяния совершались специальным субъектом, прямо обозначенным в статье уголовного закона - в

формулировке указано на лицо, имеющее соответствующую медицинскую подготовку. Эта норма была без изменений перенесена в ст. 140 УК РСФСР (1926).

Также начиная с УК РСФСР (1926) отечественным законодателем введена норма, которая предусмотрела привлечение к уголовной ответственности за совершение врачебных манипуляций, порождающих опасные для здоровья пациента последствия (ст. 157 УК РСФСР). Ее введение можно рассматривать как важный шаг в формировании самостоятельного вида медицинского преступления, поскольку до этого квалификация действий виновного медицинского работника осуществлялась по общим нормам уголовного закона, имевшим универсальное значение для установления наказания за причинение вреда здоровью и жизни другого человека.

За совершение этого преступления законодатель предусмотрел возможность достаточно строгого уголовного наказания. Так, применительно к квалифицированному составу, закрепленному в ч. 2 ст. 157 УК РСФСР наказание назначалось альтернативно в виде лишения свободы или принудительных работ, при этом пределы санкции составляли срок отбывания наказания до одного года. Также мог быть назначен штраф в сумме до одной тысячи рублей.

Также законодателем введена уголовная ответственность в отношении медицинских работников, которые осуществляли медицинскую практику незаконно, то есть в отсутствие необходимого профессионального образования или разрешения. Уголовное наказание назначалось на основании ст. 180 уголовного закона в виде принудительных работ, пределы санкции составляли срок до шести месяцев. Также была возможность назначения штрафа на сумму до пятисот рублей.

Проведенный анализ активности советского законодателя в первом послереволюционном десятилетии, указывает на развитие законодательства о медицинских преступлениях, имела тенденция к росту как статей уголовного закона, предусматривающих уголовную ответственность для медицинских работников, так и возрастание в сопоставлении с предреволюционным периодом времени количества уголовных дел, которые возбуждались и расследовались против врачей.

В период с 1937 по 1953 гг. целого ряда уголовных дел, которые связаны как с реальными, так и сфабрикованными профессиональными медицинскими преступлениями. Анализ милицейской статистики показывает, что пик активности уголовного преследования по медицинским преступлениям пришелся на 1937 г., когда количество такого рода уголовных дел достигло 262 в год, затем количество возбужденных уголовных дел ежегодно постепенно снижалось и уало до нескольких десятков дел в год (к примеру, в 1948 г. были возбуждены 53 уголовных дела в отношении врачей).

В послевоенные годы, в 1949 году состоялась новая кампания, затронувшая представителей медицинской профессии, которые были привлечены к уголовной ответственности в рамках расследования уголовного дела «безродных космополитов», которое сопровождалось

множеством арестов врачей в целях «искоренения вредительства в лечебном деле». «Дело врачей» представляло собой не столько уголовный прецедент, сколько крупнейшую политическую акцию, которая на протяжении примерно десяти лет продолжала обсуждаться с точки зрения недостатков организации медицинской деятельности.

К 1960-м годам общественная дискуссия о врачебных ошибках перенесена в правовое поле, в связи с принятием нового уголовного закона. Стала очевидной необходимость совершенствования правовой регламентации как медицинской деятельности в целом, так и применительно к нормам уголовного закона о медицинских преступлениях.

Можно отметить, что именно рассматриваемый период в стране положено начало формированию оптимальной практики расследования такого рода уголовных дел, направленной на сбор объективных доказательств в целях максимально объективного оценивания содеянного.

В качестве основного доказательства вины медицинского работника по таким уголовным делам стали использоваться заключения судебно-медицинской экспертизы.

Новизна состояла в том, что для возбуждения уголовного дела по нарушениям в сфере медицины стало недостаточно поступления сигнала о профессиональном правонарушении. Поступивший сигнал рассматривался теперь как основание для инициирования административной проверки, по результатам которой у следователя появлялась возможность обоснованно, опираясь на мнение экспертов – специалистов высокой квалификации в сфере медицины, принять решение о возбуждении по данному факту уголовного дела, либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Он представляется разумным и продолжает использоваться отечественными следственными органами до настоящего времени.

Анализируя нормы УК РСФСР (1960) нормы, содержащие описание преступных деяний, которые сопряжены с оставлением человека в опасности и неоказанием медицинской помощи больному, следует отметить, что законодатель их объединил в единую категорию, разместив их в Главе 3 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности».

В силу своего профессионального положение медицинские работники имеют обязанность оказывать медицинскую помощь больным. Данная обязанность имеет место безотносительно к тому, трудоустроено ли данное лицо или находится, к примеру, на пенсии.

Квалифицирующим признаком, усиливающим уровень уголовной ответственности за совершение анализируемого преступного деяния, законодатель установил преступный результат – он состоял в неумышленном причинении ущерба здоровью пациента или смерти ввиду отказа в предоставлении медицинской помощи больному.

Сопоставляя юридическую технику данного законодательного акта с предшествующими, следует отметить, что законодатель снизил уровень конкретизации, убрав из формулировки нормы термин

«медицинский персонал», он был замещен более широким понятием «лицо, обязанное оказывать помощь по закону или по специальному правилу».

В действующем УК РФ (1996) также проведена определенная модернизация нормы, которая урегулировала уголовную ответственность за факт неоказания медицинской помощи больному. Ст. 124 УК РФ составляет включила две части, в первой закреплена простая состав преступления, во второй – квалифицированный состав.

Простой состав преступления предусмотрел возможность привлечения медицинского работника к уголовной ответственности по факту отказа в предоставлении медицинской помощи больному. Возможность квалифицировать как преступное деяние те случаи, когда в результате имели место преступное последствие в виде причинения вреда здоровью средней тяжести.

В отличие от предшествующих вариантов уголовного законодатель связал размер наказания за неоказание медицинской помощи с фактом наступления определенного вреда здоровью потерпевшего конкретной степени тяжести. Это значимая современная новелла уголовного закона.

Историческое развитие медицинских норм имеет циклический характер. Проведенное исследование позволило сформулировать следующие предложения.

Итак, проведенное изучение привело к выводу о целесообразности перенесения с учетом исторической традиции ст. ст. 124 и 125 УК РФ в Раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» действующего УК РФ, это будет способствовать тому, что эти нормы смогут вновь занять свое место среди преступлений, которые в большей мере соответствуют природе охраняемого объекта.

Данное предложение вытекает из правового понимания проблемы правонарушения, которое исторически законодательно закреплено в Уложении (1845), когда был криминализован сам факт неоказания медицинской помощи медицинским работником, в отсутствие законных причин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17.06.1996 № 25. (первоначальный текст).
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с изм. и доп.) // Доступ из СПС Консультант Плюс
3. Соборное Уложение 1649 года/ Московский государственный университет. Исторический факультет: официальный сайт // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/whole.htm#1> (дата обращения: 21.08.2024)
4. Устав врачебный // СПб. Свод законов Российской империи. –

Т. – 13. – 1892. – 341 с.

5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1845. – 898 с.

6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Составлено Н. С. Таганцевым. СПб.: Государственная типография, 1908. – 959 с.

7. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Изд. В. П. Анисимова, 1903. – 250 с.

8. Уголовный кодекс РСФСР: закон от 1.06.1922 (с изм. и доп. от 25.08.1924) (утратил силу) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС Консультант Плюс (дата обращения 24.08.2024).

9. Уголовный кодекс РСФСР: закон от 27.10.1960 (с изм. и доп. от 18.07.1995) (утратил силу) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС Консультант Плюс (дата обращения 24.08.2024)

10. Ильин Ф. И. Неоказание помощи больному в уложении о наказаниях 1845 года и Уголовном Кодексе РФ 1996 года: сравнительно-правовой анализ объекта преступления / Ф. И. Ильин. // Молодой ученый. – 2017. – № 17.1 (151.1). – С. 11-15.

11. Мартынов О. Н. Медицинская деятельность как критерий профессиональной ответственности: уголовно-правовой подход // Бюллетень науки и практики. Электрон. журн. 2017. №12 (25). С. 425-430.

12. Менье Л. История медицины / Л. Менье ; переводчик И. А. Оксёнов. – М.: Юрайт, 2024. – 320 с. С. 41.

13. Никитина И.О. Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения): дис. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 81-82.

14. Нуралиева З.А. История развития отношений, регулирующих ответственность за неоказание помощи больному / З. А. Нуралиева // Молодой ученый. – 2013. – № 5 (52). – С. 542-544.

15. Огнерубов Н. А. Специфика преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности: криминологический анализ. // Вестник Тамбовского университета. . 2014.

16. Черенкова М. Г. Развитие отечественного уголовного законодательства о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи в дореволюционный период/ М. Г. Черенкова// Экономика и право. – 2021. –№ 06. – С. 161-165.

17. Поцелуев Е.Л. Медицинская ошибка и преступление: равнозначные понятия? / Е.Л. Поцелуев, А.Е. Горбунов // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2017. – Т. 5, № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru/> (дата обращения: 24.08.2024)

18. Селивановская И. А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года: правовые аспекты / И. А. Селивановская // Историческое обозрение. – 2017. –№ 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 24.08.2024)

**FEATURES OF THE ANAGENESIS OF LEGAL NORMS
REGULATING THE CRIMINAL PROSECUTION
OF PROFESSIONAL MEDICAL WORKERS FOR FAILURE
TO PROVIDE MEDICAL CARE TO A PATIENT INCORRECTLY**

Cherenkova M.G.

In this article, we will consider the peculiarities of the development in domestic criminal law of norms establishing liability measures applied to medical workers who refused to provide the necessary professional medical care to the patient. The failure to provide medical care, the provision of substandard or untimely medical care significantly violates natural human rights, the most valuable of which are the rights to life and health. These rights are an integral part of almost all ethical and legal systems. They have been widely discussed in the legal and philosophical literature for many centuries, their official consolidation at the level of both national and international law only in the middle of the twentieth century. Legislators of earlier historical periods did not have such a legal basis for creating legal norms regulating the possibility of criminal prosecution of medical workers whose actions caused damage to life and health.

Keywords: State regulation, anagenesis, medical science, medical care, normative legal acts, assistance, crimes of doctors, health care system, criminal code, criminal legislation, the objective side of the commission of a medical crime.

Учредитель журнала: Тихонова Жанна Сергеевна, Ростовская область, Аксайский район, пос. Водопадный, ул. Виноградная д. 10,
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в СМИ: серия ПИ № ФС77-85701 от 21 июля 2023г.
Регистрирующий орган: ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
Издательство: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН: 615108078357
Адрес редакции: РОССИЯ, обл. РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ пос. Водопадный, ул. Виноградная д. 10
Печатается в типографии: Издательство профессиональной прессы и литературы «Профпресслит», ИП Нефедов Д.В.
Адрес типографии: 344019 г. Ростов-на-Дону Мясникова ул, д 52/32,
E-mail: Nauka-pravo77@yandex.ru **Сайт редакции:** <https://academsfera.ru/>
Подписано в печать 05.10.2024г. Выход в свет 31.10. 2024г., 12,28 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 202-24/61. Цена свободная